

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343

EDN: GGFMIB

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-1

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОРГАНОВ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Ирина Васильевна Гребенщикова

Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Екатеринбург, Россия

grebenshikova_iv@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг. стала серьезным испытанием для всего советского народа. Деятельность государства была перестроена в соответствии с условиями военного времени: для координации работы органы государственного управления реорганизовывались, а также образовывались новые. Одним из таких вновь созданных органов стала Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. Опыт создания и деятельности подобной комиссии имеет огромное значение в современных условиях, когда возникла необходимость фиксации и расследования злодеяний киевского режима. Сказанное обуславливает несомненную актуальность данной темы. Цель настоящей работы – на основе изучения и анализа нормативных правовых актов и имеющейся научной литературы, посвященной организации Чрезвычайной государственной комиссии, обозначить большую практическую значимость создания подобных подразделений в чрезвычайных условиях, а также в период проведения Российской Федерацией специальной военной операции. *Материалы и методы.* С помощью методов научного познания на основе анализа нормативных правовых актов и имеющейся научной литературы был обобщен положительный опыт создания и деятельности Чрезвычайной государственной комиссии в годы Великой Отечественной войны, отмечено влияние данного опыта на создание аналогичных структур в современных условиях с целью фиксации злодеяний киевского режима. *Результаты.* Исследованы нормативные правовые акты и научная литература по организации и деятельности Чрезвычайной государственной комиссии, осуществлявшей фиксацию и расследование преступлений против человечности в годы Великой Отечественной войны, рассмотрена возможность использования опыта работы данных подразделений в современных условиях. *Выводы.* Опыт организации и деятельности Чрезвычайной государственной комиссии имеет огромное практическое значение в современном мире для фиксации нарушений норм международного права киевским режимом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Чрезвычайная государственная комиссия, немецко-фашистские захватчики, военные преступники, злодеяния немецко-фашистских захватчиков, гражданское население, нормы международного права, киевский режим, уголовный кодекс

Для цитирования: Гребенщикова И. В. Правовое регулирование организации и деятельности чрезвычайных органов по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 3. С. 5–12. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-1 EDN: GGFMIB

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Original article

LEGAL REGULATION OF THE ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF EMERGENCY ESTABLISHMENT BODIES AND THE INVESTIGATION OF THE ATROCITIES OF THE NAZI INVADERS

Irina V. Grebenshikova

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Yekaterinburg, Russia
grebenshikova_iv@mail.ru

Abstract. *Background.* The Great Patriotic War of 1941–1945 became a serious test for the entire Soviet people. The activities of the state were transferred to wartime conditions: to coordinate the work, government bodies were reorganized, as well as new ones were formed. One of these newly created bodies was the Extraordinary State Commission for the Identification and Investigation of the Atrocities of the Nazi Invaders and Their Accomplices and the Damage they caused to Citizens, collective farms, public organizations, state enterprises and institutions of the USSR (ChGK). The experience of creating and operating such a commission is of great importance in modern conditions, when it became necessary to record and investigate the atrocities of the Kiev regime. This makes this topic undoubtedly relevant. The purpose of this work is to identify the great practical importance of creating such units in emergency situations, as well as during a special military operation by the Russian Federation, based on the study and analysis of regulatory legal acts and the available scientific literature on the organization of ChGKs. *Materials and methods.* Using methods of scientific knowledge based on the analysis of normative legal acts and available scientific literature, the positive experience of the creation and operation of the ChGK during the Great Patriotic War and the impact of this experience on the creation of similar structures in modern conditions in order to record the atrocities of the Kiev regime were summarized. *Results.* The author has studied the normative legal acts and scientific literature on the organization and activities of the ChGK, which recorded and investigated crimes against humanity during the Great Patriotic War, and the use of the experience of these units in modern conditions. *Conclusions.* The experience of organizing and operating the ChGK is of great practical importance in the modern world for fixing violations of international law by the Kiev regime.

Keywords: The Great Patriotic War, Extraordinary State Commission, Nazi invaders, war criminals, atrocities of the Nazi invaders, the civilian population, the norms of international law, the Kiev regime, criminal code

For citation: Grebenshikova I.V. Legal regulation of the organization and activities of emergency establishment bodies and the investigation of the atrocities of the Nazi invaders. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(3):5–12. (In Russ.). doi:10.21685/2307-9525-2025-13-3-1

С самых первых дней начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. вся деятельность органов управления Советским государством была переведена на военные рельсы. В данный исторический период структура и работа отдельных органов, например, путей сообщения, связи, была перестроена. Некоторые организации и подразделения были созданы в условиях военного времени.

В самый разгар Великой Отечественной войны Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. № 160/17 «Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» (далее – Указ) была создана Чрезвычайная государственная комиссия (ЧГК). Ее деятельность имела огромное значение не только

для фиксации преступлений нацистов и их союзников, но и для формирования международного права в области ответственности за военные преступления и преступления против человечности.

Исследованием вопросов организации и деятельности ЧГК, судебных процессов против военных преступлений в годы войны в разное время занимались такие историки и правоведы, как, например, Б. Н. Ковалев [1], А. С. Саенко [2], А. С. Братчик, К. П. Курылев [3], А. Б. Асташов [4], Н. С. Лебедева [5], С. Г. Степаненко [6], А. А. Крупенников [7], А. С. Емелин [8], А. Е. Епифанов [9, 10], Е. Н. Бутенко [11] и другие ученые, внесшие большой вклад в изучение данных вопросов.

Несмотря на большое количество исследований, рассмотрение деятельности ЧГК остается по сей день актуальным, особенно после свершившихся преступлений киевского режима в Донбассе и в условиях последующего проведения специальной военной операции (СВО).

В годы войны действовали принятые международные соглашения, в том числе содержащие систему принципов и норм о правах человека, которые определяли правовой статус различных категорий граждан в условиях вооруженных конфликтов, а также положения, регламентирующие ответственность за преступные нарушения этих норм в условиях военных действий. Такими международными актами, действовавшими во время войны, были Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг., Женевская конвенция 1929 г., а также принятый сразу после окончания войны 8 августа 1945 г. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников.

В Гаагскую конвенцию 1907 г. (далее – IV Конвенция) входило Положение о законах и обычаях сухопутной войны, где среди прочих были зафиксированы нормы международно-правовой защиты в отношении военнопленных, которые были пленены, ранены или больны. Большое значение данная Конвенция имела для определения правового статуса гражданских лиц (мирных жителей), оказавшихся на оккупированной территории, поскольку это был единственный нормативный правовой акт, устанавливающий юридические меры защиты мирных жителей на оккупированной территории.

Так, на основании ст. 23, 44 и 45 IV Конвенции власти оккупировавшей страны не должны были принуждать гражданское население к присяге и верности, к участию в военных действиях против своего государства, к свидетельствованию о действиях армии своего государства. Статьей 46 предусматривалась защита частной собственности мирного населения, их религиозных взглядов и т.д.

Женевской конвенцией 1929 г. определялся правовой статус военнопленных, раненых и больных. Несмотря на то, что данная Конвенция не была ратифицирована руководством СССР, отраженные в ней нормы Советским государством соблюдались.

Уставом Международного военного трибунала было предусмотрено, что военные преступления, а именно нарушение законов и обычаев войны, влекут за собой индивидуальную ответственность.

Необходимость фиксировать преступления против человечности в период войны повлекла за собой создание чрезвычайной комиссии.

До создания ЧГК сведения о злодеяниях фашистов направлялись в госархивы НКВД в соответствии с указом НКВД СССР от 25 февраля 1942 г. [12, с. 11].

Данным нормативным актом были определены функции ЧГК: «Полный учет злодейских преступлений нацистов и причиненного ими ущерба советским гражданам и социалистическому государству, установление личности немецко-фашистских преступников с целью предания их суду и суровому наказанию; объединение и согласование уже проводимой советскими государственными органами работы в этой области» [12, с. 13].

Положением о ЧГК, утвержденным постановлением СНК от 16 марта 1943 г. № 299, был обозначен круг ее полномочий: сбор документальных данных, проверка их достоверности, при необходимости – публикация материалов о нацистских преступлениях и материальном ущербе; право на издание распоряжений и инструкций по вопросам, входящим в ее ком-

петенцию, а также создание комиссий в республиках и областях под руководством ЧГК. К началу 1944 г. действовало 19 областных и республиканских комиссий [13, с. 102].

Более 7 млн человек разных профессий приняли участие в составлении актов о преступлениях фашистов и установлении причиненного ими ущерба [14, с. 78]. Данный процесс обусловил наличие, соответственно, двух видов актов:

1) о преступлениях немецко-фашистских оккупантов;

2) об установлении причиненного ущерба. Составление актов и списков убитых, зверски замученных и угнанных в рабство четко регламентировалось инструкциями: от 7 мая 1943 г., одобренной Постановлением СНК СССР № 493 «О порядке учета ущерба, причиненного гражданам СССР и их имуществу», и от 31 мая 1943 г., одобренной постановлением СНК СССР № 667 «О порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков» [15, с. 56]. Факты злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников фиксировались актами на основе заявлений советских граждан; опросов потерпевших, свидетелей; врачебных экспертиз и осмотров мест совершения преступлений не позднее чем в трехмесячный срок после освобождения территории, оккупированной немецко-фашистскими захватчиками.

Например, 21 декабря 1944 г. комиссией в составе уполномоченного по расследованию злодеяний немецкими фашистами над гражданами Букчанского сельского исполкома Туровского района Полесской области (Белоруссия) были составлены акт и поименные списки на основании свидетельских показаний граждан деревни Букча.

Так, по поручению немецкого командования полиции из числа местных жителей во главе с комендантом местной полиции в августе 1941 г. расстреляли ни в чем не повинного жителя деревни Букча, а шестерых граждан угнали и также по дороге расстреляли.

Из свидетельских показаний был установлен и оформлен поименный список местных жителей деревни Букча, расстрелянных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками. В ходе первой карательной экспедиции по усмирению партизанского движения Полесья в январе 1943 г. оккупанты численностью четыреста вооруженных солдат во главе с комендантом местной полиции подвергли сожжению деревни Букча и Корма Букчанского сельского исполкома Туровского района Полесской области и расстреляли ни в чем не виновных женщин, детей и стариков в количестве 67 человек, из которых трупы 34 граждан были сожжены, а остальные подверглись зверским издевательствам и обезображиваниям. Также за связь с партизанами были подвергнуты зверским истязаниям два жителя деревни 46 и 61 года, после пыток они были публично повешены.

В ходе второй карательной экспедиции в деревню в июле 1943 г. в лесах были схвачены прятавшиеся от немецких захватчиков 7 граждан деревни Букча. Из числа арестованных дети 7 и 9 лет были отправлены в концлагерь-распределитель, где у них брали кровь для раненых фашистов, а остальных задержанных забрали в немецкое рабство¹.

Поименные списки советских граждан – жителей деревень Букча и Корма, угнанных в немецкое рабство и расстрелянных, в соответствии с положением об оформлении документов такого типа были подписаны членами комиссии и гражданами, давшими показания о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов. Подписи комиссии были заверены печатью и подписью председателя и секретаря Туровского райсовета депутатов трудящихся.

И это пример преступлений только в отношении граждан одной небольшой белорусской деревни, а таких населенных пунктов были сотни тысяч. По имеющейся информации, немцы уничтожили 1700 городов и более шестидесяти тысяч сел [16].

Организационное построение ЧГК было определено 3 апреля 1943 г. путем утверждения штатной структуры в количестве 116 человек².

Собранные ЧГК материалы позволили уже в 1943 г. провести судебные процессы по делам военных преступников в Харькове и Краснодаре, а несколько позже (в 1945–1946 гг.) –

¹ Материалы из личного архива Колесного Василия Илларионовича.

² Епифанов А., Асташкин Д., Сидоров Д. Следствие ведет ЧГК // Нюрнберг. Начало мира : сайт. URL: <https://nuremberg.media/dokazatelstvo/20201127/37706/Sledstvie-vedet-ChGK.html> (дата обращения: 25.03.2025).

и в других городах: Киеве, Минске, Риге, Ленинграде, Смоленске, Брянске, Великих Луках и др. [17, с. 18–22].

Комиссия изучила 54 тыс. актов и свыше 250 тыс. протоколов опросов свидетелей и заявлений о злодеяниях фашистов. Было рассмотрено около 4 млн актов об ущербе, причиненном немецкими захватчиками; лишь прямой ущерб составлял 679 млрд руб. [18, с. 186].

Материалы по фиксации и расследованию преступлений фашистских захватчиков, содержавшие списки лиц, замученных и убитых, а также списки мирных жителей, угнанных для трудовой эксплуатации, которые были собраны ЧГК, стали основанием для составления списков как руководителей, так и непосредственных исполнителей преступлений и их пособников. Именно эти материалы стали одними из основных доказательств в Нюрнбергском процессе.

Полученные в результате деятельности ЧГК материалы имели большое значение в рамках проведения фильтрационных мероприятий в период репатриации граждан, так как в них в том числе содержались сведения (ФИО, место проживания и непосредственное участие в карательных операциях или иных мероприятиях, нарушающих права мирного населения) в отношении пособников немецких оккупантов, что являлось доказательной базой для их ареста и осуждения.

Сложно переоценить огромное значение собранных материалов для установления правового статуса лиц, оказавшихся на территории других государств в ходе войны по различным обстоятельствам. Это и угнанные в рабство гражданские лица, и узники концлагерей. Особо здесь необходимо отметить возможность установления правового статуса детей – узников лагерей-распределителей и концентрационных лагерей, поскольку благодаря свидетельским показаниям они смогли подтвердить статус малолетних узников концлагерей, который приравнивается к статусу участника Великой Отечественной войны.

В дальнейшем как Устав Международного военного трибунала, так и приговоры Нюрнбергского трибунала, где доказательной базой выступали собранные ЧГК материалы, послужили процессу кодификации законодательства в отношении мирного населения в условиях военных действий.

Миновало много лет со дня победы Советского государства в войне, и, казалось бы, народу-победителю больше не придется столкнуться с преступлениями против человечности. Но с течением времени многое забылось [19]. Стали не единичными попытки со стороны западноевропейских государств и даже со стороны некогда наших сограждан переписать историю, принизить роль Советского Союза и советского народа в победе над фашистской Германией.

Фальсификация исторических событий может иметь серьезные последствия для общества, поскольку она приводит к искажению исторической памяти, подрыву доверия к исторической науке и формированию ложных представлений о прошлом. Учитывая сказанное, важно бороться с фальсификацией исторических событий и поддерживать историческую правду, которая позволяет объективно оценивать и анализировать прошлое, для извлечения уроков и предотвращения повторения ошибок.

К сожалению, можно констатировать тот факт, что после распада СССР на Украине активизировались политические силы, придерживающиеся радикальных националистических взглядов. Героизация нацизма и бывших немецких пособников времен войны четко прослеживается на государственном уровне, несмотря на то, что их злодеяния против человечности доказаны в ходе Нюрнбергского процесса.

Преступления киевского режима в Донбассе, а также преступления Вооруженных сил Украины (ВСУ) после начала СВО подтверждают тот факт, что опыт организации и деятельности ЧГК имеет огромное практическое значение в настоящее время.

Расследование уголовных дел о преступлениях киевского режима в Донбассе началось в 2014 г. В соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации все иностранные граждане, которые совершили преступления, направленные против интересов России и ее граждан, подлежат уголовной ответственности [20].

Только с момента эскалации конфликта украинской стороной и начала последующей СВО было возбуждено 1443 уголовных дела. По данным следствия, в результате преступных действий украинской стороны в период с 2014 по 2023 г. пострадали почти 14 тыс. жителей Донбасса. Из них около 5 тыс. убиты и почти 9 тыс. получили ранения¹.

В ноябре 2022 г. в сети было опубликовано ужасное видео с расстрелом российских военнопленных, после чего в Совете по правам человека при Президенте России призвали создать международную комиссию по расследованию преступлений военнослужащих ВСУ, а также воюющих на их стороне боевиков в соответствии с нормами международного права².

24 июля 2023 г. в Совете Федерации состоялось заседание комиссии по расследованию преступных действий в отношении несовершеннолетних со стороны киевского режима. Многих детей из-под обстрелов спасают наши военные и волонтеры, оказывая им всю необходимую медицинскую помощь. Для наращивания мер поддержки таким детям необходимо определить их статус, в связи с чем идет сбор доказательств преступлений, убийств мирных жителей, внесудебных казней, совершаемых ВСУ.

В августе 2024 г. ВСУ вторглись на территорию Курской области, где гражданское население, пытавшееся эвакуироваться в безопасное место, подверглось со стороны украинских наемников и радикалов массовым расстрелам, сексуальному насилию, пыткам, уничтожению частного имущества, мародерству и т.д., что является нарушением норм международного права. Итоговые цифры всех злодеяний еще предстоит установить, что обусловлено появлением новых фактов и свидетельских показаний о бесчинствах ВСУ на территории Курской области.

Таким образом, сложно переоценить богатейший опыт организации и деятельности ЧГК, созданной в условиях Великой Отечественной войны. Собранные комиссией документы были опубликованы в двух томах и стали одним из важнейших доказательств в ходе Нюрнбергского процесса над фашистами. Полученный опыт имеет большое практическое значение и в наши дни в связи с созданием аналогичных структур для фиксации и расследования преступлений киевского режима в современных условиях.

Список литературы

1. Ковалев Б. Н. Акты ЧГК (Чрезвычайной государственной комиссии) о преступлениях Голубой дивизии под Новгородом (1941–1942 гг.) // Вестник Новгородского государственного университета. 2013. № 73–1. С. 88–92. EDN: [RPXZVX](#)
2. Саенко А. С. «Гестаповцы выворачивали руки, щипцами вырывали куски мяса на лице...». Акты Чрезвычайной государственной комиссии как исторический источник о преступлениях нацистов в оккупированном Донбассе. 1941–1943 гг. // Военно-исторический журнал. 2023. № 10. С. 62–69. EDN: [UPUMYE](#)
3. Братчик А. С., Курылев К. П. Процесс формирования антироссийской политики на Украине: история и современность // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5, № 5. С. 450–463. EDN: [WUKDEJ](#)
4. Асташов А. Б. Нарушение законов и обычаев войны на русском фронте Первой мировой (по материалам российской Чрезвычайной следственной комиссии) // Новая и новейшая история. 2014. № 2. С. 35–46. EDN: [SDNPCD](#)
5. Лебедева Н. С. Подготовка Нюрнбергского процесса : монография. М. : Наука, 1975. 236 с. EDN: [RKPKRF](#)
6. Степаненко С. Г. Деятельность Чрезвычайной государственной комиссии СССР по выявлению военных преступлений фашистской Германии на территории Краснодарского края : дис. ... канд. истор. наук : 07.00.02. Майкоп, 2010. 215 с. EDN: [QEUNGL](#)
7. Крупенников А. А. О некоторых судебных процессах против военных преступлений в конце 40-х – начале 50-х годов // Рейтар: Военно-исторический журнал. 2004. № 10 (7). С. 187–208.
8. Емелин А. С. Правовые основы превращения СССР в единый военный лагерь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М. : Московская академия МВД России, 2000. 145 с.

¹ Интервью Председателя СК России информационному агентству ТАСС // Дзен Платформа : сайт. URL: https://dzen.ru/a/Y_Mff7DciS1oDezV (дата обращения: 25.03.2025).

² В СПЧ предложили создать комиссию по расследованию преступлений ВСУ // RuNews24 : сайт. URL: <https://runews24.ru/politics/19/11/2022/d4c85f6681dd65a4979c29835ec9ab18> (дата обращения: 25.03.2025).

9. Епифанов А. Е. Организация и деятельность Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию нацистских злодеяний: историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 1996. 191 с.
10. Епифанов А. Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект). Волгоград : Волгоградский юридический институт МВД РФ, 1997. 216 с. EDN: [AYATUZ](#)
11. Бутенко Е. Н. Создание и деятельность Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников (на материалах Курской области) // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1 (27). С. 25–30. EDN: [WCYSWV](#)
12. Алферов И. В., Блохин В. Ф. Основания и деятельность чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (1942–1945 гг.) // Вестник Брянского государственного университета. 2020. № 4. С. 9–18. doi: [10.22281/2413-9912-2020-04-04-09-19](https://doi.org/10.22281/2413-9912-2020-04-04-09-19) EDN: [OMPAOC](#)
13. Сысоев И. Р., Дашин В. В. Чрезвычайная государственная комиссия в правовом механизме привлечения к ответственности военных преступников // Интерактивная наука. 2022. № 6 (71). С. 101–103. doi: [10.21661/r-556832](https://doi.org/10.21661/r-556832) EDN: [DFMBEK](#)
14. Мулукаев Р. С. Преступления немецко-фашистских захватчиков, совершенные на территории СССР, и их правовая оценка // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 2 (22). С. 76–79. EDN: [PWXCUN](#)
15. Епифанов А. Е. Организационные и правовые основы деятельности комиссий по установлению и расследованию гитлеровских злодеяний // Правовая парадигма. 2017. Т. 16, № 4. С. 54–61. doi: [10.15688/lc.jvolsu.2017.4.7](https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2017.4.7) EDN: [YSIRLN](#)
16. Ни давности, ни забвения: по материалам Нюрнбергского процесса / ред. и авт. предисл. Л. Н. Смирнов. М. : Юридическая литература, 1983. 400 с.
17. Утевский Б. С. Судебные процессы о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории СССР / под ред. М. Н. Рычкова. М. : Юрид. изд-во ; Л. : тип. Евг. Соколовой, 1946. 60 с.
18. Упоров И. В., Лысов В. А. Чрезвычайная государственная комиссия в правовом механизме привлечения к ответственности военных преступников (на примере судебного процесса в Краснодаре, 1943 год) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 11–4 (62). С. 185–189. doi: [10.24412/2500-1000-2021-11-4-185-189](https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-11-4-185-189) EDN: [BRNVGQ](#)
19. Права человека и гибридные войны / А. В. Басова, Д. С. Велиева, Е. А. Капитонова [и др.]. М. : Проспект, 2023. 184 с. EDN: [OYPXAR](#)
20. Романовский Г. Б. Правовой статус Следственного комитета Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2013. № 1 (1). С. 114–121. EDN: [SZYAQL](#)

References

1. Kovalev B.N. Acts of the ChGK (Extraordinary State Commission) on the crimes of the Blue Division near Novgorod (1941–1942). *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Novgorod State University*. 2013;(73–1):88–92. (In Russ.)
2. Saenko A.S. "The Gestapo officers pulled out their hands, tore out pieces of meat from their faces with their fingers..." Acts of the Chief State Commission as a historical source on the crimes of the Nazis in the occupied Donbass. 1941–1943. *Voenno-istoricheskii zhurnal = Military history journal*. 2023;(10):62–69. (In Russ.)
3. Bratchik A.S., Kurylev K.P. The process of forming anti-Russian policy in Ukraine: history and modernity. *Postsoverskie issledovaniya = Post-Soviet studies*. 2022;5(5):450–463. (In Russ.)
4. Astashov A.B. Violation of the laws and customs of war on the Russian front during the First World War (based on materials from the Russian Extraordinary Investigative Commission). *Novaya i noveyshaya istoriya = Modern and contemporary history*. 2014;(2):35–46. (In Russ.)
5. Lebedeva N.S. *Podgotovka Nyurnbergskogo protsessa: monografiya = Preparation for the Nuremberg Trials: A monograph*. Moscow: Nauka, 1975:236. (In Russ.)
6. Stepanenko S.G. *Activities of the Extraordinary State Commission of the USSR for the identification of war crimes of Nazi Germany in the Krasnodar Territory*: PhD dissertation. Maykop, 2010:215. (In Russ.)
7. Krupennikov A.A. On some war crimes trials in the late 1940s and early 1950s. *Reytar: Voenno-istoricheskii zhurnal = Reitar: Military history journal*. 2004;(10):187–208. (In Russ.)

8. Emelin A.S. *Pravovye osnovy prevrashcheniya SSSR v edinyy voennyi lager' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* = *Legal basis for the transformation of the USSR into a single military camp during the Great Patriotic War of 1941–1945*. Moscow: Moskovskaya akademiya MVD Rossii, 2000:145. (In Russ.)
9. Epifanov A.E. *Organization and activities of the Extraordinary State Commission for the Establishment and Investigation of Nazi Crimes: historical and legal aspect*: PhD dissertation. Moscow, 1996:191. (In Russ.)
10. Epifanov A.E. *Otvetstvennost' gitlerovskikh voennykh prestupnikov i ikh posobnikov v SSSR (istoriko-pravovoy aspekt)* = *Responsibility of Hitler's war criminals and their accomplices in the USSR (historical and legal aspect)*. Volgograd: Volgogradskiy yuridicheskiy institut MVD RF, 1997:216. (In Russ.)
11. Butenko E.N. The creation and activities of the Extraordinary State Commission for the investigation of the atrocities of the Nazi invaders and their accomplices (based on materials from the Kursk region). *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Bryansk State University*. 2016;(1):25–30. (In Russ.)
12. Alferov I.V., Blokhin V.F. The foundations and activities of the Extraordinary Commission for the Establishment and Investigation of the Atrocities of the Nazi Invaders (1942–1945). *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Bryansk State University*. 2020;(4):9–18. (In Russ.). doi: [10.22281/2413-9912-2020-04-04-09-19](https://doi.org/10.22281/2413-9912-2020-04-04-09-19)
13. Sysoev I.R., Dashin V.V. The Extraordinary State Commission in the legal mechanism for bringing war criminals to justice. *Interaktivnaya nauka* = *Interactive Science*. 2022;(6):101–103. (In Russ.). doi: [10.21661/r-556832](https://doi.org/10.21661/r-556832)
14. Mulukaev R.S. Crimes of the Nazi invaders committed on the territory of the USSR and their legal assessment. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* = *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012;(2):76–79. (In Russ.)
15. Epifanov A.E. Organizational and legal basis for the activities of the commission for the establishment and investigation of Hitler's atrocities. *Pravovaya paradigma* = *Legal paradigm*. 2017;16(4):54–61. (In Russ.). doi: [10.15688/lc.jvolsu.2017.4.7](https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2017.4.7)
16. *Ni davnosti, ni zabveniya: po materialam Nyurnbergskogo protsessa* = *No statute of limitations, no oblivion: based on materials from the Nuremberg trials*. Editor and author of the preface L.N. Smirnov. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1983:400. (In Russ.)
17. Utevskiy B.S. *Sudebnye protsessy o zlodeyaniyakh nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov na territorii SSSR* = *Trials on the atrocities of the Nazi invaders on the territory of the USSR*. Moscow: Yurid. izd-vo; Leningrad: tip. Evg. Sokolovoy, 1946:60. (In Russ.)
18. Uporov I.V., Lysov V.A. Emergency State Commission on the Legal Mechanism of Enforcement of Military Offenders' Liability (based on a court case in Krasnodar, 1943). *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* = *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021;(11–4):185–189. (In Russ.). doi: [10.24412/2500-1000-2021-11-4-185-189](https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-11-4-185-189)
19. Basova A.V., Velieva D.S., Kapitonova E.A. et al. *Prava cheloveka i gibridnye voyny* = *Human rights and hybrid wars*. Moscow: Prospekt, 2023:184. (In Russ.)
20. Romanovskiy G.B. Legal status of the Investigative Committee of the Russian Federation. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2013;(1):114–121. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

И. В. Гребенищикова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66. ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-5767-274X>

I.V. Grebenshikova – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 66 Korepina street, Yekaterinburg, 620057. ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-5767-274X>

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests**

Поступила в редакцию / Received 08.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.06.2025

Принята к публикации / Accepted 30.07.2025

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340

EDN: ZFSBPQ

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-2

УКАЗ О ЕДИНОНАСЛЕДИИ 1714 г. КАК КОМПЛЕКСНЫЙ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ АКТ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Елена Викторовна Зазолина

Государственный университет «Дубна», Дубна, Россия

elena_zazolina@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Исследуется законодательный акт петровской эпохи – указ от 23 марта 1714 г. (указ о единонаследии) с точки зрения его рассмотрения как комплексного нормативно-правового акта, содержащего нормы различных отраслей права: земельного, гражданского, наследственного и в области осуществления государственной службы. На основании анализа и изучения положений указа 1714 г. устанавливаются цели и причины принятия данного акта. Рассматриваются и анализируются нормы земельного, гражданского, наследственного права, включенные законодателем в указ 1714 г., выявляется их взаимосвязь при регулировании отношений в области осуществления государственной службы. Структурно исследование состоит из нескольких разделов, включающих обзор существующих исследований по законодательной деятельности Петра I, анализ содержания основных положений указа 1714 г., а также причины его отмены. Предложенная структура позволяет наиболее полно раскрыть тематику настоящего исследования. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа правовых норм указа 1714 г. о единонаследии. Методология исследования представлена общенаучными методами познания, а также методами правовой науки – историко-правовым, формально-юридическим и сравнительно-правовым. *Результаты.* Исследованы и проанализированы правовые нормы указа 1714 г.; выявлены особенности и взаимосвязь правовых норм указа 1714 г. в области гражданского, наследственного, земельного права и в отношении осуществления государственной службы. *Выводы.* Сделан вывод о комплексном характере указа 1714 г. о единонаследии, который заключается в тесной взаимосвязи норм права, регулировавших различные сферы общественных отношений. Введенный указом 1714 г. принцип единонаследия был противоречащим традициям русского общества и быта, вследствие чего указ не принес ожидаемых результатов.

Ключевые слова: Петр I, указ 1714 г., единонаследие, земельные права, движимое имущество, недвижимое имущество, дворянство, государственная служба, наследование

Для цитирования: Зазолина Е. В. Указ о единонаследии 1714 г. как комплексный нормативно-правовой акт петровской эпохи: историко-правовой анализ // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 3. С. 13–23. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-2 EDN: ZFSBPQ

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Original article

THE DECREE ON PRIMOGENITURE OF 1714 AS A COMPREHENSIVE NORMATIVE LEGAL ACT OF THE PETRINE ERA: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Elena V. Zazolina

Dubna State University, Dubna, Russia
elena_zazolina@mail.ru

Abstract. *Background.* The presented article examines the legislative act of the Petrine era – the decree of March 23, 1714 (decree on primogeniture) from the point of view of its consideration as a complex normative legal act containing norms of various branches of law: land, civil, hereditary and in the field of public service. Based on the analysis and study of the provisions of the decree of 1714, the goals and reasons for the adoption of this act are established. The norms of land, civil, and inheritance law included by the legislator in the decree of 1714 are considered and analyzed, their interrelation is established and revealed when regulating relations in the field of public service. Structurally, the article is divided into several sections, including an overview of existing research on Peter the Great's legislative activities, an analysis of the content of the main provisions of the decree of 1714, as well as the reasons for its cancellation. The structure proposed by the author allows us to fully reveal the subject of this research. *Materials and methods.* The implementation of the research objectives was achieved based on an analysis of the legal norms of the decree of 1714 on the monarchy. The research methodology is represented by general scientific methods of cognition, as well as methods of legal science – historical-legal, formal-legal and comparative-legal methods. *Results.* The legal norms of the decree of 1714 are investigated and analyzed; the features and interrelation of the legal norms of the decree of 1714 in the field of civil, inheritance, land law and in relation to the exercise of public service are revealed. *Conclusions.* The following conclusions are drawn: about the complex nature of the decree of 1714 on monogamy, which consists in the close relationship of the legal norms governing various spheres of public relations; the principle of monogamy introduced by the decree of 1714 was contrary to the traditions of Russian society and everyday life, as a result of which the decree did not bring the expected results.

Keywords: Peter I, decree of 1714, primogeniture, land rights, movable property, immovable property, nobility, civil service, inheritance

For citation: Zazolina E.V. The Decree on primogeniture of 1714 as a comprehensive normative legal act of the Petrine era: historical and legal analysis. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(3):13–23. (In Russ.). doi:10.21685/2307-9525-2025-13-3-2

Введение

Эпоха Петра I в истории России, впрочем как и сама личность этого выдающегося государственного деятеля и реформатора, пользуется неизменным вниманием в отечественной и зарубежной историографии. Петровские реформы, имевшие своей основной целью преодоление отсталости России от стран Запада, а также модернизацию системы государственного управления и государственной службы, до неузнаваемости изменили страну. Особый интерес для историко-правовой науки представляет изучение и исследование правового обеспечения петровских преобразований – правовой составляющей, лежащей в основе петровских реформ.

Перестройка системы государственного управления, модернизация организации деятельности государственных структур (государственных учреждений), армии, флота, а также иных сфер хозяйствования и жизни общества требовали юридического оформления. Большая часть принимаемых в период правления Петра I законодательных актов была связана и определялась проводившимися государственными реформами. Во многих узаконениях петровской эпохи прослеживаются основные направления политической идеологии того времени¹. Как отмечал В. А. Томсинов, «многие законы, издаваемые Петром I, являлись одновременно юридическими и идеологическими документами, оформлявшими и объяснявшими те или иные государственные реформы» [1, с. XV].

Еще к одной отличительной особенности законотворчества Петра I историки относят наличие элементов случайности, поспешности в принимаемых узаконениях и решениях. В. Е. Якушкин, описывая поземельную политику Петра I указывал: «поземельная политика Петра отличается таким же характером как и вся деятельность великаго преобразователя; мы видимъ въ послѣдній необыкновенное напряженіе силъ, необычайную энергію, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы замѣчаемъ нѣкоторую поспѣшность въ принимаемыхъ мѣрахъ, отличающихся иногда случайнымъ характеромъ; принятыя мѣры не всегда вполнѣ удачны, ихъ приходится отмѣнять, смягчать, видоизмѣнять, дополнять...» [2, с. 195].

По оценкам российских историков, для законодательной деятельности Петра I были характерны непоследовательность и отдельные импровизации. Так, В. И. Буганов отмечал, что «порой его пером водили чувства гнева и державной вседозволенности» при принятии новых узаконений [3, с. 129].

Особое место в законотворческой и законодательной деятельности Петра I, а также в историко-правовой науке занимает уникальный памятник права петровской эпохи – указ от 23 марта 1714 г. «О порядке наследования въ движимыхъ и недвижимыхъ имуществехъ»². В научной литературе данный законодательный акт получил второе название и известен еще как знаменитые «пункты» указа 1714 г. Уникальность этого петровского узаконения заключается в том, что в этом акте присутствуют нормы четырех различных отраслей права – гражданского, земельного, наследственного и в области несения государственной службы. Данный акт является ярким примером узаконений, характерных для Петра I – монарха, когда государь являлся законодателем «вдвойне». Последнее означает, что законы не только принимались и одобрялись государем, зачастую он был творцом самого закона. Интересна и судьба этого акта. Несмотря на прогрессивный характер для своего времени, знаменитые «пункты» указа 1714 г. на протяжении всего периода действия несколько раз подвергались поправкам; некоторые отдельные положения акта противоречили друг другу, что создавало трудности в правоприменительной практике. Со стороны дворянства указ 1714 г. был воспринят крайне негативно, что впоследствии сыграло немаловажную роль и послужило причиной его отмены.

Обзор исследований

Историография петровских реформ и узаконений насчитывает достаточно обширный круг работ историков разных эпох (В. А. Томсинов [1], В. Т. Буганов [3], Х. Баггер [4], М. М. Богословский [5], А. Б. Каменский [6], Д. А. Пашенцев [7]), направленных на исследование и изучение государственных преобразований Петра I. Отдельные направления законодательной деятельности Петра I вошли в орбиту исследований ряда представителей историко-правовой науки.

Так, работы С. И. Пудиной и И. М. Горбачевой [8, 9] направлены на исследования в сфере изменения землевладельческого положения дворянства, в области преобразования сословной структуры России XVIII в. и государственной службы. Дореволюционными исто-

¹ К примерам таких узаконений следует отнести Артикул воинский 1715 г. и Духовный регламент 1721 г.

² О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществех. Именной указ от 23 марта 1714 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-И). Т. V. Ст. 2789.

риками (В. Е. Якушкин [2], И. Е. Герман [10], П. И. Иванов [11]) законодательство Петра I, в частности указ 1714 г., рассматривалось в рамках проводимой земельной политики и регулирования поземельных отношений в стране. Современными исследователями [12] рассматривались основные направления земельной политики Петра I, в частности, в области развития института межевания земель, правового регулирования земельно-распорядительных отношений и взаимоотношений церкви и государства (частичная секуляризация земель). Другими представителями отечественной науки (В. И. Упоров [13], В. Н. Бурдаева [14], Ю. В. Чеснокова и К. И. Потешкин [15]) указ о единонаследии изучался с точки зрения нормативно-правового акта как акта, содержащего нормы наследственного права.

Таким образом, в настоящее время историко-правовой анализ знаменитых «пунктов» указа 1714 г. с точки зрения рассмотрения его как комплексного законодательного акта в области гражданско-правовых, земельно-правовых, наследственно-правовых и отношений в области государственной службы не входил в поле зрения ученых и специалистов. Последнее является ключевой составляющей, определяющей актуальность настоящего исследования.

Цели принятия указа 1714 г.

Для проведения комплексного историко-правового исследования указа 1714 г. следует определить и установить мотивы и цели, которые преследовались со стороны государства принятием этого акта, а также кратко охарактеризовать структуру указа.

В научной литературе существует несколько точек зрения на причины появления указа 1714 г. Так, по мнению М. М. Богословского, указом 1714 г. царь хотел обратить дворянство в третье сословие: так, не обладающих правом наследования помещичьих сыновей указ должен был мотивировать к поиску иных средств к жизни, в частности, в области предпринимательства, торговли и промышленности, тем самым будет сформирована «почва» для зарождения так называемого третьего сословия [5, с. 94]. А. Б. Каменский полагал, что, внедряя новый механизм единонаследия, Петр I проявлял особого рода заботу о дворянстве, пытаясь его сохранить и сделать своеобразным подобием аристократии на западный манер [6, с. 123]. Данная точка зрения логично вписывается в общие направления государственной политики государя, сосредоточенной на перестройке системы государственного управления по примеру европейских стран. Существуют и диаметрально противоположные точки зрения на причины принятия указа о единонаследии, главным образом сводящиеся к антидворянской направленности указанного акта. Так, Х. Баггер, ссылаясь на мнение Р. Виттрама о том, что указ 1714 г. «типичное выражение многоцелевого мышления», отмечает, что не следует рассматривать этот акт только в одностороннем порядке, «только как содействующий сословной мобильности» [4, с. 101].

Структурно указ 1714 г. состоит из развернутой вводной части (преамбулы) и шестнадцати статей. Преамбула указа условно разделена на три части, тем самым законодателем сделан акцент на трех основных моментах – на податях, фамилиях и непотребности. Оригинальный текст указа, в частности, его вводная часть объясняет обстоятельства, которые послужили поводом к принятию акта. Рассмотрим более детально пункты преамбулы указа.

В пункте первом «О податяхъ» законодатель пишет о податной системе «ежели недвижимое будетъ всегда одному сыну, а протчимъ только движимое, то государственныйя доходы будутъ справнѣ, ибо съ болшаго всегда господинъ доволнѣ будетъ, хотя по малу возметъ, и один домъ будетъ, а не пять, (как выше писано) и можетъ лучше льготить подданныхъ, а не разорять»¹, тем самым проявляя заботу о крестьянских тяготах и указывая на то, что делимость имений «казнѣ государственной великой есть вредъ и людемъ подлымъ разореніе»². Данный пункт также указывал на заботу государя о сохранении и преумножении государственной казны. Вводя новые правила наследования в отношении недвижимого имущества,

¹ О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах. Именной указ от 23 марта 1714 г. // ПСЗ-I. Т. V. Ст. 2789. С. 91.

² Там же.

государь полагал, что сохранение поместий и вотчин за одним наследником будет способствовать сохранению податных платежей и предотвратит опустошение государственной казны.

Во втором пункте «О фамиліяхъ» прослеживается вторая причина принятия указа – стремление Петра I уйти от дробления имений, что, по идее законодателя, должно было способствовать предупреждению разорения и оскуднения дворянства. Законодатель эту мысль четко прописывает в указе: «...фамиліи не будутъ упадать, но въ своей ясности непоколебимы будутъ чрезъ славные в великіе дома»¹. По мнению государя, дробление имений могло привести к «увяданию» знатных родов и фамилий, а новый принцип единонаследия позволит придать знатым родам и фамилиям «новое звучание» – не только сохраниться, но и обрести новое величие.

В третьем пункте «О непотребности» законодатель указывает, что оставшиеся без наследства младшие представители дворянства будут вынуждены искать себе занятия для обеспечения своего существования, в том числе и службу государю: «протчія не будутъ праздны, ибо принуждены будутъ хлѣба своего искать службою, ученіемъ, торгами и прочимъ. И то все, что оныя сдѣлають вновь для своего пропитанія, государственная польза есть...»² В случае деления наследственного имущества в равных долях (как это было до указа 1714 г.) наследники будут иметь «свой даровый хлѣбъ», вследствие чего у них не будет необходимости нести государственную службу или заниматься какой-либо еще деятельностью.

Таким образом, в вводной части указа 1714 г. законодателем четко обозначены основные цели и задачи этого акта, заключавшиеся в стремлении законодателя привлечь к государственной службе представителей дворянства, оставшихся без наследственного имущества, так как в противном случае дворянина, обладающего недвижимым имуществом, в добровольном порядке привлечь к службе было делом затруднительным.

Содержание знаменитых пунктов указа 1714 г. – нормы наследственного права по указу 1714 г.

Как отмечалось ранее, указ о единонаследии имел своей ключевой целью решение имущественного вопроса в отношении дворянства, в том числе для привлечения последнего к государственной службе, тем самым был нацелен на решение вопросов, связанных с ней. Тем не менее, несмотря на целевую направленность этого акта, подробный постатейный анализ текста указа свидетельствует о включении в «ткань» документа не только норм права, регулирующих дворянскую государственную службу, но и земельно-правовых, гражданских и наследственных норм права. Здесь было бы правильнее говорить, что законодатель, внедряя новые правовые механизмы – новый принцип наследования движимого и недвижимого имущества (главным образом наследование землевладений старшим сыном), вводя новую терминологию (понятие недвижимого имущества) и уравнивая поместье и вотчинное землевладение, воздействовал на законодательном уровне на дворянство с целью привлечения его к государственной службе. Таким образом, нормы наследственного, гражданского, земельного права были тесно взаимосвязаны с нормами, регулировавшими прохождение государственной службы.

Еще до принятия указа о единонаследии Петр I вел активную борьбу с дворянами, уклоняющимися от службы. А. Б. Каменский отмечал, что «борясь с пороками людей, состоящих на службе, Петр постоянно сталкивался и с нежеланием служить вовсе. То и дело он получал доношения о десятках и сотнях дворян, скрывающихся от службы...» [6, с. 122]. В качестве примера узаконений, принимаемых в рамках борьбы с пороками людей, состоящих на службе, следует отметить указ о мерах, предпринимаемых в отношении лиц, укрывающихся от службы, в соответствии с которым «кто скрывается отъ службы, объявить въ народѣ, кто такого сыщеть или возвѣститъ, тому отдать все деревни того, кто

¹ О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах. Именной указ от 23 марта 1714 г. // ПСЗ-I. Т. V. Ст. 2789. С. 91.

² Там же.

ухоранивался¹. Несмотря на принимаемые меры «наказания», наиболее эффективный механизм регулирования прохождения дворянской службы государь усматривал в перестройке самой системы государственной службы, в результате чего был принят указ о единонаследии, ограничивающий права дворян на наследование недвижимого имущества, в том числе в отношении земельных владений.

В силу принятого указа 1714 г. был введен новый порядок распределения недвижимого имущества при его наследовании. Сущность петровского нововведения заключалась в неразделимости и целостности имений – наследовать недвижимое имущество мог только один из наследников по выбору завещателя или же старший сын. Очевидно, что главная «идея» государя, заложенная в основу указа, была сконцентрирована в привлечении дворян, оставшихся без постоянных источников дохода, к государственной службе или к какой-либо иной «полезной» деятельности. Указ о единонаследии среди дворянства был воспринят в большей части крайне негативно и фактически разделил дворянство на два «лагеря», одной из сторон которого в собственность передавались имения, а другая сторона оставалась безземельной. Историк О. В. Ключевский следующим образом характеризовал действие указа о единонаследии: «При строгом проведении в жизнь закон раскладывал дворянство на два слоя, на счастливых обладателей дворянских гнезд и на обездоленных, безземельных и бездомных пролетариев, братьев и сестер, проживающих на хлебниками и на хлебницами в доме единонаследника» [16, с. 593].

Негативное восприятие указа 1714 г. со стороны дворянства нашло отражение в работах современников петровской эпохи. Так, упоминание о «неудобном» указе для дворян встречается в записках известного бытописателя XVIII в. А. Т. Болотова², который отмечал: «желание их было разделить между собою отцовское наследство, но сего учинить не можно было по тогдашним законам, известным у нас под именем пунктов, и по силе которых старший брат долженствовал быть один наследником» [17, с. 28]. Дореволюционными российскими историками принцип единонаследия, введенный указом 1714 г., оценивался как противоречащий сложившимся началам наследования в России. Так, М. Ф. Владимирский-Буданов указывал, что «государство ввело массу новых ограничений, истекающих уже не из вотчинных прав государства, а из фискальных и полицейских цѣлей» [18, с. 596–597]. В трудах современных исследователей (Г. К. Всеволожского и др.) рассматриваются особенности действия норм указа 1714 г. на практике – на примере семьи М. В. Данилова, где на стыке традиций и «новых» норм права старшим сыновьям (выгодоприобретателям) пришлось столкнуться с необходимостью юридического закрепления своего права единонаследия [19, с. 43–45].

Историками отмечалось, что само существование указа 1714 г. противоречило сложившейся для России традиции наследования. Как писал М. М. Богословский, «слишком сильна была привычка в русском обществе делить наследство между всеми сыновьями. Казалось несправедливым отдавать все одному сыну, а остальных обделять» [5, с. 94]. Ранее отмечалось, что политика Петра I сводилась к перестройке России на западный манер. Стремление государя сблизить Россию с Западом затронуло не только систему государственного управления и модернизацию институтов власти, но и законодательскую деятельность. Ярким примером дублирования европейских законов и практики их реализации стал указ 1714 г. о единонаследии, за основу которого государем был взят принцип майората³ из феодального права Англии XI–XIII вв. Введенный принцип единонаследия был чуждым для России и не вписывался в существовавшую продолжительное время систему наследования, в связи с чем среди дворянства получил негативную оценку. Тем не менее, по оценкам исследователей (Ю. В. Чеснокова, К. И. Потешкина [15, с. 30], В. Н. Бурдаевой [14, с. 40–41]), в истории развития и становления института наследования в России указ о единонаследии является важнейшим историческим документом, который изменил нормы завещательного права.

¹ О донесении в Канцелярию Правительствующего Сената об укрывающихся от службы недорослях и об отдаче их деревень доносчикам. Именной указ от 13 марта 1711 г. // ПСЗ-I. Т. IV. Ст. 2337.

² А. Т. Болотов происходил из дворянской семьи среднего достатка.

³ Система наследования недвижимости (прежде всего земли) и/или титула по принципу первородства в семье.

Содержание знаменитых пунктов указа 1714 г. – нормы земельного права по указу 1714 г.

Дореволюционными историками (например, В. Е. Якушкиным) указ 1714 г. (с точки зрения его рассмотрения как законодательного акта в области регулирования поземельных отношений) был в высшей степени интересным по своему содержанию, и он должен занимать выдающееся место в истории поземельной политики [2, с. 7]. Так, указом 1714 г. на законодательном уровне было закреплено окончательное слияние поместий, которыми владели дворяне при условии несения службы государю, и вотчин или, как еще их называли, «безусловных» владений. При этом, как отмечалось в работах того времени, процесс сближения вотчин и поместий берет свои истоки с даты принятия Судебника 1550 г. [20, с. 554–555]. Здесь следует отметить, что основное различие между этими двумя формами землевладений в большей своей степени «стерлось» к началу XVIII в. Данный факт наглядно «иллюстрируют» принятые узаконения начала XVIII в.

В указе от 20 июня 1701 г. Петр I прописывает: «В нашем Великом Московском государстве и в Сибири... с земель служилые всякого чина люди служат наши Великого Государя службы... а даромъ землями никто не владѣють»¹. Указанная норма подчеркивает тот факт, что обязательство службы уже распространялось не только на поместья, но и на вотчины. Происходят изменения в правовом регулировании земельно-распорядительных отношений и вотчинном землевладении – вводятся элементы служебных отношений, теперь государство жалует вотчины при условии несения государственной службы. Такие вотчины стали именоваться как «выслуженные вотчины». Исследование еще ряда узаконений того времени свидетельствует о том, что на вотчины, также как и на поместья, была возложена обязательность несения не только государственной службы, но и других государственных обязанностей – натуральных и денежных повинностей. Так, указом от 9 апреля 1701 г. вводился денежный сбор с московских дворян и боярских детей с вотчинного двора²; указом от 4 февраля 1704 г. для помещиков и вотчинников, имеющих мельницы на своих участках, был установлен натуральный сбор в виде четвертой доли дохода с каждой мельницы³.

Таким образом, еще до принятия указа 1714 г. вотчины и поместья слились воедино в один разряд частного служилого землевладения, и, как писал В. Е. Якушкин, «при чем вотчины уже подлежали почти всем ограничениям, которым подчинялись поместья, вместе с тем помещики освоили себе некоторые из вотчинных прав» [2, с. 4]. Начиная с даты принятия указа, два этих вида землевладений были объединены в одно общее понятие и регулировались общими нормами и правилами.

Содержание знаменитых пунктов указа 1714 г. – нормы гражданского права по указу 1714 г.

Существенные преобразования в области вещных прав были внесены указом 1714 г. Во-первых, данным актом закреплялся общий правовой статус для вотчин и поместий, во-вторых, в нем впервые был использован новый термин «недвижимое имущество». Законодатель раскрывает данное понятие перечислением недвижимых вещей: «всемъ недвижимыхъ вещей, то есть, родовыхъ, выслуженныхъ и выкупленныхъ вотчин и поместей, также и дворов, и да лавок...»⁴ Л. А. Кассо писал: «Слово "недвижимое" встрѣчается у насъ впервые въ указѣ о единонаслѣдіи... до него поземельные участки носили у насъ особыя названія, въ зависимости отъ ихъ происхожденія или характера, и именовались вотчинами, помѣстьями, дворами, тяглыми землями» [21, с. 1].

¹ О взиманіи с земель заселенныхъ Бухарцами оброку по 5 алтынъ въ годъ съ десятины засеянной ржанымъ хлебомъ и по десяти денегъ съ десятины ярового хлеба. Грамоты Сибирскимъ Воеводамъ Князю Михайлу и стольнику князю Петру Черкасскимъ // ПСЗ-І. Т. IV. Ст. 1857.

² О сборе въ разрядъ с отставныхъ Московскихъ дворянъ и детей боярскихъ, с крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ въ ихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, по рублю съ двора // ПСЗ-І. Т. IV. Ст. 1849.

³ О переборочке вновь мельницъ и о собраніи сведений объ оныхъ // ПСЗ-І. Т. IV № 1966.

⁴ О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах. Именной указ от 23 марта 1714 г. // ПСЗ-І. Т. V. Ст. 2789. С. 91.

Преследуя цель сохранения целостности и недробимости дворянских землевладений, законодатель включил в указ 1714 г. нормы, устанавливающие ограничения при совершении сделок с недвижимыми вещами. Согласно п. 12 указа отчуждение возможно было лишь при определенных случаях, при этом полагалось уплатить в казну высокую пошлину «с рубля по гривне»¹.

Недостатки указа 1714 г. и причины его отмены

Для своего времени указ 1714 г. имел прогрессивные черты, хотя с точки зрения юридической техники был не в полной мере хорошо разработан. В. О. Ключевский писал: «Он плохо обработан, не предвидит многих случаев, дает неясные определения, допускающие разноречивые толкования: в 1-м пункте решительно запрещает отчуждение недвижимости, а в 12-м предусматривает и нормирует их продажу по нужде; устанавливая резкую разницу в порядке наследования движимых и недвижимых имуществ, не указывает, что разуметь под теми и другими, а это порождало недоразумения и злоупотребления» [16, с. 593]. Добавим, что в пункте 8 указа говорится, что за женами не предусматривается недвижимое приданное, равно как и материнских имений, при этом пункт 2 указа устанавливает принятие наследства одной из дочерей в случае отсутствия сыновей.

Впоследствии указанные противоречия были исправлены и дополнены новыми принятыми актами – указами от 15 апреля 1716 г.² и от 17 декабря 1720 г.³ В новых пунктах указа от 28 мая 1725 г.⁴ указ 1714 г. был подвергнут более масштабной доработке, носившей в большей степени казуистический характер, чем разъясняющий и дополняющий. Последнее еще больше затруднило исполнение указа 1714 г. По мнению В. О. Ключевского, «закон 1714 года, не достигнув предположенных целей, только внес в землевладельческую среду путаницу отношений и хозяйственное расстройство. Итак, подготовленный и обеспеченный неделимой недвижимостью офицер армейского полка или секретарь коллегиального учреждения – таково служебное назначение рядового дворянина по мысли Петра» [16, с. 594].

Действовал указ достаточно непродолжительное время. Историческая судьба знаменитых пунктов 1714 г. охватывает период с 1714 по 1731 г., что не позволяет в полной мере делать выводы о последствиях этого акта. Тем не менее этот документ можно охарактеризовать как яркое выражение государственных стремлений в поземельной политике государства, сопряженных с обязанностью несения государственной службы. По указу большая часть служивого сословия лишается своих прав на владение вотчинами и поместьями, но при этом приобретает право обязательной государственной службы, которая теперь вознаграждается денежным жалованием. Поместья и вотчины государство оставляет в руках меньшей части данного сословия. Таким образом, указ 1714 г. вносил ограничения в права служивого человека по распоряжению своим землевладением, большая масса дворян была лишена права на наследственное землевладение.

В конечном итоге указ 1714 г. не принес ожидаемых результатов – не смог послужить отправной точкой для создания землевладельческой аристократии и «предпринимательского дворянского» сословия. Для дворян указ был крайне «неудобным», так как ограничивал дворянство в землевладельческих правах. Если крупное и зажиточное дворянство нашло выход для решения «наследственного земельного вопроса» – старший наследник получал в наследство землевладение, а младшие наследники – движимое имущество, то для мелкого дворянства данный вопрос был неразрешим, так как земля для них была единственным богатством. Но в первом случае складывалась ситуация, при которой получатель имения по праву наследования оставался без необходимого для обслуживания имения движимого имущества (например, инвентаря), а его владелец не мог применить его по прямому назначению.

¹ В Древней Руси в обращении были две денежные единицы: гривна и рубль.

² О выделе мужу после умершей жены, а жене после мужа изъ всего имения четвертой части и о разделе прочихъ частей // ПСЗ-I. Т. V. Ст. 3013.

³ О разделахъ наследства // ПСЗ-I. Т. VI. Ст. 3692.

⁴ Пункты о вотчинныхъ делахъ // ПСЗ-I. Т. VII. Ст. 4722.

Впоследствии Анна Иоанновна, вступившая на трон, удовлетворила желаниям дворянства и издала ряд узаконений в 1730–1731 гг.¹ об отмене пунктов 1714 г. Несомненно, это можно рассматривать как уступку притязаниям дворянства, вследствие чего частное землевладение было освобождено от жестких рамок и стеснений в землепользовании.

Заключение

Исследование и анализ пунктов указа 1714 г. позволяет резюмировать, что данный акт имел комплексный характер. Комплексность указа о единонаследии заключается прежде всего в тесной взаимосвязи норм права, регулировавших различные сферы общественных отношений: в области землепользования и земельно-распорядительных отношений, в области наследственных правоотношений, в области государственной службы. Несмотря на все недостатки указа 1714 г., к которым следует отнести противоречие его положений, конкуренцию правовых норм и слабую юридическую технику, данный акт имел прогрессивный характер для своего времени. В пунктах 1714 г. нашли отражение основные направления государственной политики государя – привлечение дворян к государственной службе и попытка создать третье сословие по европейскому образцу. На правовом уровне решение этих задач законодателем было реализовано посредством введения нового принципа наследования землевладений (по образцу майората), установления ограничений по отчуждению недвижимого имущества, а также законодательного оформления «слияния» вотчинного и поместного землевладения.

Список литературы

1. Законодательство Петра I, 1696–1725 годы / сост., авт. предисл. и вступ. ст. В. А. Томсинов. М. : Зерцало, 2014. 461 с.
2. Якушкин В. Е. Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX в. М. : Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1890. VIII, 204, 150 с.
3. Буганов В. И. Петр Великий и его время. М. : Наука, 1987. 192 с. EDN: [RVBBMH](#)
4. Баггер Х. Реформы Петра Великого : обзор. исслед. / пер. с дат. В. Е. Возгрин. М. : Прогресс, 1985. 199 с.
5. Богословский М. М. Петр Великий и его реформа. М. : Кооп. изд-во, 1920. 117 с.
6. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века : опыт целостного анализа. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999. 575 с.
7. Пашенцев Д. А. Государственные преобразования петровского времени через призму историко-антропологической теории права (к 300-летию провозглашения Российской империи) // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2021. № 1 (41). С. 27–34. doi: [10.25688/2076-9113.2021.41.1.03](#) EDN: [OFLNFX](#)
8. Пудина С. И. Вознаграждение дворянства за государственную службу в первой четверти XVIII в. // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2016. № 1 (9). С. 131–136. EDN: [VPCGDR](#)
9. Пудина С. И., Горбачева И. М. Отношение дворянства к Указу о единонаследии 1714 г. // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 191–197. doi: [10.24151/2409-1073-2022-3-191-197](#) EDN: [DRAEKD](#)
10. Герман И. Е. История межевого законодательства от Уложения до Генерального межевания (1649–1765). М. : Тип. И. Я. Полякова, 1893. 380 с.
11. Иванов П. И. Опыт исторического исследования о межевании земель в России. М. : Тип. С. Селивановского, 1846. 151 с.
12. Зазолина Е. В. Основные направления земельной политики Петра I (историко-правовой анализ) // Экономика. Право. Общество. 2025. Т. 10, № 1 (41). С. 36–44. doi: [10.21686/2411-118X-2025-1-36-44](#) EDN: [IWQHJG](#)

¹ О разделе детямъ движимыхъ и недвижимыхъ имѣній по Уложению и объ отмене указа 714 и пополнительныхъ къ оному пунктовъ 725 года. Высочайше утвержденный докладъ Сената от 9 декабря 1730 г. // ПСЗ-I. Т. VIII. Ст. 5653 ; О именованіи поместій и вотчинъ недвижимымъ именіемъ и о разделе оныхъ между детьми по Уложению. Именной указ от 17 марта 1731 г. // ПСЗ-I. Т. VIII. Ст. 5717.

13. Упоров И. В. Формирование системного регулирования наследственных отношений в законодательных актах России (середина XVII – первая треть XVIII вв.) // Право и практика. 2015. № 2. С. 43–48. EDN: [TQTCIZ](#)
14. Бурдаева В. Н. Ретроспективный обзор законодательства о наследовании в России // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2017. № 1. С. 39–46. EDN: [XXHDM](#)
15. Чеснокова Ю. В., Потешкин К. И. Возникновение и развитие наследственного права в России // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2018. Т. 6, № 4 (24). С. 29–35. EDN: [VVGES](#)
16. Ключевский В. О. Русская история : монография. М. : Эксмо, 2005. 912 с.
17. Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков, 1738–1793. Т. 1 : ч. 1–7. СПб. : Печатня В. Головина, 1871. 1017 с.
18. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб. ; Киев : Изд. Н. Я. Оглоблина, 1907. 694 с.
19. Всеволожский Г. К. Особенности исполнения указа о единонаследии в провинции (на примере семьи М. В. Данилова) // Глобальные вызовы в меняющемся мире: тенденции и перспективы развития социально-гуманитарного знания: 6-й молодежный конвент УРФУ : сб. тр. конф. (г. Екатеринбург, 24–26 марта 2022 г.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 43–45. EDN: [PFLWZ](#)
20. Беляев Д. И. Лекции по истории русского законодательства. М. : Типолитограф. С. А. Петровского и Н. П. Панина, 1879. 728 с.
21. Кассо Л. А. Русское поземельное право. М. : Кн. маг. И. К. Голубева, п/ф «Правоведение», 1906. 260 с.

References

1. *Zakonodatel'stvo Petra I, 1696–1725 gody = Legislation of Peter I, 1696–1725*. Compiler, author of the preface and introductory article V.A. Tomsinov. Moscow: Zertsalo, 2014:461. (In Russ.)
2. Yakushkin V.E. *Ocherki po istorii russkoy pozemel'noy politiki v XVIII i XIX v. = Essays on the history of Russian land policy in XVIII and XIX centuries*. Moscow: Tip. A.I. Mamontova i K°, 1890;VIII(204):150. (In Russ.)
3. Buganov V.I. *Petr Velikiy i ego vremena = Peter the Great and his time*. Moscow: Nauka, 1987:192. (In Russ.)
4. Bagger Kh. *Reformy Petra Velikogo: obzor issled. = Reforms of Peter the Great: a review of research*. Translation from Danish by V.E. Vozgrin. Moscow: Progress, 1985:199. (In Russ.)
5. Bogoslovskiy M.M. *Petr Velikiy i ego reforma = Peter the Great and his reform*. Moscow: Koop. izd-vo, 1920:117. (In Russ.)
6. Kamenskiy A.B. *Ot Petra I do Pavla I. Reformy v Rossii XVIII veka: opyt tselostnogo analiza = From Peter I to Paul I. Reforms in Russia in the 18th century: an experience of holistic analysis*. Moscow: Ros. gos. gumanitar. un-t, 1999:575. (In Russ.)
7. Pashentsev D.A. State reforms of the Peter the Great era through the prism of the historical-anthropological theory of law (on the 300th anniversary of the proclamation of the Russian Empire). *Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki = Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences*. 2021;(1):27–34. (In Russ.). doi: [10.25688/2076-9113.2021.41.1.03](https://doi.org/10.25688/2076-9113.2021.41.1.03)
8. Pudina S.I. Remuneration of the nobility for public service in the first quarter of the XVII century. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya = Economic and social-humanitarian research*. 2016;(1):131–136. (In Russ.)
9. Pudina S.I., Gorbacheva I.M. The attitude of the nobility to the decree on primogeniture of 1714. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya = Economic and social-humanitarian research*. 2022;(3):191–197. (In Russ.). doi: [10.24151/2409-1073-2022-3-191-197](https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-191-197)
10. German I.E. *Istoriya mezhevogo zakonodatel'stva ot Ulozheniya do General'nogo mezhevaniya (1649–1765) = History of land surveying legislation from the Code to the General Land Survey (1649–1765)*. Moscow: Tip. I.Ya. Polyakova, 1893:380. (In Russ.)
11. Ivanov P.I. *Opyt istoricheskogo issledovaniya o mezhevanii zemel' v Rossii = Experience of historical research on land surveying in Russia*. Moscow: Tip. S. Selivanovskogo, 1846:151. (In Russ.)
12. Zazolina E.V. The main directions of Peter the Great's land policy (historical and legal analysis). *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo = Economics. Law. Society*. 2025;10(1):36–44. (In Russ.). doi: [10.21686/2411-118X-2025-1-36-44](https://doi.org/10.21686/2411-118X-2025-1-36-44)

13. Uporov I.V. Formation of systemic regulation of inheritance relations in the legislative acts of Russia (mid-17th century – early 17th century). *Pravo i praktika = Law and practice*. 2015;(2):43–48. (In Russ.)
14. Burdaeva V.N. Retrospective review of inheritance legislation in Russia. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva = Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev*. 2017;(1):39–46. (In Russ.)
15. Chesnokova Yu.V., Poteskin K.I. The emergence and development of inheritance law in Russia. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2018;6(4):29–35. (In Russ.)
16. Klyuchevskiy V.O. *Russkaya istoriya: monografiya = Russian history: monograph*. Moscow: Eksmo, 2005:912. (In Russ.)
17. Bolotov A.T. *Zhizn' i priklyucheniya Andrey Bolotova, opisannye im samim dlya svoikh potomkov, 1738–1793. T. 1: ch. 1–7 = The life and adventures of Andrey Bolotov, described by himself for his descendants, 1738–1793. Vol. 1: Part 1–7*. Saint Petersburg: Pechatnya V. Golovina, 1871:1017. (In Russ.)
18. Vladimirovskiy-Budanov M.F. *Obzor istorii russkogo prava = Review of the history of Russian law*. Saint Petersburg; Kiev: Izd. N.Ya. Ogloblina, 1907:694. (In Russ.)
19. Vsevolozhskiy G.K. Peculiarities of the implementation of the decree on single inheritance in the provinces (using the example of the family of M. V. Danilov). *Global'nye vyzovy v menyayushchemsya mire: tendentsii i perspektivy razvitiya sotsial'no-gumanitarnogo znaniya: 6-y molodezhnyy konvent URFU: sb. tr. konf. (g. Ekaterinburg, 24–26 marta 2022 g.). = Global challenges in a changing world: trends and prospects for the development of social and humanitarian knowledge: 6th URFU youth convention: collected papers of the conference (Ekaterinburg, 24–26 March 2022)*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2022:43–45. (In Russ.)
20. Belyaev D.I. *Leksii po istorii russkogo zakonodatel'stva = Lectures on the history of Russian legislation*. Moscow: Tipolitogr. S.A. Petrovskogo i N.P. Panina, 1879:728. (In Russ.)
21. Kasso L.A. *Russkoe pozemel'noe pravo = Russian land law*. Moscow: Kn. mag. I.K. Golubeva, p/f «Pravovedenie», 1906:260. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Е. В. Зазолина – старший преподаватель кафедры юриспруденции, Государственный университет «Дубна», 141980, Московская область, г. Дубна, ул. Университетская, 19. ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6032-4064>

E.V. Zazolina – Senior lecturer at the Department of Jurisprudence, Dubna State University, 19 Universitetskaya street, Dubna, Moscow Region, 141980. ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6032-4064>

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests**

Поступила в редакцию / Received 07.06.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 04.07.2025

Принята к публикации / Accepted 30.07.2025

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.11

EDN: EFONVM

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-3

ОФИЦИАЛЬНОЕ СУДЕБНОЕ ТОЛКОВАНИЕ КАК ФОРМА РАЗВИТИЯ ПРАВА

Екатерина Сергеевна Зайцева

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации,

Санкт-Петербург, Россия

zay_tseva@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Официальное толкование, осуществляемое высшими судебными инстанциями, имеет существенное значение для совершенствования действующего законодательства. Несмотря на то, что изначально решения высших судебных инстанций направлены на повышение качества и единообразие правоприменительной практики, нельзя не учитывать их роль и значение как формы развития действующего позитивного права. Цель работы – установить значение и определить характерные черты особой формы развития права в виде толкования высшими судебными инстанциями Российской Федерации. *Материалы и методы.* В рамках проведенного исследования использовались общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, аналогия, системно-структурный и др.) и частнонаучные (сравнительно-правовой, формально-юридический, метод толкования норм права и др.) методы. *Результаты.* По итогам анализа особенности официального толкования как формы развития права Конституционным Судом Российской Федерации и Верховным Судом Российской Федерации представлены следующие обобщения. Сделан вывод, что возможность и необходимость развития права в процессе осуществления интерпретационной деятельности высших судебных инстанций обусловлены неопределенностью как одним из свойств права. Толкование Конституционного Суда Российской Федерации является формой развития права, поскольку, во-первых, определяет стратегию развития и совершенствования законодательства; во-вторых, способствует устранению законодательного дисбаланса на том или ином участке правового регулирования. Официальное толкование Верховного Суда Российской Федерации может рассматриваться как форма развития права в трех случаях: при восполнении правовых лакун (пробелов); отсутствии выраженной воли законодателя по конкретному вопросу; создании обобщения и последующем вычленении общего правила для уточнения действующей правовой нормы при наличии целого ряда однотипных правоприменительных актов. *Выводы.* Толкование, осуществляемое высшими судебными инстанциями, можно рассматривать как форму развития права, поскольку положения, содержащиеся в их интерпретационных актах, изменяют действующее правовое регулирование и определяют ориентиры для дальнейшей правотворческой деятельности, связывая положения закона с реальной действительностью. Результаты официального судебного толкования являются необходимым каналом обратной связи для законодателя, так как именно с помощью него обеспечивается учет вновь появляющихся проблем общественной жизни.

Ключевые слова: официальное толкование, высшие судебные инстанции, развитие права, Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации

Для цитирования: Зайцева Е. С. Официальное судебное толкование как форма развития права // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 3. С. 24–32. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-3 EDN: EFONVM

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Original article

OFFICIAL JUDICIAL INTERPRETATION AS A FORM OF LAW DEVELOPMENT

Ekaterina S. Zaitseva

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia

zay_tseva@mail.ru

Abstract. *Background.* Official interpretation carried out by the highest judicial authorities is essential for improving the current legislation. Despite the fact that initially the decisions of the highest judicial authorities are aimed at improving the quality and uniformity of law enforcement practice, one cannot ignore their role and significance as a form of development of the current positive law. The purpose of the work is to establish the meaning and determine the characteristic features of a special form of development of law in the form of interpretation by the highest judicial authorities of the Russian Federation. *Materials and methods.* The study used general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction, abstraction, analogy, system-structural, etc.) and specific scientific methods (comparative legal, formal legal, method of interpreting legal norms, etc.). *Results.* Based on the analysis of the features of official interpretation as a form of legal development, the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation have made the following generalizations. It is concluded that the possibility and necessity of developing law in the process of interpretative activity of the highest judicial authorities are conditioned by uncertainty as one of the properties of law. Interpretation of the Constitutional Court of the Russian Federation is a form of development of law, since, firstly, it determines the strategy of development and improvement of legislation; secondly, it helps to eliminate legislative imbalance in a particular area of legal regulation. Official interpretation of the Supreme Court of the Russian Federation can be considered as a form of development of law in three cases: when filling legal lacunae (gaps); absence of expressed will of the legislator on a specific issue; creation of a generalization and subsequent isolation of a general rule to clarify the current legal norm in the presence of a number of similar law enforcement acts. *Conclusions.* Interpretation carried out by the highest judicial authorities can be considered as a form of legal development, since the provisions contained in their interpretative acts change the current legal regulation and determine the guidelines for further lawmaking activities, linking the provisions of the law with reality. The results of official judicial interpretation are a necessary feedback channel for the legislator, since it is precisely with its help that newly emerging problems of public life are taken into account.

Keywords: official interpretation, higher courts, development of law, Constitutional Court of the Russian Federation, Supreme Court of the Russian Federation

For citation: Zaitseva E.S. Official judicial interpretation as a form of law development. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(3):24–32. (In Russ.). doi:10.21685/2307-9525-2025-13-3-3

Сфера правового регулирования в идеале должна охватывать все общественные отношения, факты и события действительности. Для системы права в этой связи существует непреодолимое препятствие в виде статичного характера самих нормативных предписаний, в отличие от динамичных моментов социальной жизни. Для нивелирования этой проблемы необходимо существование высших судебных инстанций, благодаря которым конкретизируется и развивается действующее право посредством официального толкования с учетом запросов вариативной и постоянно изменяющейся реальности [1, с. 66].

Оставляя за пределами данной статьи дискуссию о существовании судебного правотворчества, отметим, что в силу того, что законодательство Российской Федерации не определяет понятия «официальное толкование», рассматривая судебное толкование как форму развития права, мы поддерживаем тезис, что любое развитие невозможно без изменений [2, с. 176]. Об исправляющем или изменяющем толковании писал известный отечественный цивилист-позитивист Е. В. Васьковский, отмечая, что «понимая норму в том смысле, какой она должна быть согласно действительному намерению законодателя, мы подвергнем ее так называемому исправляющему или изменяющему толкованию» [3, с. 247]. Возможность и необходимость развития права в процессе осуществления интерпретационной деятельности высших судебных инстанций обусловлена неопределенностью самого права [4, с. 55] и может быть выражена в двух формах: позитивной и негативной. Негативная форма связана с дефектами права, позитивная – с особенностями изложения правового материала [5, с. 10].

В то же время свобода высших судебных инстанций неограничена, поскольку толкование норм права как вид интеллектуальной деятельности предполагает, что в ее основе лежит смешанная познавательно-волевая природа, обусловленная логико-семантической связью между нормой права и ее разъяснением [6, с. 224]. И высшие судебные инстанции выступают не самостоятельными творцами (авторами) норм права, а сотворцами (соавторами), которые в своей деятельности должны учитывать не только нормативное правовое содержание, но и основополагающие принципы, ценности, заложенные в сущности самого права. Именно ценности и принципы выступают той основой, которая позволяет развивать действующее право, не выходя за пределы правового регулирования. Следует отметить, что, несмотря на тесную взаимосвязь, а иногда и отождествление понятий «ценности права» и «принципы права», каждое из них имеет самостоятельное значение. В определенных ситуациях ценности могут находить выражение в виде принципов права, а могут существовать и самостоятельно.

Рассмотрим особенности толкования как формы развития права Конституционным Судом Российской Федерации и Верховным Судом Российской Федерации.

Расширительное толкование Конституционного Суда Российской Федерации обусловлено тем, что его задача не просто раскрыть содержание действующих конституционно-правовых норм, а сделать это исходя из понимания ценностей и (или) принципов, имеющих достаточно абстрактный, контекстуальный характер. Ни четкого перечня защищаемых ценностей и/или принципов, ни тем более однозначной трактовки их содержательного наполнения нет. «Суд выясняет действительный смысл положений Конституции в контексте изменяющейся действительности и тем самым наполняет уже существующие в ней нормы новым правовым смыслом»¹, исходя из собственных представлений о содержании защищаемых ценностей и (или) принципов и их иерархии, опираясь на аксио-телеологический метод интерпретации Конституции². «Конституционные принципы, помимо собственно регулятивного значения, являются способами не только познания и описания правовой реальности, но и отчасти ее создания»³.

В связи с этим полагаем, что точка зрения, в соответствии с которой «результат толкования должен быть тождественен смыслу конституционной нормы, при этом недопустимо какое-либо преобразование ее содержания» [7, с. 569], вряд ли может соответствовать действительности. Если говорить о принципах как о форме выражения ряда ценностей, следует отметить, что они обладают высшей степенью нормативной обобщенности, определяют содержание прав человека и гражданина, носят универсальный характер и в связи с этим оказывают регулирующее воздействие на все сферы общественных отноше-

¹ Зорькин В. Д. Пробелы законодательных проектов в практике Конституционного Суда России // Конституционный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=19> (дата обращения: 27.03.2025).

² Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации 2020–2023 годов: информация Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2023 г. // Конституционный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <https://ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Report%202023.pdf> (дата обращения: 20.06.2025).

³ Там же.

ний [8, с. 8]. Конституционный Суд Российской Федерации фактически осуществляет приращение правовой ткани и расширяет пространство права¹.

Абстрактный характер принципов и ценностей не предполагает возможность их абсолютной позитивации, но предопределяет некоторую свободу Конституционного Суда Российской Федерации при осуществлении правоинтерпретации. Оценка оспариваемых норм закона с точки зрения их соответствия Конституции Российской Федерации – это не формальное сопоставление, а, по сути, творческий поиск тех фундаментальных идей, которые лежат в основе права. Эти идеи не всегда буквально содержатся в нормативном тексте. Более того, в конкретных ситуациях они могут вступать в противоречие и конкурировать между собой [9, с. 46].

Таким образом, толкование Конституционного Суда Российской Федерации является формой развития права, поскольку, во-первых, определяет стратегию развития и совершенствования законодательства; во-вторых, способствует устранению законодательного дисбаланса на том или ином участке правового регулирования [10, с. 18]. Законодателю крайне необходимо получать обратную связь от общества, иных государственных органов, и Конституционный Суд Российской Федерации эту связь обеспечивает.

Если говорить о Верховном Суде Российской Федерации, то он является органом, который активно занимается не только интерпретационной, но и правоприменительной деятельностью. В рамках данной статьи мы рассмотрим исключительно интерпретационную деятельность Верховного Суда Российской Федерации и остановимся на тех видах решений, которые имеют существенное значение с точки зрения развития права.

Во-первых, это постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (в том числе постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, сохранившие юридическую силу). Как правило, в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации содержатся положения, раскрывающие смысл правовых норм на основе анализа и обобщения судебной практики, которые создаются для того, чтобы акцентировать внимание судов на необходимости правильного и единообразного толкования законов и обязать их разрешать дела в точном соответствии с законом [11, с. 31]. Они имеют абстрактный характер и не связаны с рассмотрением конкретных дел [12, с. 32].

На сегодняшний день в юридической науке распространена точка зрения, в соответствии с которой в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации часто формулируются новые нормы [13, с. 54; 14, с. 147] и «каждое из постановлений пленумов, по сути, несет новое в праворегулирование действующих общественных отношений, преломленное через призму судебного усмотрения» [15, с. 219, 255, 258]. Полагаем, что, несмотря на существующий элемент новизны, положения, содержащиеся в рассматриваемых постановлениях, развивающие действующие права, не должны выходить за пределы предмета правового регулирования, установленные законодателем. Задача Верховного Суда Российской Федерации – уточнять их с учетом действующей или прогнозируемой судебной практики, но не изменять. Даже в случаях пробелов в законодательстве суд должен ориентироваться на принципы права, позволяющие оставаться в пределах, заданных законодателем.

Во-вторых, это обзоры судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, утвержденные Президиумом. В отличие от постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации обзоры связаны с непосредственным осуществлением правосудия и чаще всего являются результатом обобщения практики нижестоящих судебных инстанций в процессе рассмотрения конкретных дел [16], но иногда содержат абстрактное толкование правовых норм [17, с. 156].

Особое место среди решений Верховного Суда РФ занимают постановления Пленума Президиума Верховного Суда Российской Федерации, принятые по конкретным делам

¹ Зорькин В. Д. Пробелы законодательных проектов в практике Конституционного Суда России // Конституционный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=19> (дата обращения: 27.03.2025).

в порядке надзора и в порядке возобновления производства по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

Дело в том, что этот вид правового акта, с одной стороны, содержит индивидуальное решение по конкретному делу, а с другой – разъяснения, «обязательные и для иных судов, применяющие соответствующие нормы (в силу как инстанционной организации судебной системы, так и (в ряде случаев) прямого указания закона)» [17, с. 12]. Не случайно некоторые исследователи рассматривают эти акты как интерпретационные [18, с. 53–56] или считают, что их интерпретационная составляющая преобладает над правоприменительной [19, с. 36–37].

Официальное толкование Верховного Суда Российской Федерации может рассматриваться как форма развития права в трех случаях: при восполнении правовых лакун (пробелов); отсутствии выраженной воли законодателя по конкретному вопросу; создании обобщения и последующего вычленения общего правила для уточнения действующей правовой нормы при наличии целого ряда однотипных правоприменительных актов.

В ситуации восполнения пробелов Верховный Суд Российской Федерации, учитывая сложившийся правоприменительный запрос, должен сформулировать положение, позволяющее в дальнейшем облегчить правоприменительную деятельность и принимать единообразные решения. Верховный Суд Российской Федерации опирается на принципы права, которые по своей сути отражают общий смысл законодательства. Абстрактный характер указанных принципов права предопределяет, что Верховный Суд Российской Федерации не проводит уточнения нормативных предписаний, а фактически расширяет или сужает пределы правового регулирования на свое усмотрение, тем самым развивая действующие правовые нормы. Например, уголовно-процессуальное законодательство имело правовую лакуну, состоящую в том, что не была установлена процедура заключения под стражу лица, находящегося в розыске и задержанного не по месту расследования. С учетом высокой потребности в восполнении данного пробела и возможных тяжких последствий из-за неприменения меры пресечения в виде заключения под стражу в п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» указано, что «в случае задержания в порядке ст. 91 и 92 УПК РФ лица, объявленного в розыск, суд по месту его задержания вправе рассмотреть ходатайство об избрании в отношении такого лица меры пресечения в виде заключения под стражу». Кроме этого, стало обязательным, чтобы суд имел необходимое и аргументированное обоснование в виде материалов в рамках постановления о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу¹. В итоге Верховный Суд Российской Федерации сформировал такой правовой порядок, который ранее до этого в уголовно-процессуальном законодательстве не существовал.

Сложившаяся ситуация вызывает критические оценки ряда исследователей. Так, по мнению А. В. Победкина, создание новых норм Верховным Судом Российской Федерации размывает границы уголовно-процессуального законодательства и должно оцениваться как незаконное, поскольку может снижать стандарты защиты конституционных прав и свобод человека [20, с. 39].

Мы согласны с тем, что задача Верховного Суда Российской Федерации заключается не в корректировке закона, и уж тем более не в его создании, и опасения в размывании границ закона [20, с. 35] вполне оправданны. Но в силу объективных условий постоянного изменения сферы правового регулирования неизбежно развитие права и уточнение пределов предмета правового регулирования в более оперативном режиме, чем это возможно посредством осуществления исключительно правотворческой деятельности. В свою очередь абстракт-

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 : в ред. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 7 // Российская газета. 2020. 26 июня.

ность принципов права как основы интерпретационной деятельности Верховного Суда Российской Федерации способствует этому.

В ситуации квалифицированного молчания законодателя, связанного с необходимостью разъяснения оценочных понятий или дополнения открытых перечней, разъяснения Верховного Суда Российской Федерации предполагают их конкретизацию. В данном случае конкретизация правовой нормы доводит ее до логического конца [21, с. 31]. Например, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2014 г. № 1, где в п. 28 раскрывается понятие «одинокая мать»¹, содержащееся в ст. 261 ТК РФ², которое необходимо учитывать в правоприменительной деятельности. Большое значение для право-реализационного процесса в целом и правоприменительной деятельности в частности имеет Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», раскрывающее содержание принципа добросовестности и определяющее границы оценочного понятия «злоупотребление правом».

В ситуации обобщения, повторяющихся однотипных правоприменительных актов Верховный Суд Российской Федерации может сформулировать некое общее правило, которое диктуется практикой. Теоретически оно не должно выходить за пределы предмета правового регулирования, но практически оно может быть корректирующим по отношению к нормам, созданным законодателем. Например, Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан»³ исходя из сложившейся судебной практики фактически было введено совместное банкротство супругов.

Решения Верховного Суда Российской Федерации, их последующий детальный анализ в конечном итоге создают предпосылки для формирования и применения устойчивых образцов правового поведения как для правоприменительных органов власти, так и для самого законодателя [22, с. 74]. Нужно указать на тот момент, что благодаря этому также возникает обратная связь, «резюмируя общественный запрос на совершенствование законодательства, выраженный в массиве правовых споров и судебных актов» [23, с. 23], тем самым являясь «связующей нитью между законом и реальной действительностью» [24, с. 53], а также правовая среда наполняется огромным багажом ценных знаний, которые имеют апробацию на самом высоком уровне и в самых разных условиях [25, с. 83].

Таким образом, толкование, осуществляемое высшими судебными инстанциями, можно рассматривать как форму развития права, поскольку положения, содержащиеся в их интерпретационных актах, изменяют действующее правовое регулирование и определяют ориентиры для дальнейшей правотворческой деятельности, связывая положения закона с реальной действительностью.

Список литературы

1. Колоколов Н. А. «Судебные практики» в уголовном процессе отвергнуть или, упорядочив, легализовать? // Уголовно-процессуальное право: понятие, содержание, источники : материалы науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. Д. С. Кареева (г. Москва, 23–24 марта 2006 г). М. : Городец, 2006. С. 66–68.
2. Куликов М. А. Манипулирование целями и средствами в правовом регулировании: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.1. М., 2023. 412 с. EDN: NSIWLN

¹ О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2014 г. № 1 // Российская газета. 2014. 7 февраля.

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ : в ред. Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 268-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33, ч. 1. Ст. 4964.

³ О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 48 // Российская газета. 2019. 9 января.

3. Васьяковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. 507 с.
4. Власенко Н. А. Проблемы правовой неопределенности : курс лекций. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. 174 с.
5. Власенко Н. А. Неопределенность в праве: понятие и пути исследования // Российское правосудие. 2006. № 7. С. 4–12. EDN: [OPKIED](#)
6. Тимошина Е. В., Краевский А. А. Критерии нормативности интерпретационных правовых актов в российской судебной практике // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 24. С. 220–243. doi: [10.52468/2542-1514.2022.6\(4\).220-243](#) EDN: [MLVCWZ](#)
7. Лучин В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М. : ЮНИТИ, 2012. 687 с.
8. Шиндяпина Е. Д. Аналогия права в правоприменении : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2007. 24 с. EDN: [NIYWYN](#)
9. Кононов А. Л. Право на особое мнение // Закон. 2006. № 11. С. 43–46. EDN: [HVUJZR](#)
10. Белоусов С. А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Саратов, 2016. 67 с. EDN: [ZPYAOL](#)
11. Савельева О. А. Постановления Пленума Верховного Суда РФ: роль в уголовном судопроизводстве // Мировой судья. 2006. № 2. С. 27–32. EDN: [KXSDBJ](#)
12. Момотов В. В. Толкование правовых норм Верховным Судом Российской Федерации в контексте современной правовой системы (окончание) // Государство и право. 2018. № 5. С. 30–36. doi: [10.7868/S0132076918050037](#) EDN: [RSITNJ](#)
13. Калинин В. Н. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации как источники гражданского права // Актуальные проблемы гражданского права. 2016. № 1 (7). С. 53–62. EDN: [XDCZFB](#)
14. Сенякин И. Н., Желдыбина Т. А. Роль судебной практики в механизме законотворчества // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 4 (38). С. 147. С. 135–152. EDN: [TWMZEN](#)
15. Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации : монография / В. И. Анишина [и др.] ; под ред. В. В. Ершова. М. : Юристъ, 2006. 493 с. EDN: [QWQSDJ](#)
16. Шульга И. В. Правовая природа обзоров Верховного Суда РФ // Российский судья. 2006. № 9. С. 7–9. EDN: [KXDVRZ](#)
17. Корнев А. В. Разъяснения высших судов по вопросам судебной практики как форма судебного правотворчества в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2016. 22 с. EDN: [ZQBQGP](#)
18. Гермер В. Н., Иванов С. А. Интерпретационные акты Верховного Суда Российской Федерации в системе правового регулирования // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 53–56. doi: [10.24412/2414-3995-2023-1-53-56](#) EDN: [PLDHDS](#)
19. Верещагин А. Н., Карапетов А. Г., Тай Ю. В. Пути совершенствования правотворческой деятельности Высшего Арбитражного Суда РФ // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 6. С. 4–81. EDN: [QATUXV](#)
20. Победкин А. В. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации как форма толкования и преодоления пробелов уголовно-процессуального права // Государство и право. 2008. № 11. С. 36–44. EDN: [JSKMYB](#)
21. Залоило М. В. Законность и целесообразность в обществе постмодерна: пересмотр сложившейся классической модели // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 22–37. doi: [10.12737/jrl.2020.065](#) EDN: [UCWJRE](#)
22. Черногор Н. Н., Залоило М. В. Актуальные проблемы правотворчества. М. : Юридическая фирма «Контракт», 2018. 144 с. EDN: [XTTKCT](#)
23. Гребнев Р. Д. Роль и место судебных актов в правотворческом процессе // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 2 (81). С. 23–35. doi: [10.12737/jflcl.2020.008](#) EDN: [TAJZPO](#)
24. Васильева Т. А. Судебное правотворчество в Российской Федерации // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2009. № 70. С. 45–60. EDN: [PCUKKH](#)
25. Загайнова С. К. Судебный прецедент: проблемы правоприменения. М. : Норма, 2002. 167 с.

References

1. Kolokolov N.A. Should “judicial practices” in criminal proceedings be rejected or, having streamlined them, legalized? *Ugolovno-protsessual'noe pravo: ponyatie, sodержanie, istochniki: materialy nauch.-prakt. konf., posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya prof. D.S. Kareeva (g. Moskva, 23–24 marta 2006 g) = Criminal-procedural law: concept, content, sources: proceedings of scientific-practical conference, held on the 100th anniversary of professor D.S. Kareev (Moscow, March 23–24, 2006)*. Moscow: Gorodets, 2006:66–68. (In Russ.)
2. Kulikov M.A. *Manipulation of goals and means in legal regulation: problems of theory and practice*: DSc dissertation. Moscow, 2023:412. (In Russ.)
3. Vas'kovskiy E.V. *Tsivilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanskikh zakonov = Civilistic methodology. The doctrine of interpretation and application of civil laws*. Moscow: Tsentr YurInfoR, 2002:507. (In Russ.)
4. Vlasenko N.A. *Problemy pravovoy neopredelennosti: kurs lektsiy = Problems of legal uncertainty: lecture course*. Moscow: In-t zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii, 2015:174. (In Russ.)
5. Vlasenko N.A. Uncertainty in law: concept and research paths. *Rossiyskoe pravosudie = Russian justice*. 2006;(7):4–12. (In Russ.)
6. Timoshina E.V., Kraevskiy A.A. Criteria for the normativity of interpretative legal acts in Russian judicial practice. *Pravoprimerenie = Law enforcement*. 2022;6(24):220–243. (In Russ.). doi: [10.52468/2542-1514.2022.6\(4\).220-243](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(4).220-243)
7. Luchin V.O. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Problemy realizatsii = Constitution of the Russian Federation. Problems of implementation*. Moscow: YuNITI, 2012:687. (In Russ.)
8. Shindyapina E.D. *Analogy of law in law enforcement*: PhD abstract. Moscow, 2007:24. (In Russ.)
9. Kononov A.L. Right to a dissenting opinion. *Zakon = Law*. 2006;(11):43–46. (In Russ.)
10. Belousov S.A. *Legislative imbalance (doctrine, theory, practice)*: DSc abstract. Saratov, 2016:67. (In Russ.)
11. Savel'eva O.A. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation: role in criminal proceedings. *Mirovoy sud'ya = Justice of the Peace*. 2006;(2):27–32. (In Russ.)
12. Momotov V.V. Interpretation of legal norms by the Supreme Court of the Russian Federation in the context of the modern legal system (end). *Gosudarstvo i pravo = State and law*. 2018;(5):30–36. (In Russ.). doi: [10.7868/S0132076918050037](https://doi.org/10.7868/S0132076918050037)
13. Kalinin V.N. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation as sources of civil law. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava = Current issues of civil law*. 2016;(1):53–62. (In Russ.)
14. Senyakin I.N., Zheldybina T.A. The role of judicial practice in the mechanism of lawmaking. *Leninogradskiy yuridicheskiy zhurnal = Leningrad Law Journal*. 2014;(4):135–152. (In Russ.)
15. Anishina V.I. et al. *Samostoyatel'nost' i nezavisimost' sudebnoy vlasti Rossiyskoy Federatsii: monografiya = Autonomy and independence of the judiciary of the Russian Federation: monograph*. Moscow: Yurist", 2006:493. (In Russ.)
16. Shul'ga I.V. Legal nature of reviews of the Supreme Court of the Russian Federation. *Rossiyskiy sud'ya = Russian judge*. 2006;(9):7–9. (In Russ.)
17. Kornev A.V. *Clarifications of the higher courts on issues of judicial practice as a form of judicial lawmaking in Russia*: PhD abstract. Moscow, 2016:22. (In Russ.)
18. Germer V.N., Ivanov S.A. Interpretative acts of the Supreme Court of the Russian Federation in the system of legal regulation. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti = Herald of Economic Security*. 2023;(1):53–56. (In Russ.). doi: [10.24412/2414-3995-2023-1-53-56](https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-53-56)
19. Vereshchagin A.N., Karapetov A.G., Tay Yu.V. Ways to improve the law-making activities of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii = Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2013;(6):4–81. (In Russ.)
20. Pobedkin A.V. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation as a form of interpretation and overcoming gaps in criminal procedural law. *Gosudarstvo i pravo = State and law*. 2008;(11):36–44. (In Russ.)
21. Zaloilo M.V. Legality and expediency in postmodern society: reconsidering the established classical model. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*. 2020;(6):22–37. (In Russ.). doi: [10.12737/jrl.2020.065](https://doi.org/10.12737/jrl.2020.065)

22. Chernogor N.N., Zaloilo M.V. *Aktual'nye problemy pravotvorchestva = Current issues of law-making*. Moscow: Yuridicheskaya firma «Kontrakt», 2018:144. (In Russ.)
23. Grebnev R.D. The role and place of judicial acts in the law-making process. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of foreign legislation and comparative law*. 2020;(2):23–35. (In Russ.). doi: [10.12737/jfcl.2020.008](https://doi.org/10.12737/jfcl.2020.008)
24. Vasil'eva T.A. Judicial lawmaking in the Russian Federation. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva = Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev*. 2009;(70):45–60. (In Russ.)
25. Zagaynova S.K. *Sudebnyy pretsedent: problemy pravoprimereniya = Judicial precedent: problems of law enforcement*. Moscow: Norma, 2002:167. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Е. С. Зайцева – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0688-2967>

E.S. Zaitseva – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1 Letchika Pilyutova street, St. Petersburg, 198206. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0688-2967>

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests**

Поступила в редакцию / Received 17.06.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.07.2025

Принята к публикации / Accepted 30.07.2025

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.4

EDN: GJOIRU

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-4

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Виталий Владимирович Гошуляк

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

vvgoshulyak@rambler.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность темы определяется ее научно-теоретической и практической значимостью. В научно-теоретическом плане актуальность обусловливается относительной новизной данного института конституционного права, требующего научного осмысления и применения в практической деятельности органов государственной власти. В практическом плане изучение данной проблемы позволит более четко определять наличие (отсутствие) конституционного деликта при привлечении субъекта права к конституционно-правовой ответственности. Цель исследования состоит в попытке рассмотрения дискуссионных вопросов конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации. В отличие от других публикаций по данной тематике анализируются теоретико-правовые вопросы юридической и конституционно-правовой ответственности. *Материалы и методы.* Использован широкий круг современной научной литературы и наработок теоретико-правовой науки в части, касающейся состава правонарушения. В качестве методов исследования использовались логический, исторический, сравнительно-правовой методы, метод анализа и синтеза. *Результаты.* Обоснована позиция автора относительно дискуссионных вопросов конституционно-правовой ответственности, определены ее характерные черты, особенности и отличия от других видов юридической ответственности. *Выводы.* Сделан вывод о том, что институт конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации прошел этап своего становления, является самостоятельным видом юридической ответственности наряду с уголовной, административной, гражданской, дисциплинарной. Доказано, что все указанные виды юридической ответственности имеют общее теоретико-правовое ядро.

Ключевые слова: юридическая ответственность, конституционно-правовая ответственность, состав правонарушения, конституционный деликт

Для цитирования: Гошуляк В. В. Теоретико-правовые проблемы конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 3. С. 33–39. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-4 EDN: GJOIRU

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

Original article

THEORETICAL AND LEGAL PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL RESPONSIBILITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Vitaly V. Goshulyak

Penza State University, Penza, Russia

vvgoshulyak@rambler.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the topic is determined by its scientific, theoretical and practical significance. In scientific and theoretical terms, the relevance is determined by the relative novelty of this institution of constitutional law, which requires scientific understanding and application in the practical activities of public authorities. In practical terms, the study of this problem will make it possible to more clearly determine the presence (absence) of a constitutional tort when bringing a legal entity to constitutional responsibility. The purpose of the article is to attempt to address controversial issues of constitutional and legal responsibility in the Russian Federation. Unlike other publications on this topic, the theoretical and legal issues of legal and constitutional responsibility are analyzed. *Materials and methods.* The article uses a wide range of modern scientific literature and developments in theoretical and legal science in the field of corpus delicti. The research methods used were logical, historical, comparative legal methods, the method of analysis and synthesis. *Results.* The article substantiates the author's position on controversial issues of constitutional and legal responsibility, identifies its characteristic features and differences from other types of legal responsibility. *Conclusions.* It is concluded that the institution of constitutional and legal responsibility in the Russian Federation has passed the stage of its formation, is an independent type of legal responsibility, along with criminal, administrative, civil, disciplinary. It is proved that all these types of legal liability have a common theoretical and legal core.

Keywords: legal responsibility, constitutional and legal responsibility, body of the offense, constitutional tort

For citation: Goshulyak V.V. Theoretical and legal problems of constitutional and legal responsibility in the Russian Federation. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(3):33–39. (In Russ.). doi:10.21685/2307-9525-2025-13-3-4

После распада СССР в юридической науке и законодательстве стали появляться новые правовые институты, связанные с принятием новой Конституции Российской Федерации 1993 г. В их числе находится и институт конституционно-правовой ответственности. В советский период он не получил, да и не мог получить своего развития в связи с отсутствием юридической ответственности высших государственных органов и их должностных лиц [1, с. 3]. На современном этапе организация и деятельность органов публичной власти поставлена под контроль гражданского общества, связана конституционным правом и приоритетом прав и свобод человека и гражданина перед правами государства.

Эти условия стали предпосылками развития института конституционно-правовой ответственности и его изучения в Российской Федерации. Появились первые докторские диссертации, рассматривающие данную научную проблему [2–4]. Эти и другие научные исследования породили развернувшуюся в юридической науке дискуссию, касающуюся данного вида юридической ответственности. И это было не случайно в связи с новизной данного пра-

нового института, который впоследствии был признан юридической наукой и вошел даже в учебники конституционного права как их неотъемлемая составная часть [5, 6].

В настоящее время конституционно-правовая ответственность признана в российской юридической науке, но это не означает, что сняты дискуссионные вопросы, порождающие научные проблемы данного вида юридической ответственности. И суть вопроса заключается в том, существует ли единое ядро во всех видах юридической ответственности – дисциплинарной, административной, уголовной, гражданской, конституционной.

По нашему мнению, такое ядро, безусловно, существует, и, следовательно, под конституционно-правовую ответственность необходимо подводить прочный фундамент теории права, связанный с понятием состава правонарушения: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона, вина, деликт. При таком подходе все, что не вписывается в данную конструкцию, будет считаться не отрицанием наличия конституционно-правовой ответственности, порождающим споры в юридической науке, а ее особенностями, отличающими конституционно-правовую ответственность от иных ее видов.

В настоящее время, даже при, казалось бы, достаточной научно-теоретической разработке понятия «конституционно-правовая ответственность», отдельные авторы сомневаются в ее наличии. По их мнению, конституционно-правовая ответственность призвана обеспечивать нормальное течение политических процессов на всех уровнях публичной власти и поэтому является не юридической, а политической ответственностью [7, с. 61]. Среди аргументов в пользу этого вывода называется наличие коллективных субъектов конституционно-правовой ответственности, отсутствие вины каждого отдельного члена этих коллективных субъектов [8, с. 63]; отсутствие конституционного деликта в позитивной конституционно-правовой ответственности [9, с. 26]. Ряд авторов придерживаются мнения о наличии двух самостоятельных видов ответственности неюридической политической и юридической конституционно-правовой [10, с. 72].

Вместе с тем необходимо признать, что конституционно-правовая ответственность в Российской Федерации является самостоятельным и обособившимся видом юридической ответственности, а оставшиеся дискуссионные вопросы, как справедливо отмечается в научной литературе, «перспективными направлениями научно-теоретической мысли» [11, с. 47].

В пользу конституционно-правовой ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности говорит тот факт, что применение Конституции РФ как прямого и непосредственно действующего нормативного правового акта нуждается в механизмах ее реализации и собственных санкциях за нарушение таких норм. При этом главная цель конституционно-правовой ответственности – защита конституционных норм [12, с. 29]. Также следует иметь в виду, что данный институт является интенсивно развивающимся институтом конституционного права, дополняется большим количеством санкций [13, с. 185].

В научной литературе выделяются позитивная и негативная конституционно-правовая ответственность [14, с. 11]. Различия между ними видятся в том, что позитивная конституционно-правовая ответственность характеризуется правомерным поведением субъектов конституционного права и отсутствием конституционного деликта, в то время как основными чертами негативной ответственности являются неправомерное поведение субъектов публично-правовых отношений и наличие конституционного деликта.

Под конституционно-правовой ответственностью следует понимать «обусловленную нормами Конституции РФ необходимость субъектов конституционной ответственности отвечать в установленном порядке за свое юридически значимое поведение и действовать в соответствии с возложенными на них обязанностями, а в случае отклонения – претерпевать определенные лишения» [15, с. 11].

Некоторые исследователи наравне с конституционно-правовой ответственностью выделяют еще и муниципально-правовую как самостоятельный вид юридической ответственности [16, с. 29; 17, с. 11]. Меры муниципально-правовой ответственности призваны охранять муниципально-правовые, а не конституционно-правовые отношения, возникающие в сфере вопросов исключительного ведения местного самоуправления.

Нам представляется, что муниципально-правовая ответственность еще не сложилась в самостоятельный вид юридической ответственности и в силу этого является составной частью конституционно-правовой ответственности. Кроме того, муниципальное право является не столько самостоятельной, сколько комплексной отраслью права, в которой присутствуют правовые нормы из разных отраслей права, защищаемые различными видами юридической ответственности.

Конституционно-правовая ответственность в отличие от других видов юридической ответственности имеет свои особенности. Они связаны с субъектами конституционного права, которыми могут быть не только физические или юридические лица, но и органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, общественные организации, чья деятельность должна осуществляться в интересах общества и государства и иметь позитивное содержание. Отсюда отличительной чертой конституционно-правовой ответственности является наличие ее правомерной составляющей, определяющей позитивную ответственность. В этом случае конституционно-правовая ответственность наступает и при отсутствии вины субъекта конституционного права.

Вина может отсутствовать и при неправомерном поведении коллективных субъектов конституционного права, когда отдельные члены этих субъектов не могут быть признаны виновными при принятии коллегиальных решений. Например, при принятии коллегиальным органом не соответствующего Конституции РФ и впоследствии отмененного нормативного акта вина отдельных членов этого коллегиального органа отсутствует.

Особенностью конституционно-правовой ответственности можно считать и отсутствие формализации привлечения к ответственности судом или при обращении в суд. Все другие виды ответственности связаны с судебной властью. Решения о привлечении лица к ответственности в них осуществляются либо исключительно судом, либо посредством обжалования в суд решения административного или иного органа, наделенного такими полномочиями. При наступлении конституционно-правовой ответственности возможность обращения виновного лица в суд может отсутствовать, например, при роспуске законодательного органа либо отрешении от должности главы субъекта РФ по недоверию Президентом РФ.

Конституционно-правовая ответственность нередко может носить политический характер, например, отставка правительства за ненадлежащее исполнение своих обязанностей с целью разрешения политического кризиса в стране.

В рамках конституционно-правовой ответственности используется конституционно-правовое принуждение, связанное с неправомерным поведением субъектов конституционного права. В научной литературе отмечается, «что конституционно-правовое принуждение представляет собой ответную меру, которую государство, общество вынуждены применить к виновному в совершении конституционного правонарушения» [18, с. 153]. Вместе с тем отметим, что конституционно-правовое принуждение шире санкций, применяемых уполномоченными органами к виновным лицам, поскольку оно может применяться и в целях профилактики возможных правонарушений без отсутствия конституционного деликта.

Неотъемлемой составной частью конституционно-правовой ответственности, связанной с неправомерным поведением, является наличие конституционного деликта. Одним из первых в Российской Федерации теорию конституционного деликта разработал В. О. Лучин. «Конституционный деликт, – писал он, – это деяние (действие или бездействие) субъекта конституционной ответственности как участника конституционных правоотношений, не отвечающее должному поведению и влекущее за собой применение мер конституционной ответственности» [19, с. 12].

Разработанное в теории права понятие состава правонарушения (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона, вина) в полной мере накладывается и на содержание конституционного деликта.

Объектами конституционного деликта являются регулируемые конституционным правом общественные отношения, на которые посягают субъекты конституционных правонарушений. Это могут быть суверенитет государства, его территориальная целостность, права

и свободы человека и гражданина, федеративные отношения, конституционные принципы организации и деятельности органов публичной власти и т.п.

Объективная сторона конституционного деликта характеризует само противоправное деяние и те последствия, которые наступают в результате неправомерного поведения. При этом противоправным деянием может быть признано как действие, так и бездействие субъекта конституционных правоотношений. Бездействие характеризуется неисполнением субъектом права возложенной на него конституционной обязанности в условиях, когда субъект конституционного права обязан был совершить определенные действия, но не совершил их.

Субъектами конституционного деликта могут быть все субъекты конституционного права, нарушающие конституционные нормы и способные нести за это юридическую ответственность, начиная от граждан и заканчивая Президентом РФ.

Субъективная сторона конституционного деликта характеризуется психическим отношением субъекта права к деянию и его последствиям в форме умысла или неосторожности.

Санкций при наступлении конституционно-правовой ответственности достаточно много, и с каждым годом их количество растет. Среди них отмена признанного неконституционным правового акта, отрешение от должности Президента РФ или главы субъекта Федерации, досрочное прекращение полномочий депутата, отставка правительства или отдельного министра, расформирование избирательной комиссии, отмена решения о приеме в гражданство и т.п.

Все это вместе взятое объединяет конституционно-правовую ответственность с другими видами юридической ответственности и одновременно указывает на ее самостоятельность как отдельного вида юридической ответственности. Сказанное также означает, что институт конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации прошел этап своего становления и является свершившимся фактом даже при наличии споров и дискуссий в юридической науке по этой проблеме.

Список литературы

1. Кубрин Е. Е. Конституционно-правовое принуждение как развивающийся институт современного конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 10. С. 7–10. doi: [10.18572/1812-3767-2021-10-7-10](https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-10-7-10) EDN: [DAHZGI](#)
2. Виноградов В. А. Конституционно-правовая ответственность (системное исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02. М., 2005. 46 с. EDN: [ZMYLED](#)
3. Колосова Н. М. Теория конституционной ответственности: природа, особенности, структура : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02. М., 2006. 44 с. EDN: [ZNRPRH](#)
4. Кондрашев А. А. Теория конституционно-правовой ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02. М., 2011. 56 с. EDN: [ORDEAE](#)
5. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. М. : Проспект, 2006. 603 с. EDN: [QWRLGR](#)
6. Павликов С. Г., Умнова И. А. Конституционное право. М. : Альфа-М : ИНФРА-М, 2015. 575 с.
7. Чухарев М. Д. Конституционно-правовая ответственность: старые проблемы и новые решения // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 11. С. 60–64. doi: [10.18572/1812-3767-2022-11-60-64](https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-11-60-64) EDN: [UROCKN](#)
8. Волков И. К. Ответственность в системе конституционного права России // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 12. С. 63–66. doi: [10.18572/1812-3767-2024-12-63-66](https://doi.org/10.18572/1812-3767-2024-12-63-66) EDN: [NSQTTV](#)
9. Якубенко Д. Э. К вопросу о разграничении политической и конституционно-правовой ответственности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 9. С. 26–29. doi: [10.18572/1812-3767-2023-9-26-29](https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-9-26-29) EDN: [TPNTYL](#)
10. Кондрашев А. А. Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации : монография. М. : Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2011. 472 с. EDN: [UKRZHF](#)

11. Хагба Е. Г. Конституционно-правовая ответственность Правительства Российской Федерации: развитие и современное состояние // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 4. С. 47–50. doi: [10.18572/1812-3767-2024-4-47-50](https://doi.org/10.18572/1812-3767-2024-4-47-50) EDN: [VEWWKE](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.18572/1812-3767-2024-4-47-50)
12. Булаков О. Н. Ответственность в российском конституционном праве // Образование и право. 2023. № 4. С. 29–32. doi: [10.24412/2076-1503-2023-4-29-32](https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-4-29-32) EDN: [SSMMIW](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.24412/2076-1503-2023-4-29-32)
13. Кондрашев А. А. Институт конституционно-правовой ответственности в предмете конституционного права: грани соотношения // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10 (95). С. 184–195. doi: [10.17803/1994-1471.2018.95.10.184-195](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.95.10.184-195) EDN: [VMNOUA](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.17803/1994-1471.2018.95.10.184-195)
14. Мазуревский К. С. Конституционно-правовая ответственность кандидатов предварительного голосования // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 6 (151). С. 11–17. doi: [10.17803/1994-1471.2023.151.6.011-017](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.151.6.011-017) EDN: [MGTRVB](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.17803/1994-1471.2023.151.6.011-017)
15. Гошуляк В. В. Теоретико-правовые проблемы конституционно-правовой ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 24. С. 9–12. EDN: [KYOOTD](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.18572/1812-3767-2009-24-9-12)
16. Томилова И. И., Школяренко Е. А. К вопросу о соотношении муниципально-правовой ответственности и конституционно-правовой ответственности // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2021. № 2. С. 27–29. doi: [10.18572/2072-4314-2021-2-27-29](https://doi.org/10.18572/2072-4314-2021-2-27-29) EDN: [OWZVMI](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.18572/2072-4314-2021-2-27-29)
17. Кирилловых А. А. Муниципально-правовая ответственность в системе юридической ответственности // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2024. № 1. С. 11–14. doi: [10.18572/2072-4314-2024-1-11-14](https://doi.org/10.18572/2072-4314-2024-1-11-14) EDN: [COUEOU](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.18572/2072-4314-2024-1-11-14)
18. Классификация мер конституционно-правового принуждения, применяемых за совершение конституционных правонарушений / Д. Е. Сидельников, В. С. Грачев, А. Г. Гурбанов [и др.] // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 4 (32). С. 153–159. EDN: [KGXVMH](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.18572/1812-3767-2006-4-153-159)
19. Лучин В. О. Конституционные деликты // Государство и право. 2000. № 1. С. 12–19.

References

1. Kubrin E.E. Constitutional and legal coercion as a developing institution of modern constitutional law. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. 2021;(10):7–10. (In Russ.). doi: [10.18572/1812-3767-2021-10-7-10](https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-10-7-10)
2. Vinogradov V.A. *Constitutional and legal responsibility (systemic study)*: DSc abstract. Moscow, 2005:46. (In Russ.)
3. Kolosova N.M. *Theory of constitutional responsibility: nature, features, structure*: DSc abstract. Moscow, 2006:44. (In Russ.)
4. Kondrashev A.A. *Theory of constitutional and legal responsibility*: DSc abstract. Moscow, 2011:56. (In Russ.)
5. Kozlova E.I., Kutafin O.E. *Konstitutsionnoe pravo Rossii = Constitutional law of Russia*. Moscow: Prospekt, 2006:603. (In Russ.)
6. Pavlikov S.G., Umnova I.A. *Konstitutsionnoe pravo = Constitutional law*. Moscow: Al'fa-M: INFRA-M, 2015:575. (In Russ.)
7. Chukharev M.D. Constitutional and legal responsibility: old problems and new solutions. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. 2022;(11):60–64. (In Russ.). doi: [10.18572/1812-3767-2022-11-60-64](https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-11-60-64)
8. Volkov I.K. Liability in the system of constitutional law of Russia. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. 2024;(12):63–66. (In Russ.). doi: [10.18572/1812-3767-2024-12-63-66](https://doi.org/10.18572/1812-3767-2024-12-63-66)
9. Yakubenko D.E. On the issue of delineation of political and constitutional-legal responsibility of the highest official of a constituent entity of the Russian Federation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. 2023;(9):26–29. (In Russ.). doi: [10.18572/1812-3767-2023-9-26-29](https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-9-26-29)
10. Kondrashev A.A. *Teoriya konstitutsionno-pravovoy otvetstvennosti v Rossiyskoy Federatsii: monografiya = Theory of constitutional and legal responsibility in the Russian Federation: monograph*. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M.V. Lomonosova, 2011:472. (In Russ.)
11. Khagba E.G. Constitutional and legal responsibility of the Government of the Russian Federation: development and current state. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. 2024;(4):47–50. (In Russ.). doi: [10.18572/1812-3767-2024-4-47-50](https://doi.org/10.18572/1812-3767-2024-4-47-50)
12. Bulakov O.N. Liability in Russian constitutional law. *Obrazovanie i pravo = Education and law*. 2023;(4):29–32. (In Russ.). doi: [10.24412/2076-1503-2023-4-29-32](https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-4-29-32)

13. Kondrashev A.A. The institute of constitutional and legal responsibility in the subject of constitutional law: boundaries of the relationship. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava = Current issues of Russian law*. 2018;(10):184–195. (In Russ.). doi: [10.17803/1994-1471.2018.95.10.184-195](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.95.10.184-195)
14. Mazurevskiy K.S. Constitutional and legal liability of candidates for preliminary voting. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava = Current issues of Russian law*. 2023;(6):11–17. (In Russ.). doi: [10.17803/1994-1471.2023.151.6.011-017](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.151.6.011-017)
15. Goshulyak V.V. Theoretical and legal problems of constitutional and legal responsibility. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. 2009;(24):9–12. (In Russ.)
16. Tomilova I.I., Shkolyarenko E.A. On the issue of the relationship between municipal-legal responsibility and constitutional-legal responsibility. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy = Municipal service: legal issues*. 2021;(2):27–29. (In Russ.). doi: [10.18572/2072-4314-2021-2-27-29](https://doi.org/10.18572/2072-4314-2021-2-27-29)
17. Kirillovykh A.A. Municipal legal responsibility in the system of legal responsibility. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy = Municipal service: legal issues*. 2024;(1):11–14. (In Russ.). doi: [10.18572/2072-4314-2024-1-11-14](https://doi.org/10.18572/2072-4314-2024-1-11-14)
18. Sidel'nikov D.E., Grachev V.S., Gurbanov A.G. et al. Classification of measures of constitutional and legal coercion applied for the commission of constitutional offenses. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2006;(4):153–159. (In Russ.)
19. Luchin V.O. Constitutional torts. *Gosudarstvo i pravo = State and law*. 2000;(1):12–19. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

В. В. Гошуляк – доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, директор Юридического института, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8648-4664>

V.V. Goshulyak – Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Law, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8648-4664>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /

The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 30.06.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 14.07.2025

Принята к публикации / Accepted 30.07.2025

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 343.163

EDN: DAITTP

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-5

ПРОКУРАТУРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Эстелита Гусунбековна Дадашова

Ивангородский гуманитарно-технический институт (филиал) Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, Ивангород, Россия
esti_94@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Рассматриваются вопросы определения органов прокуратуры в качестве созданной государством системы контроля и надзора, а также исследуется ее роль в системе органов государственной власти Российской Федерации, так как гарантия процесса и организации механизма защиты прав в целом обусловлена созданием и функционированием отдельного специализированного органа публичной власти – прокуратуры Российской Федерации. Отражение оценки правовой и общественной значимости существования органов прокуратуры возможно найти при изучении соответствующих источников Российского государства разных лет. При переходе к раскрытию указанных вопросов целью является подтверждение особенности статуса органов прокуратуры в Российской Федерации, оценка при этом ее места в созданном государством механизме обеспечения безопасности в целом, в том числе в сфере противодействия нарушениям прав и свобод человека и гражданина, снижения уровня коррупции и регулирования деятельности органов правопорядка. На основе сравнительно-правового анализа рассматриваются положения существующих правовых источников, регулирующих деятельность прокуратуры Российской Федерации. *Материалы и методы.* Решение исследовательских задач было достигнуто посредством проведенного анализа правовых норм о прокуратуре, содержащихся в Конституции Российской Федерации и Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации». Сравнительно-правовой анализ существующих источников, регулирующих деятельность органов прокуратуры Российской Федерации, позволяет обосновать развитие самой системы прокуратуры как государственного механизма контроля и надзора. *Результаты.* Исследованы роль и деятельность прокуратуры в системе государственных органов Российской Федерации, проанализированы соответствующие правовые нормы, осуществлен анализ их актуальности. *Выводы.* Создание органов прокуратуры Российской Федерации, их взаимодействие с другими органами правопорядка и органами судебной власти, целостная и перспективная система правовых норм, регулирующих деятельность прокуратуры Российской Федерации, позволяет осуществлять полноценный контроль и надзор за соблюдением защиты прав и свобод человека и гражданина и решать иные задачи, обеспечивающие и поддерживающие правопорядок в целом.

Ключевые слова: конституционно-правовой статус прокуратуры, государство, механизм, права и свободы, безопасность, полномочия, орган государственной власти, полномочия прокуратуры, надзор, контроль

Для цитирования: Дадашова Э. Г. Прокуратура Российской Федерации в системе органов государственной власти // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 3. С. 40–48. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-5 EDN: DAITTP

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

Original article

THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SYSTEM OF STATE AUTHORITIES

Estelita G. Dadashova

Ivangorod Humanitarian and Technical Institute (branch) Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Ivangorod, Russia

esti_94@mail.ru

Abstract. *Background.* The article examines the issues of defining the prosecutor's office as a state-created system of control and supervision, as well as the role of the prosecutor's office in the system of state authorities of the Russian Federation, as the guarantee of the process and organization of the mechanism for protecting rights in general is due to the creation and functioning of a separate specialized body of public authority, such as the Prosecutor's Office of the Russian Federation. The assessment of the legal and social significance of the existence of the prosecutor's office can be found by studying the relevant sources of the Russian state from different time periods. When moving on to addressing these issues, the author's goal is to confirm the specific status of the prosecutor's office in the Russian Federation, while also assessing the role of the prosecutor's office in the overall security mechanism established by the state, including in the areas of countering violations of human and civil rights and freedoms, reducing corruption, and regulating the activities of government agencies. *Materials and methods.* The solution of the research tasks was achieved through an analysis of the legal norms on the prosecutor's office contained in the Constitution of the Russian Federation and the Federal Law «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation». The implementation of a comparative legal analysis of the existing sources regulating the activities of the Prosecutor's office of the Russian Federation makes it possible to justify the development of the prosecutor's office system itself as a state mechanism of control and supervision. *Results.* The role and activities of the prosecutor's office in the system of state bodies of the Russian Federation are investigated, the legal norms governing the activities of the Prosecutor's office of the Russian Federation are analyzed, and the relevance of the relevant legal norms is analyzed. *Conclusions.* The creation of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, their interaction with other law enforcement and judicial authorities, an integrated and promising system of legal norms governing the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, allows for full control and supervision of the protection of human and civil rights and freedoms, and solve other tasks that ensure and maintain law and order in general.

Keywords: constitutional and legal status of the prosecutor's office, the state, mechanism, rights and freedoms, security, powers, public authority, powers of the prosecutor's office, supervision, control

For citation: Dadashova E.G. The prosecutor's office of the Russian Federation in the system of state authorities. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(3):40–48. (In Russ.). doi:10.21685/2307-9525-2025-13-3-5

Формирование и становление любого демократического государства невозможно без соответствующего обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина. Тем не менее с учетом социальных, территориальных и иных факторов воздействия должное воспроизведение такой защиты и по сей день остается весьма затруднительным обязательством для государственной системы в целом. Одним из таких органов правозащиты в государственной системе России выступает прокуратура.

Свою независимость от иных органов системы государственной власти России прокуратура официально получила еще в 1933 г. Позднее Конституция СССР определила ее в качестве не только контрольного, но и надзорного органа власти. В 90-е гг. устройство и государственное положение органов прокуратуры России терпит ряд изменений. Вместе с тем упраздняется употребление слова «высший» при упоминании прокурорского надзора, что по своей сути исключает иерархичность между прокурорским надзором и иными надзорными органами. Также ранее в Конституции отсутствовали положения относительно функционирования органов прокуратуры, ее статус и иные характеристики определял исключительно соответствующий федеральный закон.

До сих пор многие политические деятели, а также представители науки, основываясь на фактах истории становления такого органа, как прокуратура Российской Федерации, озадачены вопросом его места в системе государственного устройства власти.

Деятельность органов прокуратуры Российской Федерации обусловлена двумя функциями – контролем и надзором. Особенностью деятельности прокуратуры является ее суверенность. Однако, как и работа иных органов государственной власти Российской Федерации, деятельность прокуратуры также регламентируется Конституцией Российской Федерации и соответственно специальными нормами, содержащимися в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» [1].

Согласно ст. 129 Конституции Российской Федерации «Прокуратура Российской Федерации – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции. Полномочия и функции прокуратуры Российской Федерации, ее организация и порядок деятельности определяются федеральным законом»¹. Данное положение отражает уникальность и обширность деятельности органов прокуратуры, указывая при этом на особенность их функциональной составляющей. Вместе с тем законодатель также говорит о новом конституционно-правовом статусе прокуратуры, который, по сути, «расширил горизонты» полномочий лиц, являющихся будущими служащими соответствующих органов [2]. Однако детализированное описание полномочий прокуратуры Российской Федерации представлено в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации».

Статья 4 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» содержит основные принципы устройства и деятельности органов прокуратуры Российской Федерации, а именно: «Осуществление полномочий независимо от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов публичной власти федеральных территорий, органов местного самоуправления, общественных объединений и в строгом соответствии с действующими на территории Российской Федерации законами; действие гласно в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства Российской Федерации об охране прав и свобод граждан, а также законодательства Российской Федерации о государственной и иной специально охраняемой законом тайне; информирование федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов публичной власти федеральных территорий, органов местного самоуправления, а также население о состоянии законности»².

Анализ положений о деятельности прокуратуры Российской Федерации, изложенных в Основном законе государства и специальных норм соответствующего федерального закона

¹ Конституция Российской Федерации : (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Правовой сервер КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=m71wsqrwpf760549647 (дата обращения: 08.04.2025).

² О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон Российской Федерации от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Правовой сервер КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 08.04.2025).

подтверждает довод о том, что прокуратура Российской Федерации как орган государственной власти является абсолютно суверенным. Тем не менее данный тезис не отрицает взаимодействия органов прокуратуры с иными органами правопорядка. В то же время прокуратура Российской Федерации является «тем самым органом, который осуществляет надзорные функции в отношении иных взаимодействующих с ним органов власти» [3]. С точки зрения взаимосвязи органов прокуратуры с иными органами власти в Российской Федерации спорным моментом является отнесение службы в органах прокуратуры к разновидности муниципальной службы, однако с учетом положений Федерального закона «О государственной службе» данное обстоятельство исключается [4]. Вместе с тем не мала роль прокуратуры и в качестве участника законодательного процесса в Российской Федерации, а именно: «Сравнительный анализ последних изменений, внесенных в Положение о правотворческой деятельности органов прокуратуры Российской Федерации, утвержденное приказом Генерального прокурора РФ от 17 сентября 2007 № 144 "О правотворческой деятельности органов прокуратуры и улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления", также показывает укрепление законопроектного направления в правотворческой деятельности органов прокуратуры» [5].

Представляется целесообразным определить основные направления деятельности органов прокуратуры Российской Федерации.

Итак, одна из самых значимых областей деятельности органов прокуратуры – это защита прав и интересов несовершеннолетних лиц: «Прокурорский надзор является одной из самых действенных и основных гарантий защиты прав несовершеннолетних граждан, поскольку прокуратура осуществляет не только надзор за соблюдением законности, но и реагирует на поступающие в структуру сигналы о нарушениях прав детей» [6]. Именно органами прокуратуры постоянно разрешаются вопросы и рассматриваются обращения, связанные с посягательством на права несовершеннолетних лиц. Кроме того, нередко прокурорские проверки, связанные с соблюдением исполнения законодательства в сфере защиты прав и интересов несовершеннолетних, а также пресечение противоправных действий в отношении соответствующих лиц [7].

Не менее важной обязанностью служащих органов прокуратуры является соблюдение антикоррупционного законодательства, а именно: «Соблюдать ограничения, запреты и обязанности, установленные законодательством о противодействии коррупции, уведомлять о фактах склонения к совершению коррупционных правонарушений, принимать меры по недопущению конфликта интересов, сообщать о получении подарка в связи с занимаемым должностным положением или исполнением служебных обязанностей» [8]. Исходя из особого положения органов прокуратуры Российской Федерации в системе государственной власти, учитывая широкий спектр их обязанностей и полномочий, они представлены во всех программах по противодействию коррупции [9].

Вместе с тем в части соблюдения антикоррупционного законодательства органы прокуратуры обеспечивают проведение антикоррупционной экспертизы. Кроме того, в обязанности органов прокуратуры также входит контроль над процессом внесения каких-либо изменений в проектную часть соответствующей экспертизы. Для достижения поставленных целей в работе над проектом антикоррупционной экспертизы органам прокуратуры необходимо провести анализ большого количества нормативных правовых актов и результатов предыдущих проектов. Предотвращение нарушений прав граждан обеспечивается в том числе проведением антикоррупционной экспертизы, а ее результаты, в свою очередь, устанавливают факторы соответствующих правовых нарушений [10].

Широк спектр полномочий органов прокуратуры Российской Федерации также в области защиты предпринимательской деятельности и поддержания делового сотрудничества в бизнес-сфере. Органы прокуратуры активно осуществляют свои обязанности и реализуют проекты по контролю и поддержке данной сферы деятельности [11].

Экстремистская деятельность незаконна и пресекается, в том числе посредством деятельности органов прокуратуры. В свою очередь необходимо отметить, что «Генеральная про-

куратура РФ уделяет особое внимание данному направлению, что выражается в издании ряда ведомственных приказов, регламентирующих деятельность органов прокуратуры в этой сфере» [12].

Противодействие экстремистской деятельности со стороны органов прокуратуры заключается в исполнении следующих полномочий: «служащие органов прокуратуры участвуют в судебном заседании на стороне обвинения (выступают государственными обвинителями) и осуществляют прокурорский надзор. В сфере борьбы с экстремизмом прокуратура активно осуществляет деятельность в обоих указанных направлениях» [13].

Учитывая обширную деятельность органов прокуратуры, необходимо также уделить внимание следующим вопросам: «среди них – государственный единый статистический учет данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре. Именно результаты работы, связанной с государственным единым статистическим учетом, в дальнейшем могут стать основой для оценки того или иного направления деятельности органов прокуратуры» [14, 15].

Зачастую органам прокуратуры и следственному комитету необходимо сотрудничать в целях соблюдения всех этапов уголовного процесса. Со стороны органов прокуратуры существует обязанность осуществления контроля предварительного расследования, а также проверки правомерности возбуждения уголовного дела и, как следствие, привлечения определенного лица к уголовной ответственности. Вместе с тем в обязанности органов прокуратуры входит осуществление проверки правомерности и законности действий и решений следователей, а также участие в допросах свидетелей и подозреваемых лиц. Служащие органов прокуратуры вправе излагать позицию и доводы в рамках проводимого дела. Выдвижение обвинения со стороны прокуратуры допустимо к представлению уже на стадии судебного разбирательства. Прокуратура в целом осуществляет надзор за соблюдением законности судебного процесса, а также защиту интересов самого государства, при этом органы прокуратуры обязаны обеспечить баланс между условиями защиты обвиняемого и в то же время предоставлением в адрес суда доказательств его виновности [16].

Именно так на примере одного судебного дела о признании виновным лица в совершении преступления, регламентированного ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, прокурор представил на обозрение суда свою позицию и соответствующие доказательства, подтверждающие вину подсудимого. В ходе рассмотрения дела было установлено, что обвиняемый умышленно нанес другому лицу ножевое ранение на почве национальной неприязни, что впоследствии привело к его смерти. Вместе с тем подсудимый попытался ударить ножом двух других лиц, находящихся в этот момент рядом с пострадавшим, однако его остановило третье лицо, которое впоследствии было ранено подсудимым и скончалось от ножевого ранения.

При выдвижении обвинения в адрес подсудимого прокурор в первую очередь заявил о том, что последний признал свою вину, затем указал на его вменяемость и обратил внимание на показания выживших свидетелей, в которых они также указывают на обвиняемого. Доводы прокурора полностью подтверждали обстоятельства дела, в связи с чем на основании имеющихся доказательств суд признал подсудимого виновным в совершении преступления и привлек его к уголовной ответственности. В рамках того или иного судебного разбирательства с участием прокурора примечательным является тот факт, что он должен не только играть роль обвинителя в судебном процессе, иметь статус «обвинитель», но и представить суду правовую, законно подтвержденную позицию, подкрепленную неопровержимыми доказательствами. В ином случае сторона обвинения – прокурор – остается в более «уязвимой позиции».

Органы прокуратуры Российской Федерации незаменимы и универсальны, масштабы сферы их деятельности действительно велики. Области компетенции и функциональный состав органов прокуратуры образуют отдельное звено в системе правозащитной деятельности публичной власти. Проекты и законотворческие направления деятельности прокуратуры Российской Федерации вносят большой вклад в обеспечение необходимой защиты интересов и прав общества в целом [17]. Вместе с тем следует отметить, что «прокуратура играет важ-

ную роль в системе органов государственной власти, обеспечивая контроль, согласование и соблюдение принципов разделения властей» [18].

Однако, несмотря на весь объем полномочий и обязанностей органов прокуратуры, до сих пор указанные органы государственной власти не имеют обеспечения в форме единой системы электронного документооборота, которая, безусловно, не только усовершенствовала бы, но и ускорила их работу [19]. Также необходимо отметить, что «информационно-аналитическое обеспечение деятельности прокуратуры играет важную роль в совершенствовании и модернизации надзорной деятельности и прокуратуры в целом» [20]. Тем не менее отсутствие единой системы взаимодействия между органами прокуратуры Российской Федерации не умаляет их значимости и уникальности и не препятствует полноценному исполнению служащими своих обязанностей. С учетом постепенного внедрения государством прогрессивных методов взаимодействия в организацию деятельности органов государственной власти, возможно, в скором времени и взаимодействие органов прокуратуры Российской Федерации приобретет новый формат.

Список литературы

1. Чалых Я. С. Роль прокуратуры Российской Федерации в системе публичной власти в контексте ее исторического развития // ExLegis: правовые исследования. 2024. № 2. С. 33–36. EDN: [KOAPXX](#)
2. Евдокимов В. Б., Степанов О. А. О конституционно-правовом закреплении особенностей деятельности органов прокуратуры Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 225–228. doi: [10.17223/15617793/461/27](#) EDN: [JXRMLR](#)
3. Мачинский В. М., Мачинский А. В. Место прокуратуры Российской Федерации в системе органов государственной власти // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2022. № 3 (48). С. 94–98. EDN: [ELUVIK](#)
4. Бывшева Т. А. Особенности государственной службы в органах прокуратуры Российской Федерации // Трибуна ученого. 2021. № 10. С. 64–72. EDN: [LRVXBJ](#)
5. Перов С. В. Перспективы развития законопроектной деятельности органов прокуратуры Российской Федерации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 3 (91). С. 81–88. doi: [10.17803/2311-5998.2022.91.3.081-088](#) EDN: [PWDAPS](#)
6. Эриашвили Н. Д. О некоторых проблемах обеспечения исполнения законодательства о несовершеннолетних органами прокуратуры Российской Федерации // Защити меня. 2019. № 1. С. 54–57. EDN: [VVJGFL](#)
7. Куделина М. А. Деятельность органов прокуратуры Российской Федерации по защите прав несовершеннолетних // Государство, общество и личность в современных условиях: актуальные вопросы правового регулирования : сб. науч. ст. II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Саратов : Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2024. С. 59–63. EDN: [DFIQQU](#)
8. Смирнов А. В. К вопросу о необходимости принятия нового закона о службе в органах прокуратуры Российской Федерации // Вестник Российской правовой академии. 2022. № 3. С. 5–12. doi: [10.33874/2072-9936-2022-0-3-5-12](#) EDN: [YNDMJG](#)
9. Загуменников Н. В., Вайшля А. Е. Деятельность органов прокуратуры по противодействию коррупции в Российской Федерации в рамках проведения антикоррупционной экспертизы // Global and Regional Research. 2022. Т. 4, № 2. С. 130–135. EDN: [BBTRDE](#)
10. Гайдаенко Ю. А. Антикоррупционная экспертиза, проводимая органами прокуратуры Российской Федерации // Юриспруденция: теория и практика. 2024. № 3. С. 66–68. EDN: [XLKEGN](#)
11. Гусева Т. А. Вопросы противодействия органов прокуратуры Российской Федерации экстремистской деятельности в сети Интернет в свете специальной военной операции // Аграрное и земельное право. 2024. № 7 (235). С. 60–62. doi: [10.47643/1815-1329_2024_7_60](#) EDN: [NAEZNK](#)
12. Плотников С. И., Эпп И. В. Координационная функция органов прокуратуры Российской Федерации вне уголовно-правовой сферы: новый этап развития // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2024. № 2. С. 48–53. doi: [10.34076/22196838_2024_2_48](#) EDN: [NXYMTQ](#)
13. Соколова Д. О. Полномочия органов прокуратуры Российской Федерации в сфере борьбы с экстремизмом // Eromen. Global. 2022. № 26. С. 86–95. EDN: [JPVPZA](#)

14. Курышов И. С. Соотношение понятий «статистический учет» и «оценка деятельности» в работе органов прокуратуры Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5 (221). С. 179–180. doi: [10.47643/1815-1337_2023_5_179](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_5_179) EDN: PGHAFO

15. Ямщикова С. С. Совершенствование нормативного правового регулирования ведомственного статистического учета и отчетности органов прокуратуры Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 1 (93). С. 16–20. EDN: KQKFEA

16. Савошикова Е. В., Усенова А. М. Защита прав и свобод человека и гражданина органами прокуратуры и следственным комитетом Российской Федерации // Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты : сб. ст. XVII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 25 декабря 2023 г.). Пенза : Наука и Просвещение, 2023. С. 84–86. EDN: RZTXGF

17. Хайрутдинова В. И. О некоторых правовых аспектах деятельности прокуратуры Российской Федерации // Организация прокурорской деятельности: традиции и инновации. Сухаревские чтения : сб. тр. IX Всерос. науч.-практ. конф. (к 100-летию Великой практики и ученого А. Я. Сухарева) (г. Москва, 6 октября 2023 г.). М. : Университет прокуратуры Российской Федерации, 2024. С. 152–156. EDN: CPVGIW

18. Чепенко Я. К. Роль органов прокуратуры в исполнении решений Конституционного суда Российской Федерации // Закон. Право. Государство. 2024. № 4 (44). С. 83–84. EDN: BVTJXZ

19. Мышко Ф. Г., Кудряшов Е. Ю. Основные аспекты развития системы электронного документооборота в органах прокуратуры Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2019. № 1. С. 161–163. doi: [10.24411/2312-0444-2019-10043](https://doi.org/10.24411/2312-0444-2019-10043) EDN: QDGMNT

20. Переведенцев В. С. Совершенствование организации и управления в органах прокуратуры Российской Федерации на современных этапах // Высшее образование для XXI века: Цифровая трансформация общества: новые возможности и новые вызовы : доклады и материалы XVI Междунар. науч. конф. : в 2 ч. Ч. 1 (онлайн-формат) (г. Москва, 18–19 ноября 2020 г.). М. : Московский гуманитарный университет, 2020. С. 389–395. EDN: GCHQTN

References

1. Chalykh Ya.S. The role of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in the system of public authority in the context of its historical development. *ExLegis: pravovye issledovaniya = ExLegis: legal research*. 2024;(2):33–36. (In Russ.)

2. Evdokimov V.B., Stepanov O.A. On the constitutional and legal consolidation of the specific activities of the prosecutor's office of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2020;(461):225–228. (In Russ.). doi: [10.17223/15617793/461/27](https://doi.org/10.17223/15617793/461/27)

3. Machinskiy V.M., Machinskiy A.V. The place of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in the system of state authorities. *Akademicheskii vestnik Rostovskogo filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii = Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy*. 2022;(3):94–98. (In Russ.)

4. Byvsheva T.A. Peculiarities of civil service in the prosecutor's office of the Russian Federation. *Tribuna uchenogo = Tribune of the scientist*. 2021;(10):64–72. (In Russ.)

5. Perov S.V. Prospects for the development of legislative activities of the prosecutor's office of the Russian Federation. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (Kutafin Moscow State Law University (MSAL))* 2022;(3):81–88. (In Russ.). doi: [10.17803/2311-5998.2022.91.3.081-088](https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.91.3.081-088)

6. Eriashvili N.D. On some problems of ensuring the implementation of legislation on minors by the prosecutor's office of the Russian Federation. *Zashchiti menya = Protect me*. 2019;(1):54–57. (In Russ.)

7. Kudelina M.A. Activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation to Protect the Rights of Minors. *Gosudarstvo, obshchestvo i lichnost' v sovremennykh usloviyakh: aktual'nye voprosy pravovogo regulirovaniya: sb. nauch. st. II Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem = The state, society and the individual in modern conditions: current issues of legal regulation: collection of scientific articles. II All-Russian scientific-practical conference with international participation*. Saratov: Saratovskiy voennyi ordena Zhukova Krasnoznamennyi institut voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii, 2024:59–63. (In Russ.)

8. Smirnov A.V. On the issue of the need to adopt a new law on service in the prosecutor's office of the Russian Federation. *Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii = Bulletin of the Russian Law Academy*. 2022;(3):5–12. (In Russ.). doi: [10.33874/2072-9936-2022-0-3-5-12](https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-3-5-12)

9. Zagumennikov N.V., Vayshlya A.E. Activities of the prosecutor's office to combat corruption in the Russian Federation within the framework of conducting anti-corruption expertise. *Global and Regional Research*. 2022;4(2):130–135. (In Russ.)
10. Gaydaenko Yu.A. Anti-corruption expertise conducted by the prosecutor's office of the Russian Federation. *Yurisprudentsiya: teoriya i praktika = Jurisprudence: theory and practice*. 2024;(3):66–68. (In Russ.)
11. Guseva T.A. Issues of counteraction of the prosecutor's office of the Russian Federation to extremist activity on the Internet in the light of a special military operation. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*. 2024;(7):60–62. (In Russ.). doi: [10.47643/1815-1329_2024_7_60](https://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_7_60)
12. Plotnikov S.I., Epp I.V. Coordination function of the prosecutor's office of the Russian Federation outside the criminal law sphere: a new stage of development. *Elektronnoe prilozhenie k Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu = Electronic supplement to the Russian Law Journal*. 2024;(2):48–53. (In Russ.). doi: [10.34076/22196838_2024_2_48](https://doi.org/10.34076/22196838_2024_2_48)
13. Sokolova D.O. Powers of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in the sphere of combating extremism. *Epomen. Global*. 2022;(26):86–95. (In Russ.)
14. Kuryshov I.S. The relationship between the concepts of "statistical accounting" and "activity assessment" in the work of the prosecutor's office of the Russian Federation. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and state: theory and practice*. 2023;(5):179–180. (In Russ.). doi: [10.47643/1815-1337_2023_5_179](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_5_179)
15. Yamshchikova S.S. Improving the legal framework for departmental statistical accounting and reporting of the prosecutor's office of the Russian Federation. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2023;(1):16–20. (In Russ.)
16. Savoshchikova E.V., Usenova A.M. Protection of human and civil rights and freedoms by the prosecutor's office and the Investigative Committee of the Russian Federation. *Yurisprudentsiya v teorii i na praktike: aktual'nye voprosy i sovremennye aspekty: sb. st. XVII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 25 dekabrya 2023 g.) = Jurisprudence in theory and practice: current issues and modern aspects: proceedings of XVII International scientific and practical conference (Penza, December 25, 2023)*. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2023:84–86. (In Russ.)
17. Khayrutdinova V.I. On some legal aspects of the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. *Organizatsiya prokurorskoj deyatel'nosti: traditsii i innovatsii. Sukharevskie chteniya: sb. tr. IX Vseros. nauch.-prakt. konf. (k 100-letiyu Velikogo praktika i uchenogo A.Ya. Sukhareva) (g. Moskva, 6 oktyabrya 2023 g.) = Organization of prosecutorial activities: traditions and innovations. Sukharev's books: proceedings of IX All-Russian scientific-practical conference (to the 100th anniversary of great practitioner and scholar A.Ya. Sukharev) (Moscow, October 6, 2023)*. Moscow: Universitet prokuratury Rossiyskoy Federatsii, 2024:152–156. (In Russ.)
18. Chepenko Ya.K. The role of the prosecutor's office in the execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Zakon. Pravo. Gosudarstvo = Law. Right. State*. 2024;(4):83–84. (In Russ.)
19. Myshko F.G., Kudryashov E.Yu. Key aspects of the development of the electronic document management system in the prosecutor's office of the Russian Federation. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry = Civil service and personnel*. 2019;(1):161–163. (In Russ.). doi: [10.24411/2312-0444-2019-10043](https://doi.org/10.24411/2312-0444-2019-10043)
20. Perevedentsev V.S. Improving the organization and management in the prosecutor's office of the Russian Federation at the present stage. *Vysshee obrazovanie dlya XXI veka: Tsifrovaya transformatsiya obshchestva: novye vozmozhnosti i novye vyzovy: doklady i materialy XVI Mezhdunar. nauch. konf.: v 2 ch. Ch. 1 (onlayn-format) (g. Moskva, 18–19 noyabrya 2020 g.) = Higher education for the 21st century: digital transformation of society: new opportunities and new challenges: proceedings of the XVI International scientific conference: in 2 parts. Part 1 (online format) (Moscow, November 18–19, 2020)*. Moscow: Moskovskiy gumanitarnyy universitet, 2020:389–395. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Э. Г. Дадашова – преподаватель кафедры экономики и права, Ивангородский гуманитарно-технический институт (филиал) Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, 188491, г. Ивангород, ул. Котовского, 1. ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-0911-0356>

E.G. Dadashova – Lecturer of the Department of Economics and Law, Ivangorod Humanitarian and Technical Institute (branch) Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 1 Kotovskiy street, Ivangorod, 188491. ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-0911-0356>

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests**

Поступила в редакцию / Received 16.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 14.07.2025

Принята к публикации / Accepted 30.07.2025

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 351

EDN: OTRQOU

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-6

ЗНАЧЕНИЕ УНИФИКАЦИИ ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ УТОЧНЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ КАТЕГОРИИ «ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»

Оксана Анатольевна Колоткина

Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук, Москва, Россия

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

oks-kolotkina@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В настоящее время в действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации вопросы обеспечения общественной безопасности признаны ключевыми в ряде стратегических национальных задач. Отсутствие единого доктринального подхода к основным категориям и понятиям, составляющим терминологическую основу современной концепции общественной безопасности, в том числе и центральной категории «общественная безопасность», актуализирует исследования в этой области. Проблематика усложняется отсутствием в современном законодательстве специализированных нормативных актов, устанавливающих и уточняющих базовые понятия и концепции, что стимулирует обсуждения в научных кругах того, в рамках какого документа следует закреплять категориальный и терминологический аппарат общественной безопасности – новой концепции или закона. Цель работы – исследовать роль унификации терминологического аппарата национальной безопасности в формировании категории «общественная безопасность», включая выбор формы юридического закрепления. *Материалы и методы.* Для достижения поставленной цели были использованы такие методы, как анализ, системный, функциональный, аксиологический и формально-юридический методы, в результате использования которых было сформулировано авторское определение общественной безопасности. *Результаты.* В результате проведенного исследования обозначены факторы, оказывающие влияние на современное состояние понятийно-категориального аппарата общественной безопасности. *Выводы.* Исследование подводит к пониманию, что при оформлении понятия «общественная безопасность» на уровне законодательства следует придерживаться аксиологического подхода, в соответствии с которым общественная безопасность представляется как стабильное состояние государственных и социальных институтов, способствующее устойчивому развитию общества в условиях противостояния угрозам национальным интересам.

Ключевые слова: унификация, национальная безопасность, общественная безопасность как понятие, стратегическое планирование, национальный интерес

Финансирование: исследование выполнено в рамках реализации государственного задания «Комплексное исследование проблем общественной безопасности как стратегического приоритета национальной безопасности Российской Федерации» (FFFZ-2025-0001).

Для цитирования: Колоткина О. А. Значение унификации понятийно-категориального аппарата национальной безопасности в контексте уточнения содержания категории «общественная безопасность» // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 3. С. 49–58. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-6 EDN: OTRQOU

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

Original article

THE IMPORTANCE OF UNIFYING THE CONCEPTUAL AND CATEGORICAL APPARATUS OF NATIONAL SECURITY IN THE CONTEXT OF CLARIFYING THE CONTENT OF THE CATEGORY "PUBLIC SAFETY"

Oksana A. Kolotkina

Security Problems Studies Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

oks-kolotkina@yandex.ru

Abstract. *Background.* Currently, in the current National Security Strategy of the Russian Federation, issues of ensuring public safety are recognized as key in a number of strategic national tasks. The lack of a unified doctrinal approach to the main categories and concepts that form the terminological basis of the modern concept of public safety, including the central category of "public safety", actualizes research in this area. The problem is complicated by the lack of specialized regulations in modern legislation that establish and clarify basic notions and concepts, which stimulates discussions in scientific circles about which document should consolidate the categorical and terminological apparatus of public safety – in a new concept or law. There are ongoing discussions in the scientific literature regarding which normative legal act should enshrine the conceptual and categorical apparatus of public safety (in a new concept or legislative act). The purpose of the work is to investigate the role of the unification of the terminological apparatus of national security in the formation of the category "public safety", including the choice of the form of legal consolidation. The author's definition of the concept of "public safety" is proposed, taking into account the change in the paradigm of national security: "security is impossible without ensuring development, and achieving the proper level of development helps to minimize and eliminate threats." *Materials and methods.* To achieve the goal of the work, such methods as analysis, systematic, functional, axiological and formal legal methods were used, as a result of which the author's definition of public safety was formulated. *Results.* As a result of the conducted research, the factors influencing the current state of the conceptual and categorical apparatus of public security are identified. *Conclusions.* The study leads to the understanding that when formalizing the concept of "public safety" at the legislative level, an axiological approach should be followed, according to which public safety is presented as a stable state of government and social institutions that contribute to the sustainable development of society in the face of threats to national interests.

Keywords: unification, national security, public safety as a concept, strategic planning, national interest

Financing: the study was carried out as part of the implementation of the state task "Comprehensive study of public security issues as a strategic priority of the national security of the Russian Federation" (FFFZ-2025-0001).

For citation: Kolotkina O.A. The importance of unifying the conceptual and categorical apparatus of national security in the context of clarifying the content of the category "public safety". *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(3):49–58. (In Russ.). doi:10.21685/2307-9525-2025-13-3-6

В условиях современной России вопросы гарантирования национальной безопасности и выработки ключевых стратегических директив в этой области регламентируются нормами межотраслевого законодательства. Это требует систематической разработки и утверждения нормативных правовых актов, включая документы стратегического значения по вопросам

национальной безопасности и ее компонентов, задающих общие подходы к определению ключевых направлений государственной политики и к обеспечению законодательного согласования между собой базовых категорий безопасности. Ключевая роль в правовом обеспечении национальной безопасности отводится системе документов стратегического преваляирования, которые в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 172)¹ отнесены к документам федерального уровня, разрабатываемым в рамках целеполагания. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 8 ноября 2021 г. «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» (далее – Указ № 633) к одному из направлений государственной политики в сфере стратегического планирования относится формирование единой архитектуры документов стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности, основанной на принципах *взаимосвязи, иерархичности, преемственности и совершенствования этих документов* (п. в, д ч. 8 разд. II)².

С учетом сказанного одной из проблем правового обеспечения национальной безопасности в современных реалиях, на наш взгляд, продолжает оставаться проблема *унификации понятийно-категориального аппарата безопасности* [1]. Это обусловлено тем, что, *во-первых*, на законодательном уровне до настоящего времени фактически не создано стройной и согласованной системы формирования основных понятий национальной безопасности; *во-вторых*, нет четкой оценки соподчиненности этих понятий и категорий между собой, с учетом их отраслевой принадлежности; *в-третьих*, наблюдается тенденция различных интерпретаций видов безопасности, их сущности в зависимости от сфер ответственности федеральных органов власти. В этой связи актуализируются вопросы, связанные с процессом «синхронизации» между собой нормативных правовых актов, действующих в сфере обеспечения национальной безопасности и ее конкретных видов, с учетом основных направлений государственной политики.

Традиционный подход к решению подобных проблем с учетом правил юридической техники предполагает принятие базового законодательного акта в определенной сфере, в котором закрепляются ключевые понятия, служащие фундаментом для всего терминологического аппарата данной отрасли. Именно в базовом отраслевом законе, как правило, законодатель закрепляет основные легальные дефиниции, выступающие основой понятийно-категориального аппарата в какой-либо сфере. В области обеспечения национальной безопасности принят и действует Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (далее – ФЗ № 390)³, который так и не стал системообразующим нормативным правовым актом [2, с. 65], соответствующим статусу «базовый закон» [3, с. 48]. Это объясняется тем, что одним из существенных признаков любого «базового отраслевого документа» нормативного содержания является наличие в нем семантической интерпретации основных категорий, используемых в этом документе. Анализ содержания ФЗ № 390 показывает, что в нем отсутствует статья, в которой содержатся дефинитивные нормы, определяющие содержание таких категорий, используемых в законе, как «безопасность», «национальная безопасность», «государственная безопасность», «общественная безопасность», «безопасность личности», «угрозы национальной безопасности» и др.

Актуальным краеугольным камнем в архитектуре национальной безопасности России на данный момент выступает Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (далее – СНБ-2021)⁴. Данное утверждение следует из норм действующего законодательства, хотя требует некоторого уточнения. Это связано с тем, что статус этого документа (СНБ-2021)

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.

² Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации : указ Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633 // СЗ РФ. 2021. № 46. Ст. 7676.

³ О безопасности : федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

⁴ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июня 2021 г. № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

в конкретных нормативных правовых актах определяется по-разному. Так, в общих положениях СНБ-2021 (ч. 2) за Стратегией закреплён статус «базовый документ стратегического планирования», в то время как в ч. 4 ст. ФЗ № 132, на наш взгляд, используется более удачная с точки зрения места и роли СНБ-2021 в правовом регулировании формулировка статуса – «базовый документ в области планирования развития системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации».

Что касается юридической науки, то в ней нет особых расхождений относительно того, что СНБ-2021 является нормативной и идеологической основой для всех нормативных правовых актов в сфере обеспечения различных стратегических приоритетов национальной безопасности. Так, исследователи А. Г. Пархоменко, Е. В. Портнова, К. В. Шевченко, Е. А. Севостьянова и др. характеризуют СНБ-2021 как «*основной* нормативный правовой акт, принятый в целях обеспечения безопасности» [4, с. 73; 5, с. 111]. По мнению И. В. Радикова, «СНБ-2021 – это *базовый* документ в области стратегического планирования развития системы обеспечения национальной безопасности» [6, с. 371]. Аналогичные позиции относительно ключевой нормативной роли СНБ-2021 можно встретить также в работах А. А. Мохова [7], С. В. Гаджимурадова [8], Е. В. Емельяновой, А. В. Петрянина [9] и др. Таким образом, СНБ-2021 является базовым документом стратегического целеполагания в сфере национальной безопасности, а закреплённые в нем легальные дефиниции выступают в качестве системообразующих основ понятийно-категориального аппарата национальной безопасности и ее отдельных приоритетов обеспечения.

В СНБ-2021 содержится *шесть* таких легальных дефиниций (национальная безопасность, национальные интересы, стратегические национальные приоритеты, обеспечение национальной безопасности, угроза национальной безопасности, система обеспечения национальной безопасности). Как было отмечено ранее, они выступают своего рода лингво-правовым ориентиром и основой для *унификации* всего понятийно-категориального аппарата, используемого в различных отраслевых нормативных правовых актах, чье действие направлено на регулирование отношений в области приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности (государственной, общественной, информационной, экологической и т.д.).

Закрепление ключевых дефиниций национальной безопасности именно в СНБ-2021, а не в ФЗ № 390 представляется, на наш взгляд, более оправданным и рациональным, так как дает возможность учитывать основные изменения в государственной политике при определении национальных стратегических приоритетов с учетом новых вызовов и угроз. В специальной литературе высказывается достаточно дискуссионная позиция, что основные понятия, используемые в СНБ-2021, прежде всего понятие «национальная безопасность», характеризуются «нормативно-правовой уязвимостью» [4, с. 73] по причине видоизменения их содержания по сравнению с ранее действующей Стратегией национальной безопасности¹. Несомненно, с принятием в определенный плановый период новых стратегий национальной безопасности будет происходить и уточнение содержания понятийно-категориального аппарата с учетом трансформации вызовов и угроз, приоритетов обеспечения национальной безопасности в рамках стратегического планирования.

В настоящее время при разработке документов стратегического планирования, создаваемых в рамках целеполагания в сфере обеспечения национальной безопасности, необходимо ориентироваться на содержание базовых понятий, закреплённых в СНБ-2021. Именно их конструкции в большей своей части, на наш взгляд, должны стать основой для уточнения содержания производных понятий, используемых в отраслевых документах в сфере обеспечения национальной безопасности в целях их унификации.

В 2020 г. фактически истек срок действия Концепции общественной безопасности в Российской Федерации, которая была утверждена Президентом Российской Федерации в 2013 г.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 (утратил силу) // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. 2). Ст. 212.

(далее – КОБ-2013)¹. Данная концепция представляла собой правовой акт доктринального содержания, в котором на определенном историческом этапе были обобщены основные идеи, цели, задачи и подходы к обеспечению общественной безопасности, рассматриваемой в качестве подсистемы национальной безопасности Российской Федерации. В п. 3 КОБ-2013 было указано, что настоящий документ следует рассматривать в качестве основополагающего документа стратегического планирования, определяющего государственную политику в сфере обеспечения общественной безопасности.

Важность разработки новой концепции общественной безопасности не вызывает сомнения, что обусловлено, *во-первых*, задачами и основными направлениями государственной политики в сфере стратегического планирования, в частности: а) обеспечением обязательной и своевременной корректировки документов стратегического планирования в контексте выявления новых вызовов и угроз (п. д ч. 8 Указа № 633); б) обеспечением непрерывности цикла разработки и реализации документов стратегического планирования (п. а ч. 9 Указа № 633); *во-вторых*, включением общественной безопасности в перечень приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности, что следует из ч. 25, 26 СНБ-2021.

Разработка нового концепта общественной безопасности не представляется без уточнения содержания базовых категорий, которые во многом должны определить верные направления государственной политики в сфере обеспечения общественной безопасности. Безусловно, начинать следует с уточнения и научного обоснования понятийно-категориальной базы общественной безопасности. Так, по справедливому замечанию профессора А. А. Прохожева, данное требование должно касаться как доктринальных разработок, так и документов стратегического планирования, задача которых содержать строгие, научно обоснованные определения понятий и категорий [10, с. 6].

В связи с окончанием фактического срока действия КОБ-2013 и отсутствием иных нормативных правовых актов в действующем законодательстве, в которых было бы определено содержание базовых понятий, характеризующих общественную безопасность, актуализируется процесс исследования теоретических проблем общественной безопасности Российской Федерации. Данный процесс, по словам профессора С. И. Гирько, является крайне медленным, а осуществляемая трансформация понятийно-категориального аппарата общественной безопасности в рамках научных исследований осуществляется без должного конкретного направления и единой цели [11, с. 29]. В условиях, когда фактически истек срок действия КОБ-2013 и не принята новая концепция общественной безопасности, научное сообщество продолжает ориентироваться в своих исследованиях в большей части на понятийный аппарат, который содержал документ 2013 г. Понятийно-категориальный аппарат КОБ-2013, включающий в себя термины «общественная безопасность», «угроза общественной безопасности», «обеспечение общественной безопасности», «система обеспечения общественной безопасности», «государственная система мониторинга состояния общественной безопасности», «средства обеспечения общественной безопасности» (п. 6 КОБ-2013), продолжает в основе своей оставаться «жизнеспособным» и сегодня [12, с. 28].

Проблема отсутствия законодательного закрепления понятийного аппарата общественной безопасности ставит перед исследователями новые задачи, связанные с его разработкой. На наш взгляд, уточнение содержания основных понятий общественной безопасности на доктринальном и законодательном уровне в будущем должно происходить в привязке к основным нормативным правовым актам, действующим в сфере стратегического планирования – ФЗ № 172 (о стратегическом планировании), Указ № 633 (об основах государственной политики в сфере стратегического планирования), Указ № 400 (о стратегии национальной безопасности). Такой подход позволит обеспечить единство терминологии национальной безопасности и соответствие содержания разрабатываемых понятий общественной безопасности легальным дефинициям, используемым в действующей СНБ-2021.

¹ Концепция общественной безопасности : (утв. Президентом РФ 14 ноября 2013 г. № Пр-2685) // Правовой сервер КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/ (дата обращения: 08.04.2025).

К числу ключевых терминов в контексте гарантирования общественной безопасности, требующих правового закрепления, рекомендуется отнести понятия «общественная безопасность», «обеспечение общественной безопасности», «вызовы и угрозы общественной безопасности», «меры по обеспечению общественной безопасности», «национальные интересы Российской Федерации в сфере обеспечения общественной безопасности», «средства обеспечения общественной безопасности», «государственная и негосударственная системы обеспечения общественной безопасности»¹.

Ядром концепта общественной безопасности является центральная категория – «*общественная безопасность*». По своей природе данная категория носит ярко выраженный социально-правовой характер и нуждается в уточнении своего содержания с последующим закреплением ее в действующем законодательстве в качестве легальной дефиниции. Этому, безусловно, должно способствовать развитие научной мысли, направленной на продолжение разработки концептуальных подходов к смысловому значению термина «общественная безопасность», в условиях отсутствия документа стратегического планирования или законодательного акта в сфере обеспечения общественной безопасности.

Как показывает анализ современной юридической литературы, общественная безопасность, ее смысловое содержание продолжают оставаться объектом пристального внимания со стороны научного сообщества. Так, общественная безопасность с точки зрения *системного подхода* рассматривается как часть (подсистема), находящаяся во взаимосвязи с иными элементами более сложных системных образований. В. Ф. Молчановский характеризует общественную безопасность в качестве «особого атрибута социальной системы...» [13, с. 170]. Исследователи А. В. Губенков и В. М. Мельцов отмечают важную составляющую содержания общественной безопасности, обозначая ее в качестве «ключевой подсистемы национальной безопасности», «перспективного направления государственной политики» [14, с. 78, 82].

Еще одним устоявшимся и доминирующим подходом к изучению смыслового содержания понятия «общественная безопасность» продолжает оставаться *функционально-деятельностный подход*. В рамках данного подхода общественная безопасность рассматривается как динамический процесс, обеспечивающий устойчивое функционирование всей социальной системы, проводится оценка ее состояния, выстраиваются прогнозы на дальнейшее развитие и своевременное реагирование на возникающие угрозы и риски [12, 15, 16]. Несмотря на то, что КОБ-2013 раскрывало понятие «общественная безопасность» через устоявшуюся в действующем законодательстве конструкцию «состояние защищенности» (ч. 4 КОБ-13), многие исследователи сознательно уходят от нее [17, 18]. Так, В. П. Назаров и Д. А. Афиногенов, справедливо критикуя данную конструкцию, отмечают, что она была характерна для 90-х и начала нулевых годов, когда цель обеспечения национальной безопасности и ее отдельных подсистем (в том числе общественной) сводилась лишь к достижению стабильности и устойчивости нашей страны по отношению к вызовам и угрозам, но не к дальнейшему ее социально-экономическому развитию в рамках осуществления государственной политики в области стратегического планирования [19, с. 11].

Термин «общественная безопасность» рассматривается и с точки зрения *аксиологического подхода*, что позволяет воспринимать ее через систему ценностей [20], которых возможно достичь лишь при условии обеспечения общественной безопасности: приоритет и гарантированность прав и свобод граждан, сохранение традиций и иных духовно-нравственных ценностей общества, стабильность правопорядка, социальная справедливость, историческая память и др. Эти ценности включены в документы стратегического планирования, в частности в СНБ-2021, и составляют основу национальных интересов Российской Федерации, которые связаны напрямую с потребностями личности, общества и государства, в том числе и в результате обеспечения общественной безопасности. Так, рассматривая общественную безопасность в качестве стратегического приоритета, Е. Ю. Тихалева предлагает понимать

¹ В научной литературе обсуждаются различные варианты законодательного закрепления понятийного аппарата общественной безопасности – принятие нового документа стратегического планирования (концепции) либо специализированного законодательного акта, закрепляющего институт общественной безопасности

под последней «...состояние общества, обеспечивающее стабильное развитие и эффективное функционирование во всех областях социальной жизни, одновременно способное противостоять внутренним и внешним угрозам, дестабилизирующим общество» [21, с. 147]. Заметим, что многие современные исследователи хотя и рассматривают общественную безопасность в контексте стратегического планирования и его ориентиров [12, 15, 22–24], продолжают трактовать ее содержание, руководствуясь теоретической конструкцией, предложенной в КОБ-2013. Среди основных характеристик общественной безопасности продолжают доминировать такие, как «состояние защищенности», «состояние обеспеченности общества мерами охраны и защиты», «создание должного уровня защищенности от вызовов и угроз». К сожалению, в этих формулировках не прослеживается смена парадигмы национальной безопасности – «безопасность через развитие». Безусловно, ориентиром для таких подходов к определению понятия «общественная безопасность» продолжает оставаться КОБ-2013. При этом в ч. 2 КОБ-2013 обозначен важный принцип – концептуальные подходы к обеспечению общественной безопасности должны разрабатываться с учетом положений стратегии национальной безопасности и документа стратегического планирования (концепции, стратегии) о социально-экономическом развитии страны.

Из сказанного следует, что общественная безопасность с точки зрения ее институализации в документах стратегического планирования (действующей СНБ-2021) рассматривается в качестве системного элемента как национальной безопасности, так и стратегических национальных приоритетов. При уточнении семантического содержания понятия «общественная безопасность» важно учитывать, что достижение национальной безопасности и ее различных приоритетов (видов/подсистем) не является самоцелью, цель иная – достичь такого состояния противодействия вызовам и угрозам, при котором смогут быть удовлетворены объективно значимые потребности личности, общества и государства, обеспечено дальнейшее социально-экономическое развитие страны.

На наш взгляд, под *общественной безопасностью* с учетом сказанного следует понимать состояние государственных и негосударственных институтов, обеспечивающее устойчивость развития общества в условиях своевременной оценки, предупреждения, минимизации и устранения источников внешних и внутренних угроз, реализацию государственной политики поддержания стабильного развития общества, защиты прав и свобод человека и гражданина и укрепления авторитета государственных структур и доверия к ним.

Подведем итоги. Сегодня, когда продолжается активная работа ученых – как теоретиков, так и практиков, направленная на совершенствование понятийно-категориального аппарата общественной безопасности, который должен не только стать теоретической основой, но и получить законодательное закрепление в будущем либо в новом документе стратегического планирования (концепции, стратегии общественной безопасности), либо в специализированном законодательном акте (законе об обеспечении общественной безопасности), хотелось бы обратить внимание на принципиально важные моменты. *Во-первых*, в условиях создания единой архитектуры документов стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности важно проводить работу с учетом приведения к общему знаменателю базовых категорий национальной безопасности и ее отдельных видов. *Во-вторых*, ориентиром для конструирования содержательной основы производных по своей природе категорий общественной безопасности должны стать легальные дефиниции, закрепленные в действующей СНБ-2021. *В-третьих*, современное состояние понятийно-категориального аппарата общественной безопасности не является идеальным по причинам слабого ориентирования на новые приоритеты стратегического планирования; межотраслевого уточнения содержания базовых понятий общественной безопасности; отсутствия законодательного закрепления в действующем законодательстве. *В-четвертых*, важным направлением совершенствования понятийно-категориального аппарата национальной безопасности и ее отдельных видов должен стать процесс унификации легальных дефиниций, используемых в различных отраслевых нормативных правовых актах в сфере обеспечения национальной безопасности.

Список литературы

1. Колоткина О. А. К постановке вопроса о приведении в единую систему легальных дефиниций в нормативном правовом регулировании национальной безопасности и ее отдельных видов: теоретико-правовое измерение // Пролог: журнал о праве. 2021. № 2 (30). С. 14–21. doi: [10.21639/2313-6715.2021.2.2](https://doi.org/10.21639/2313-6715.2021.2.2) EDN: [XPQUQT](https://esj.pnzgu.ru/edn/XPQUQT)
2. Советов И. К. Правовые аспекты стратегического планирования обеспечения национальной безопасности России: 15 лет достижений и нерешенных проблем // Вестник Прикамского социального института. 2024. № 1 (97). С. 62–72. EDN: [UDLRKQ](https://esj.pnzgu.ru/edn/UDLRKQ)
3. Мансуров Г. З. Новый закон о безопасности и старые проблемы законодательства о безопасности // Управленец. 2011. № 1–2 (17–18). С. 48–52. EDN: [NCJESN](https://esj.pnzgu.ru/edn/NCJESN)
4. Пархоменко А. Г., Портнова Е. В. Обеспечение национальной безопасности как приоритетное направление развития Российского государства // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 1. С. 69–77. doi: [10.21685/2307-9525-2025-13-1-8](https://doi.org/10.21685/2307-9525-2025-13-1-8) EDN: [XXVABH](https://esj.pnzgu.ru/edn/XXVABH)
5. Шевченко К. В., Севастьянова Е. А., Мигачева В. И. Значение Стратегии национальной безопасности в современной России // Аграрное и земельное право. 2023. № 11 (227). С. 109–112. doi: [10.47643/1815-1329_2023_11_109](https://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_11_109) EDN: [VJFZEU](https://esj.pnzgu.ru/edn/VJFZEU)
6. Радиков И. В. Стратегия национальной безопасности России – 2021 : преемственность и развитие // Политекс. 2021. Т. 17, № 4. С. 371–386. doi: [10.21638/spbu23.2021.404](https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.404) EDN: [QOZGGC](https://esj.pnzgu.ru/edn/QOZGGC)
7. Мохов А. А. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : правовой взгляд на содержание и перспективы развития законодательства о национальной безопасности // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 98–108. doi: [10.33874/2072-9936-2024-0-2-98-108](https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-98-108) EDN: [HTXSQC](https://esj.pnzgu.ru/edn/HTXSQC)
8. Гаджимурадов С. В. Стратегия национальной безопасности России: перспективы совершенствования // Образование и право. 2023. № 5. С. 65–69. doi: [10.24412/2076-1503-2023-5-65-69](https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-5-65-69) EDN: [VAPPOR](https://esj.pnzgu.ru/edn/VAPPOR)
9. Емельянова Е. В., Петрянин А. В. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: переоценка современных вызовов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2021. № 4. С. 10–16. EDN: [UTGIAE](https://esj.pnzgu.ru/edn/UTGIAE)
10. Общая теория национальной безопасности / под общ. ред. А. А. Прохожева. М. : РАГС, 2005. 338 с. EDN: [QODSTT](https://esj.pnzgu.ru/edn/QODSTT)
11. Гирько С. И. Концептуальные подходы и поиск вектора совершенствования научного обеспечения проблем национальной безопасности Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2024. № 3 (67). С. 28–34. EDN: [SIMEDL](https://esj.pnzgu.ru/edn/SIMEDL)
12. Гирько С. И. Понятийный аппарат общественной безопасности – перспективы сохранения доктринальных позиций // Научный портал МВД России. 2023. № 4 (64). С. 27–33. EDN: [FGMLZI](https://esj.pnzgu.ru/edn/FGMLZI)
13. Молчановский В. Ф. Безопасность как атрибут социальной системы: Социально-политические аспекты государственной безопасности в современных условиях. М., 1994. 347 с.
14. Губенков А. О., Мельцов В. М., Дурнев А. И. Общественная безопасность как стратегический национальный приоритет в сфере обеспечения национальной безопасности // Автономия личности. 2024. № 1 (31). С. 77–82. EDN: [RAXZZS](https://esj.pnzgu.ru/edn/RAXZZS)
15. Levy N., Lerman A. E., Dixon P. Reimagining Public Safety: Defining «Community» in Participatory Research // Law & Social Inquiry. 2024. Vol. 49, iss. 1. P. 68–89. doi: [10.1017/lsi.2022.94](https://doi.org/10.1017/lsi.2022.94)
16. Воронин Р. А., Халикова С. С. Общественная безопасность: современные вызовы и угрозы // Ученые заметки ТОГУ. 2024. Т. 15, № 2. С. 15–18. EDN: [TRPYJH](https://esj.pnzgu.ru/edn/TRPYJH)
17. Сапожников А. И. Административно-правовой режим общественной безопасности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.04. М., 2006. 198 с. EDN: [NNSEKB](https://esj.pnzgu.ru/edn/NNSEKB)
18. Цыбакова О. В. Концептуальные подходы к определению понятий общественного порядка и общественной безопасности в отечественном теоретико-правовом дискурсе // Социальная политика и социальное партнерство. 2025. Т. 20, № 3 (242). С. 196–207. doi: [10.33920/pol-01-2503-02](https://doi.org/10.33920/pol-01-2503-02) EDN: [YHBERG](https://esj.pnzgu.ru/edn/YHBERG)
19. Назаров В. П., Афиногенов Д. А. Проблемы развития общей теории национальной безопасности в контексте корректировки Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Власть. 2020. Т. 28, № 1. С. 9–18. doi: [10.31171/vlast.v28i1.7035](https://doi.org/10.31171/vlast.v28i1.7035) EDN: [UXFVYB](https://esj.pnzgu.ru/edn/UXFVYB)
20. Шестаков Ю. А. Аксиология исторического сознания в культуре национальной безопасности : дис. ... д-ра филос. наук : 5.7.8. Белгород, 2023. 454 с. EDN: [PNHKZP](https://esj.pnzgu.ru/edn/PNHKZP)

21. Тихалева Е. Ю. Государственная и общественная безопасность как стратегические национальные приоритеты: современное состояние // Вестник Сургутского государственного университета. 2024. Т. 12, № 4. С. 143–154. doi: [10.35266/2949-3455-2024-4-13](https://doi.org/10.35266/2949-3455-2024-4-13) EDN: [VQNIWP](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.35266/2949-3455-2024-4-13)
22. Гирько С. И. Современный вектор развития концепции общественной безопасности Российской Федерации // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 26–30. doi: [10.18572/2071-1166-2020-8-26-30](https://doi.org/10.18572/2071-1166-2020-8-26-30) EDN: [ACTLWI](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.18572/2071-1166-2020-8-26-30)
23. Гирько С. И., Сандугей А. Н., Зубова М. В. Общественная безопасность в системе стратегических национальных приоритетов (теоретико-методологический анализ) // Научный портал МВД России. 2024. № 1 (65). С. 34–44. EDN: [GGHPNL](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.18572/2071-1166-2024-1-34-44)
24. Зубова М. В., Калмыков Г. И., Сандугей А. Н., Цоколова О. И. Концептуальные проблемы стратегического планирования в сфере обеспечения общественной безопасности // Научный портал МВД России. 2021. № 3 (55). С. 64–71. EDN: [ATAWDM](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.18572/2071-1166-2021-3-64-71)

References

1. Kolotkina O.A. To a question about the rule in a single system of legal definitions in the normative legal regulation of national security and its separate types: theoretical and legal measurement. *Prolog: zhurnal o prave = Prologue: a journal of law*. 2021;(2):14–21. (In Russ.). doi: [10.21639/2313-6715.2021.2.2](https://doi.org/10.21639/2313-6715.2021.2.2)
2. Sovetov I.K. Legal aspects of strategic planning for ensuring national security of Russia: 15 years of achievements and unresolved problems. *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta = Bulletin of the Prikamsky Social Institute*. 2024;(1):62–72. (In Russ.)
3. Mansurov G.Z. New security law and old security legislation problems. *Upravlenets = Manager*. 2011;(1–2):48–52. (In Russ.)
4. Parkhomenko A.G., Portnova E.V. Ensuring national security as a priority direction for the development of the Russian state. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal «Наука. Общество. Государство» = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(1):69–77. (In Russ.). doi: [10.21685/2307-9525-2025-13-1-8](https://doi.org/10.21685/2307-9525-2025-13-1-8)
5. Shevchenko K.V., Sevast'yanova E.A., Migacheva V.I. The importance of national security strategy in modern Russia. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*. 2023;(11):109–112. (In Russ.). doi: [10.47643/1815-1329_2023_11_109](https://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_11_109)
6. Radikov I.V. National Security Strategy of Russia – 2021: continuity and development. *Politeks*. 2021;17(4):371–386. (In Russ.). doi: [10.21638/spbu23.2021.404](https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.404)
7. Mokhov A.A. National Security Strategy of the Russian Federation: a legal perspective on the maintenance and prospects of developing national security legislation. *Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii = Bulletin of the Russian Law Academy*. 2024;(2):98–108. (In Russ.). doi: [10.33874/2072-9936-2024-0-2-98-108](https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-98-108)
8. Gadzhimuradov S.V. Russia's National Security Strategy: prospects for improvement. *Obrazovanie i pravo = Education and law*. 2023;(5):65–69. (In Russ.). doi: [10.24412/2076-1503-2023-5-65-69](https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-5-65-69)
9. Emel'yanova E.V., Petryanin A.V. National Security Strategy of the Russian Federation: reassessment of modern challenges. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina = Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin*. 2021;(4):10–16. (In Russ.)
10. Prokhozhev A.A. (ed.). *Obshchaya teoriya natsional'noy bezopasnosti = General theory of national security*. Moscow: RAGS, 2005:338. (In Russ.)
11. Gir'ko S.I. Conceptual approaches and search for a vector for improving scientific support for national security issues of the Russian Federation. *Nauchnyy portal MVD Rossii = Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;(3):28–34. (In Russ.)
12. Gir'ko S.I. Conceptual apparatus of public security – prospects for maintaining doctrinal positions. *Nauchnyy portal MVD Rossii = Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(4):27–33. (In Russ.)
13. Molchanovskiy V.F. *Bezopasnost' kak atribut sotsial'noy sistemy: Sotsial'no-politicheskie aspekty gosudarstvennoy bezopasnosti v sovremennykh usloviyakh = Security as an attribute of a social system: Socio-political aspects of state security in modern conditions*. Moscow, 1994:347. (In Russ.)
14. Gubenkov A.O., Mel'tsov V.M., Durnev A.I. Public safety as a strategic national priority in the sphere of ensuring national security. *Avtonomiya lichnosti = Autonomy of the individual*. 2024;(1):77–82. (In Russ.)

15. Levy N., Lerman A.E., Dixon P. Reimagining Public Safety: Defining «Community» in Participatory Research. *Law & Social Inquiry*. 2024;49(1):68–89. doi: [10.1017/lsi.2022.94](https://doi.org/10.1017/lsi.2022.94)
16. Voronin R.A., Khalikova S.S. Public safety: modern challenges and threats. *Uchenye zametki TOGU = Scientific notes PNU*. 2024;15(2):15–18. (In Russ.)
17. Sapozhnikov A.I. Administrative and legal regime of public safety: PhD dissertation. Moscow, 2006:198. (In Russ.)
18. Tsybakova O.V. Conceptual approaches to defining the concepts of public order and public safety in domestic theoretical and legal discourse. *Sotsial'naya politika i sotsial'noe partnerstvo = Social policy and social partnership*. 2025;20(3):196–207. (In Russ.). doi: [10.33920/pol-01-2503-02](https://doi.org/10.33920/pol-01-2503-02)
19. Nazarov V.P., Afinogenov D.A. Problems of development of the general theory of national security in the context of adjustment of the National Security Strategy of the Russian Federation. *Vlast' = Power*. 2020;28(1):9–18. (In Russ.). doi: [10.31171/vlast.v28i1.7035](https://doi.org/10.31171/vlast.v28i1.7035)
20. Shestakov Yu.A. Axiology of *Historical Consciousness in the Culture of National Security*: DSc dissertation. Belgorod, 2023:454. (In Russ.)
21. Tikhaleva E.Yu. State and public security as strategic national priorities: current state. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Surgut State University*. 2024;12(4):143–154. (In Russ.). doi: [10.35266/2949-3455-2024-4-13](https://doi.org/10.35266/2949-3455-2024-4-13)
22. Gir'ko S.I. The modern vector of development of the concept of public security of the Russian Federation. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and procedure*. 2020;(8):26–30. (In Russ.). doi: [10.18572/2071-1166-2020-8-26-30](https://doi.org/10.18572/2071-1166-2020-8-26-30)
23. Gir'ko S.I., Sandugay A.N., Zubova M.V. Public security in the system of strategic national priorities (theoretical and methodological analysis). *Nauchnyy portal MVD Rossii = Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;(1):34–44. (In Russ.)
24. Zubova M.V., Kalmykov G.I., Sandugay A.N., Tsokolova O.I. Conceptual problems of strategic planning in the field of public safety. *Nauchnyy portal MVD Rossii = Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;(3):64–71. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

О. А. Колоткина – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник, Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук, 117335, г. Москва, ул. Гарибальди, 21Б; доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования, Уральский государственный экономический университет, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта 62. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2587-5378>

O.A. Kolotkina – Candidate of Law, Associate Professor, Senior Researcher, Security Problems Studies Center of the Russian Academy of Sciences, 21B Garibaldi street, Moscow, 117335; Associate Professor of the Department of Competition Law and Antitrust Regulation, Ural State University of Economics, 62 8 Marta street, Yekaterinburg, 620144. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2587-5378>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /

The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 28.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 18.06.2025

Принята к публикации / Accepted 30.07.2025

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 340.1

EDN: XXNEMZ

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-7

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ, ОСВОБОЖДАЮЩИХ ОТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Дмитрий Сергеевич Кузьмин

Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

mr.kuzmin323@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Правоотношения, освобождающие от юридической ответственности, представляют определенную систему. Одним из инструментов построения любой системы является классификация ее элементов. Вопрос классификации видов правоотношений, освобождающих от юридической ответственности, в научной литературе разработан слабо. Это обстоятельство обуславливает актуальность темы исследования. Целью настоящей работы является попытка классифицировать виды правоотношений, освобождающих от юридической ответственности. *Материалы и методы.* Предлагаемая классификация основана на некоторых критериях, используемых для систематизации видов юридической ответственности (по отраслевой принадлежности, по сфере действия и др.), так как освобождение от юридической ответственности является ее субинститутом. Были использованы и общие рекомендации построения классификации (определение базовых единиц, широкие обобщения, возможность практического применения). Указанные правила не позволяют провести классификацию правоотношений, освобождающих от юридической ответственности, по «характеру воздействия» (репрессивные и компенсационные) и по «основаниям возникновения» (объективные и субъективные). Не имеет практического значения их разделение на «простые» и «сложные», а также по признаку «с участием юридических и физических лиц». Были использованы общенаучные методы: системный, логический, а также частные методы: сравнительно-правовой и формально-юридический. *Результаты.* Попытка соблюдения указанных требований приводит к выводу, что классификацию видов правоотношений, освобождающих от юридической ответственности, нужно проводить по отраслевому признаку, а также «по сфере действия» (публично-правовая и гражданско-правовая), по «порядку применения» (судебная и судебно-административная), по «моменту возникновения» (общая и конкретная). По некоторым основаниям можно выделить только один вид юридической ответственности. *Выводы.* Классификация видов правоотношений, освобождающих от юридической ответственности, будет выглядеть следующим образом: по отраслевому признаку: уголовные, административные, налоговые; по сфере действия: публично-правовые; по порядку применения: судебно-административные; по моменту возникновения: общие и конкретные.

Ключевые слова: юридическая ответственность, классификация, правоотношения, освобождающие от юридической ответственности

Для цитирования: Кузьмин Д. С. Классификация правоотношений, освобождающих от юридической ответственности // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 3. С. 59–68. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-7 EDN: XXNEMZ

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

Original article

CLASSIFICATION OF LEGAL RELATIONS, EXEMPTING FROM LEGAL LIABILITY

Dmitry S. Kuzmin

Tolyatti State University, Tolyatti, Russia

mr.kuzmin323@mail.ru

Abstract. *Background.* Legal relations that exempt from legal liability represent a certain system. One of the tools for building any system is the classification of its constituent elements. The issue of classifying the types of legal relations exempting from legal liability is poorly developed in the scientific literature. This circumstance determines the relevance of the topic of the article. The purpose of this work is an attempt to classify the types of legal relations that exempt from legal liability. *Materials and methods.* The proposed classification of legal relations exempting from legal liability is based on some criteria used to classify types of legal liability (by industry, by scope, etc.), since exemption from legal liability is its sub-institution. General classification recommendations were also used (definition of basic units, broad generalizations, and the possibility of practical application). These rules do not allow for the classification of legal relations exempting from legal liability by the "nature of the impact" (repressive and compensatory) and by the "grounds of occurrence" (objective and subjective). As having no practical significance, they should not be divided into "simple" and "complex", as well as on the basis of "involving legal entities and individuals." General scientific methods were used in the work: systematic, logical, as well as particular methods: comparative legal and formal legal. *Results.* An attempt to comply with these requirements leads to the conclusion that the classification of types of legal relations exempting from legal liability should be carried out by industry, as well as "by scope" (public law and civil law), by "procedure of application" (judicial and judicial-administrative), by "moment of occurrence" (general and specific). For some reasons, only one type of legal liability can be distinguished. *Conclusions.* The classification of types of legal relations exempting from legal liability will look like this: by industry: criminal, administrative, tax; by scope: public law; by order of application: judicial and administrative; by time of occurrence: general and specific.

Keywords: legal liability, classification, legal relations that exempt from legal liability

For citation: Kuzmin D.S. Classification of legal relations, exempting from legal liability. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(3):59–68. (In Russ.). doi:10.21685/2307-9525-2025-13-3-7

Введение

Правоотношения, освобождающие от юридической ответственности, представляют собой часть системы правоотношений юридической ответственности и в то же время самостоятельную систему. Одним из инструментов построения любой системы является классификация составляющих ее элементов.

По мнению А. Л. Субботина, «научное знание всегда есть или во всяком случае стремится стать систематизированным знанием...» [1, с. 12].

С точки зрения И. В. Понкина и А. И. Редькиной, «метод классификации является одним из важнейших методов научного познания, осмысления и описания закономерностей окружающего мира...» [2, с. 251].

Таким образом, без использования метода классификации не может обойтись ни одно научное (или претендующее на научность) исследование, в том числе и в области теории права. Его применение в теории права позволяет объяснить внутренние взаимосвязи между различными правовыми явлениями и систематизирует определенную область знания.

Существенный вклад в формирование признанной научным сообществом классификации видов юридической ответственности был внесен такими учеными, как Б. Т. Базылев, Н. В. Витрук, О. Э. Лейст, Н. И. Матузов, А. В. Малько, Р. Л. Хачатуров, Д. А. Липинский и др.

Вопросу систематизации знаний о разновидностях правоотношений, освобождающих от юридической ответственности, в научной литературе уделяется мало внимания. Этим объясняется актуальность выбранной темы. Целью исследования является определение критериев систематизации правоотношений, освобождающих от юридической ответственности, и их видов.

Основная часть исследования

В одном из опубликованных ранее исследований мы пришли к выводу, что освобождение от юридической ответственности – это «...субинститут института юридической ответственности, направленный на регулирование отношений, содержанием которых является устранение неблагоприятных для правонарушителя правовых последствий, в целях достижения баланса интересов общества и личности путем изменения оценки правонарушения и (или) личности правонарушителя» [3, с. 115]. А под правоотношениями, освобождающими от юридической ответственности, необходимо понимать «...производное материально-правовое властеотношение, возникающее между государством в лице уполномоченных органов и правонарушителем, на основе императивного и (или) поощрительного метода правового регулирования, содержанием которых выступают позитивные действия правонарушителя, влекущие возможность освобождения его от ответственности, а также действия уполномоченной стороны, направленные на исключение дополнительных обязанностей правонарушителя» [4, с. 50].

Следовательно, признанные научным сообществом виды «юридической ответственности» (правоотношений юридической ответственности) могут быть положены в основу классификации правоотношений, освобождающих от юридической ответственности.

Очень точно связь юридической ответственности и правоотношения сформулировал Д. А. Липинский: «Связь юридической ответственности с правоотношением состоит в том, что не может быть юридической ответственности вне правоотношений» [5, с. 378].

Н. В. Витрук в своих работах отмечал, что самой распространенной в российской юридической науке является классификация юридической ответственности по отраслевому признаку, т.е. в зависимости от той отрасли права, к которой она относится. Такая классификация включает, например, гражданско-правовую, материальную, дисциплинарную, административную и уголовную ответственность. Каждому виду соответствует определенная правовая отрасль: гражданское, трудовое, административное или уголовное право. Этот подход считается общепринятым в юридической науке [6, с. 93].

С мнением Н. В. Витрука согласны и другие авторы.

Например, Б. Т. Базылев писал: «В рамках основных отраслей советского права существуют отраслевые институты юридической ответственности». В качестве таких отраслевых институтов он называл административную, гражданскую, дисциплинарную, семейно-правовую, колхозно-правовую, уголовную ответственности [7, с. 33].

Н. И. Матузов и А. В. Малько высказывали следующее мнение: «Юридическая ответственность по своей природе далеко не одинакова, поэтому она подразделяется на соответствующие виды в основном по отраслевому признаку: 1) уголовную; 2) гражданскую; 3) административную; 4) дисциплинарную; 5) материальную; 6) процессуальную; 7) конституционную» [8, с. 455].

Д. А. Липинский внес важный вклад в развитие теории юридической ответственности, предложив более детализированную и уточненную классификацию. Он использовал отраслевой подход – классификацию по отраслям права – и включил в нее не только традиционные,

но и дополнительные виды ответственности. Тем самым исследователь расширил и конкретизировал существующую систему, что способствовало более глубокому и точному пониманию юридической ответственности в разных правовых сферах [5, с. 395].

По мнению Н. А. Духно и В. И. Ивакина, в научной и практической традиции к основным, общепринятым видам юридической ответственности относят уголовную, административную, дисциплинарную и гражданско-правовую. Это свидетельствует о наличии устойчивой классификационной модели, признаваемой в юридической науке [9, с. 13].

О. О. Журавлева развивает теоретические представления о классификации юридической ответственности. В ее подходе акцентируется внимание на многоаспектности традиционных классификаций, основанных на таких критериях, как вид санкции, отрасль права, субъектный состав, компетенция уполномоченных органов и функциональное назначение ответственности [10, с. 24].

Д. А. Липинский предлагает более глубокий и многослойный подход к классификации юридической ответственности, выходящий за рамки простой отраслевой дифференциации. Он понимает под юридической ответственностью целостную систему, внутри которой существуют подсистемы – виды ответственности, затем более мелкие элементы – подвиды, и, наконец, на самом базовом уровне – отдельные правовые нормы, устанавливающие ответственность, таким образом предлагая рассматривать юридическую ответственность как иерархическую структуру с несколькими уровнями [5, с. 366].

В научной среде существует дискуссия относительно оснований классификации юридической ответственности.

Отраслевой критерий уже давно подвергался обоснованной критике. Мы полностью разделяем позицию О. Э. Лейста, указавшего на несоответствие между количеством видов ответственности и числом отраслей права. Это ставит под сомнение целесообразность жесткой привязки видов ответственности к конкретным отраслям и свидетельствует о необходимости поиска альтернативных теоретико-правовых решений [11, с. 32].

Аналогичной позиции придерживается и Н. Н. Вопленко, обосновывающий свою точку зрения следующим образом: «...отраслей отечественного права насчитывается достаточно много (профилирующие, ведущие, комплексные и т.д.), а основных видов юридической ответственности, имеющих отраслевую специфику, имеется весьма ограниченное количество. Получается, что основные виды юридической ответственности "не покрывают" все отрасли права» [12, с. 42].

На проблемы отраслевого признака как основания классификации указывает и Д. А. Липинский: «...в традиционной классификации существуют определенные проблемы. Дисциплинарная ответственность есть, а дисциплинарного права нет» [5, с. 384, 385].

Однако даже критики отраслевого признака классификации юридической ответственности, такие как Н. Н. Вопленко, признают его практическую значимость. Он указывает, что в российском законодательстве именно отраслевая классификация (уголовная, административная, гражданско-правовая, дисциплинарная ответственность) остается основной и традиционной и, несмотря на научные споры и теоретические недостатки, данный подход продолжает играть важную роль в юридической практике и нормативной системе [12, с. 49].

Критикуя отраслевой подход к классификации юридической ответственности, Д. А. Липинский признает его научную и практическую ценность. Он соглашается с мнением Н. Н. Вопленко о том, что отраслевой критерий важен для понимания сущности различных видов ответственности, их юридической природы и развития: «...несмотря на критику, отраслевой признак остается полезным инструментом в правоведении, позволяющим глубже анализировать и систематизировать юридическую ответственность [5, с. 382].

В юридической науке существует стремление выйти за рамки традиционной (отраслевой) классификации юридической ответственности. Некоторые ученые предлагают альтернативные подходы, основанные на новых критериях, что приводит к формированию других, нетрадиционных видов правоотношений ответственности. Это говорит о развитии теории права, поиске более точных и универсальных способов понимания и систематизации юриди-

ческой ответственности. Например, А. В. Кирсанова предложила делить такие правоотношения по составу участников (субъектному составу) – на простые (с участием двух сторон) и сложные (с участием нескольких сторон). При этом правоотношения, связанные с юридической ответственностью, можно классифицировать по различным основаниям. Простыми считаются те, в которых одному субъективному праву одной стороны соответствует одна юридическая обязанность другой стороны. Сложные правоотношения она разделяет по субъектному составу – с участием юридических и физических лиц. При этом правоотношения с физическими лицами могут быть общими и специальными в зависимости от наличия специальных субъектов. Кроме того, правоотношения можно классифицировать на основании стадии их развития, ориентируясь на управомоченного субъекта [13, с. 50].

Концептуальность подхода к классификации юридической ответственности демонстрирует В. А. Кислухин. Он указывает, что деление на частное и публичное право может быть продуктивно применено и к видам юридической ответственности, поскольку позволяет классифицировать ее по характеру защищаемых интересов – частных или публичных [14, с. 9].

Н. В. Витрук не соглашался с точкой зрения В. А. Кислухина, объясняя это тем, что «...приведенная им характеристика указанных видов ответственности скорее говорит о том, какой вид юридической ответственности, исходя из ее функционального назначения, – восстановительно-компенсационная или карательно-штрафная – является преобладающим в частном и публичном праве» [6, с. 98–99].

Против мнения В. А. Кислухина возражал и Д. А. Липинский, отмечая: «...признавая обоснованным деление системы права на частное и публичное, мы не считаем возможным и целесообразным классифицировать юридическую ответственность на публично-правовую и частноправовую, а правонарушения – на публично-правовые и частноправовые» [15, с. 65].

Н. В. Витрук расширяет традиционный подход к классификации юридической ответственности, выделяя публично-правовую и гражданско-правовую как самостоятельные и равнозначные виды, тем самым подчеркивая их теоретическую и практическую значимость. Внутри публичного права существует дальнейшая дифференциация (на конституционную, дисциплинарную, административную, уголовную, процессуальную), основанная на сфере действия каждой из них. Таким образом, он рассматривает юридическую ответственность как сложное и многослойное явление, требующее системного подхода и учета как общих (публичных и частных), так и более конкретных оснований классификации [6, с. 99].

Н. В. Витрук предлагал более глубокую и многоуровневую классификацию юридической ответственности. Во-первых, он указывал на возможность внутривидовой дифференциации внутри гражданско-правовой ответственности (например, материальная, таксовая и др.), что говорит о ее внутреннем разнообразии. Во-вторых, он рассматривал порядок применения ответственности как самостоятельный критерий классификации. По этому признаку исследователь выделял ответственность, налагаемую в судебном, судебно-административном и административном порядке [6, с. 99].

О. О. Журавлева считает, что юридическую ответственность по сфере действия можно делить на два вида: публично-правовую (в защиту общественных интересов) и частноправовую (в защиту частных интересов). К публично-правовой ответственности она относит уголовную, административную, финансовую, конституционную, а в частноправовую она включает только гражданско-правовую ответственность [10, с. 24].

Момент возникновения правоотношений юридической ответственности тоже можно использовать как основание их деления. Такого мнения придерживаются И. А. Кузьмин и Т. Н. Радько, являющиеся сторонниками теории общих правоотношений. По указанному основанию они предлагают выделять такие их виды, как общие и конкретные.

Правоотношения ответственности, которые И. А. Кузьмин называет общими, «...возникают исключительно на основе норм права, и единственная причина их появления – вступление в силу юридических норм» [16, с. 38–39]. Правоотношение ответственности, относящееся к конкретному, «...может возникнуть лишь при наличии сложного фактического состава – как совокупности четырех юридических фактов: 1) противоправного деяния;

2) процессуального отношения ответственности; 3) отсутствия оснований, исключающих юридическую ответственность (неприменение освобождающих); 4) акта применения права, возлагающего ответственность» [16, с. 46].

С точки зрения Т. Н. Радько, «...общие правоотношения возникают в результате воздействия таких норм, которые направлены на регулирование явлений более широкого порядка (например, установление правового статуса граждан)» [17, с. 41]; «...конкретные правоотношения возникают в результате применения норм права к частным случаям, событиям, фактам» [17, с. 41].

Указывая на такое основание, как характер ответственности, С. Н. Ивахненко обосновывает существование двух групп юридической ответственности. К первой группе она относит уголовную и административную ответственности, а ко второй группе – гражданско-правовую и дисциплинарную, «...которые отличаются... только тем, что первая пара носит преимущественно репрессивный характер, в то время как вторая – преимущественно компенсационный» [18, с. 17].

П. П. Серков полагает, что «...применительно к юридической ответственности возникают два вида правоотношений – материальные и процессуальные, которые, в свою очередь, делятся на цепочки возникающих и развивающихся правоотношений» [19, с. 44].

По такому критерию, как «основание возникновения юридической ответственности», Н. А. Духно и В. И. Ивакин разделяют ее на объективную и субъективную. Объективная юридическая ответственность, по их мнению, возникает в результате причинения вреда, т.е. объективным фактом для ее возникновения служит причинение вреда. Н. А. Духно и В. И. Ивакин рассматривают вину как обязательный признак субъективной юридической ответственности, подчеркивая, что она выступает субъективным основанием для ее наступления [9, с. 15].

Н. А. Духно и В. И. Ивакин делят юридическую ответственность на компенсационную (возмещение вреда) и репрессивную (наказание) [9, с. 15].

О. Э. Лейст предлагал классифицировать юридическую ответственность по содержанию санкций. Он считал, что основной признак деления – это характер санкции, так как он определяет порядок ее применения. В связи с этим исследователь выделял два вида ответственности: правовосстановительную – направлена на восстановление нарушенных прав, штрафную – выражается в наказании (штрафе, санкции). Иными словами, суть классификации в том, какую цель преследует санкция [20, с. 130].

Содержание «правовосстановительных» санкций нацелено «...на устранение непосредственного вреда, причиненного правопорядку...» [21, с. 679].

Назначением «штрафных», «карательных» типов ответственности служит «...воздействие на правонарушителя в целях общей и частной превенции правонарушений (уголовно-правовые, административные, дисциплинарные и некоторые другие...)» [21, с. 679]. К штрафной (карательной) ответственности в соответствии с видом правонарушений и санкций О. Э. Лейст относил уголовную, административную, дисциплинарную ответственности [21, с. 681]. «...правовосстановительная ответственность... заключается в восстановлении незаконно нарушенных прав, в принудительном исполнении невыполненной обязанности» [21, с. 684].

Исследуя проблемные вопросы определения понятия юридической ответственности и критериев ее классификации, В. Н. Даниленко соглашается с предложенным О. Э. Лейстом делением видов юридической ответственности на штрафную и правовосстановительную. Такую классификацию В. Н. Даниленко считает «укрупненной» и отмечает, что «...основанная на разграничении различий в задачах и порядке применения штрафных, карательных санкций, с одной стороны, и имущественной ответственности – с другой, имеет не только теоретическое, но и практическое значение». Кроме того, В. Н. Даниленко оценивает значение классификации юридической ответственности и по отраслевому признаку, указывая, что «...деление юридической ответственности на виды по отраслевой принадлежности ни в коей мере не утрачивает своего значения...» [22, с. 95, 96].

В. В. Лучков считает, что по субъектному составу юридическую ответственность можно разделить на такие виды, как «с участием физических лиц» и «с участием юридиче-

ских лиц». Правоотношения, в которых правообязанной стороной выступают физические лица, В. В. Лучков предлагает разделить на «общие» и «специальные». Под «специальными» он имеет в виду правоотношения с участием специальных субъектов [23, с. 74]. Исследователь классифицирует виды юридической ответственности и в зависимости от содержания дополнительной обязанности (уплаты штрафа, выговора, лишения свободы и т.д.) [23, с. 75]. В зависимости от длительности он предлагает такие типы, как «длящиеся» и «одномоментные». Под «одномоментными» он имеет в виду такие правоотношения, в которых их участниками практически сразу осуществляются права и исполняются обязанности сторон правоотношения (выговор, замечание, предупреждение) [23, с. 75]. В. В. Лучков также является сторонником отраслевого подхода классификации правоотношений юридической ответственности. Указанный автор придерживается традиционной схемы, в которой виды ответственности соотносятся с конкретными отраслями права, перечисляя широкий круг таких видов (включая, например, уголовно-процессуальную и уголовно-исполнительную), развивая и уточняя отраслевую классификацию, придавая ей системность и охватывая все основные правовые сферы. Тем самым отмечаются устойчивость и практическая значимость отраслевого подхода в научной и правоприменительной практике [23, с. 77].

Приведенные выше мнения ученых свидетельствуют о наличии разных критериев и оснований для выделения видов юридической ответственности – отраслевых, функциональных, процедурных и др. Это, в свою очередь, говорит о их многообразии и сложности самого явления, акцентируя внимание на том, что юридическая ответственность – это не единый и однозначный институт, а многогранная категория, которую можно классифицировать по-разному в зависимости от цели и исследовательского подхода.

Юридическая ответственность – многогранное явление, которое можно классифицировать по различным основаниям: сфере действия, способу применения, отраслевой принадлежности, характеру санкций, моменту возникновения, типу воздействия и другим критериям. Это многообразие подходов отражает сложность и универсальность института юридической ответственности в правовой системе.

С наличием разноплановых оснований дифференциации видов ответственности (правоотношений юридической ответственности) соглашаются и другие авторы. Например, Д. А. Липинский признает, что «помимо отраслевого, в теории права выделяют различные классифицирующие критерии юридической ответственности: функциональный, целевой, субъективный, субъектный; в зависимости от характера принуждения и вида применяемых мер, вида правоотношений, а также субъектов, ее применяющих» [5, с. 369].

Не все основания, используемые для классификации юридической ответственности, подходят для разграничения правоотношений, освобождающих от нее, – часть из них неприменима.

По этой причине возникает необходимость определить подходящие основания такой классификации и затем выделить виды.

При решении этого вопроса следует принять во внимание некоторые советы И. В. Понкина и А. И. Редькиной, цитирующих американского философа права Джерома Холла: «В юриспруденции для классификации объектов необходимо определять базовые единицы, по аналогии с видами и элементами в химии или биологии» [2, с. 257]; «существует также необходимость определения отличительных специфических черт таких единиц для того, чтобы можно было их идентифицировать и классифицировать таким образом, чтобы обеспечить возможность делать более широкие обобщения» [2, с. 257]. «Правовая классификация также может быть не просто предметом чисто теоретического интереса, а иметь и серьезное практическое значение» [2, с. 257].

Представляет интерес и еще один вывод Д. Холла о том, что «...в рамках правовой классификации не может быть проведена категоризация исключительно фактических терминов без потери специфики права, а существующие отрасли права, сами по себе, характеризуются определенным упорядочением, которое выходит за рамки обычной каталогизации» [2, с. 256]. С данным выводом необходимо согласиться, принимая во внимание доводы

О. Э. Лейста о том, что «обычно ответственность подразделяется на виды в зависимости от отраслей права. Но данное деление не совпадает с отраслевой структурой права уже по той причине, что видов ответственности меньше, чем отраслей права, причем за нарушение норм права различных отраслей может применяться ответственность одного и того же вида» [11, с. 32]. С данными доводами соглашаются практически все ученые, но классификация юридической ответственности по отраслям права до настоящего времени не утратила значимости и актуальности.

Обобщая приведенные выводы, можно сформулировать требования, которые необходимо соблюдать, проводя классификацию видов правоотношений, освобождающих от юридической ответственности: необходимо определять базовые единицы и их специфические черты; следует делать более широкие обобщения; классификация должна иметь практическое значение.

Наиболее распространенными «базовыми элементами» в праве являются правовая норма, правовой институт и отрасль права.

Использование правовой нормы в качестве базового элемента классификации правоотношений, освобождающих от юридической ответственности, нецелесообразно, поскольку это не позволяет сделать обобщений, не имеет практической ценности и не применимо из-за отсутствия санкций в соответствующих нормах.

Указанная специфика правоотношений, освобождающих от юридической ответственности, не позволяет провести классификацию по «характеру воздействия» (репрессивные и компенсационные) и по «основаниям возникновения» (объективные и субъективные). Не следует проводить их классификацию на «простые» и «сложные», а также по признаку «с участием юридических и физических лиц», так как это не имеет практического значения.

Заключение

Классификацию видов правоотношений, освобождающих от юридической ответственности, нужно проводить по отраслевому признаку, а также по таким основаниям, как «сфера действия» (публично-правовая и гражданско-правовая), «порядок применения» (судебная и судебно-административная), «момент возникновения» (общая и конкретная). Правда, по некоторым основаниям можно выделить только один вид юридической ответственности.

Таким образом, классификация видов правоотношений, освобождающих от юридической ответственности, будет выглядеть следующим образом: по отраслевому признаку (уголовные, административные, налоговые); по сфере действия (публично-правовые); по порядку применения (судебно-административные); по моменту возникновения (общие и конкретные).

Список литературы

1. Субботин А. Л. Классификация : монография. М. : ИФ РАН, 2001. 94 с.
2. Понкин И. В., Редькина А. И. Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 37. С. 249–259. doi: [10.17072/1995-4190-2017-37-249-259](https://doi.org/10.17072/1995-4190-2017-37-249-259) EDN: [ZMIRUR](https://www.edn.ru/entry/2017-37-249-259)
3. Кузьмин Д. С. О понятии освобождения от юридической ответственности // Теория государства и права. 2024. № 2 (36). С. 111–122. doi: [10.25839/MATGIP_2024_2_36_111](https://doi.org/10.25839/MATGIP_2024_2_36_111) EDN: [WLHXGZ](https://www.edn.ru/entry/2024-2-36-111)
4. Кузьмин Д. С. К вопросу о понятии правоотношений, освобождающих от юридической ответственности // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2024. Т. 12, № 3. С. 44–52. doi: [10.21685/2307-9525-2024-12-3-5](https://doi.org/10.21685/2307-9525-2024-12-3-5) EDN: [KLKLNK](https://www.edn.ru/entry/2024-12-3-5)
5. Липинский Д. А. Проблемы юридической ответственности / под ред. Р. Л. Хачатурова. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 387 с. EDN: [QZNENN](https://www.edn.ru/entry/2003-387)
6. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности : монография. М. : Норма, 2009. 431 с. EDN: [QRHBRB](https://www.edn.ru/entry/2009-431)
7. Базылев Б. Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы) : монография. Красноярск : Красноярский государственный университет, 1985. 120 с. EDN: [STQCWH](https://www.edn.ru/entry/1985-120)
8. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М. : Дело, 2021. 528 с. EDN: [LJMKDV](https://www.edn.ru/entry/2021-528)

9. Духно Н. А., Ивакин В. И. Понятие и виды юридической ответственности // Государство и право. 2000. № 6. С. 12–17.
10. Журавлева О. О. Финансовая ответственность в системе юридической ответственности // Финансовое право. 2004. № 4. С. 23–28. EDN: [RWTDYJ](#)
11. Лейст О. Э. Основные виды юридической ответственности за правонарушение // Правоведение. 1977. № 3. С. 31–39.
12. Вопленко Н. Н. О понятиях «вид» и «подвид» юридической ответственности // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 2 (6). С. 41–53. EDN: [MWBCRP](#)
13. Кирсанова А. В. Правоотношение юридической ответственности : монография / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. Самара : СаГА, 2009. 174 с. EDN: [QRDOVN](#)
14. Кислухин В. А. Виды юридической ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2002. 28 с. EDN: [NMDGAZ](#)
15. Институт юридической ответственности : монография / Д. А. Липинский, В. В. Романова, О. Е. Репетева [и др.] ; под ред. Д. А. Липинского. М. : ИНФРА-М, 2022. 230 с. EDN: [ZIGZHN](#)
16. Кузьмин И. А. Юридическая ответственность и ее реализация. Иркутск : Иркутский государственный университет, 2013. 219 с. EDN: [RVMXAB](#)
17. Правоотношения в современной правовой реальности: традиционные подходы и новые концепции : монография / под ред. Р. Л. Хачатурова. М. : Юрлитинформ, 2019. 464 с. EDN: [YWROQP](#)
18. Ивахненко С. Н. Юридическая ответственность в современном российском праве (проблемы правопонимания) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Ставрополь, 2005. 22 с. EDN: [ZMYLDJ](#)
19. Серков П. П. О понятии юридической ответственности // Журнал российского права. 2010. № 8 (164). С. 42–49. EDN: [NDLXWR](#)
20. Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М. : МГУ, 1981. 240 с.
21. Общая теория государства и права. Академический курс : в 3 т. Т. 3: Государство, право, общество / отв. ред. М. Н. Марченко. М. : Норма, 2007. 698 с.
22. Даниленко В. Н. Проблемы понятия и классификации юридической ответственности // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. 2013. № 29. С. 92–96. EDN: [RTGYCB](#)
23. Лучков В. В. Юридическая ответственность в механизме правового регулирования : монография. Тольятти : Волжский ун-т им. В. Н. Татищева, 2004. 167 с. EDN: [QWHDXD](#)

References

1. Subbotin A.L. *Klassifikatsiya: monografiya = Classification: monograph*. Moscow: IF RAN, 2001:94. (In Russ.)
2. Ponkin I.V., Red'kina A.I. Classification as a method of scientific research, particularly in legal science. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Legal Sciences*. 2017;(37):249–259. (In Russ.). doi: [10.17072/1995-4190-2017-37-249-259](https://doi.org/10.17072/1995-4190-2017-37-249-259)
3. Kuz'min D.S. On the concept of exemption from legal liability. *Teoriya gosudarstva i prava = Theory of state and law*. 2024;(2):111–122. (In Russ.). doi: [10.25839/MATGIP_2024_2_36_111](https://doi.org/10.25839/MATGIP_2024_2_36_111)
4. Kuz'min D.S. To the issue of the concept of legal relations that exempt from legal liability. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal «Наука. Obshchestvo. Gosudarstvo» = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2024;12(3):44–52. (In Russ.). doi: [10.21685/2307-9525-2024-12-3-5](https://doi.org/10.21685/2307-9525-2024-12-3-5)
5. Lipinskiy D.A. *Problemy yuridicheskoy otvetstvennosti = Legal liability issues*. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press, 2003:387. (In Russ.)
6. Vitruk N.V. *Obshchaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti: monografiya = General theory of legal responsibility: monograph*. Moscow: Norma, 2009:431. (In Russ.)
7. Bazylev B.T. *Yuridicheskaya otvetstvennost' (teoreticheskie voprosy): monografiya = Legal liability (theoretical issues): monograph*. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gosudarstvennyy universitet, 1985:120. (In Russ.)
8. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. *Teoriya gosudarstva i prava = Theory of state and law*. Moscow: Delo, 2021:528. (In Russ.)
9. Dukhno N.A., Ivakin V.I. Concept and types of legal liability. *Gosudarstvo i pravo = State and law*. 2000;(6):12–17. (In Russ.)
10. Zhuravleva O.O. Financial responsibility in the system of legal responsibility. *Finansovoe pravo = Financial law*. 2004;(4):23–28. (In Russ.)

11. Leyst O.E. The main types of legal liability for an offense. *Pravovedenie = Jurisprudence*. 1977;(3):31–39. (In Russ.)
12. Voplenko N.N. On the concepts of "type" and "subtype" of legal liability. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal = Leningrad law journal*. 2006;(2):41–53. (In Russ.)
13. Kirsanova A.V. *Pravootnoshenie yuridicheskoy otvetstvennosti: monografiya = Legal relationship of legal liability: monograph*. Samara: SaGA, 2009:174. (In Russ.)
14. Kislukhin V.A. *Types of legal liability: PhD abstract*. Moscow, 2002:28. (In Russ.)
15. Lipinskiy D.A., Romanova V.V., Repeteva O.E. et al. *Institut yuridicheskoy otvetstvennosti: monografiya = Institute of legal responsibility: monograph*. Moscow: INFRA-M, 2022:230. (In Russ.)
16. Kuz'min I.A. *Yuridicheskaya otvetstvennost' i ee realizatsiya = Legal liability and its implementation*. Irkutsk: Irkutskiy gosudarstvennyy universitet, 2013:219. (In Russ.)
17. Khachaturov R.L. (ed.). *Pravootnosheniya v sovremennoy pravovoy real'nosti: traditsionnye podkhody i novye kontseptsii: monografiya = Legal relations in modern legal reality: traditional approaches and new concepts: monograph*. Moscow: Yurlitinform, 2019:464. (In Russ.)
18. Ivakhnenko S.N. *Legal liability in modern Russian law (problems of legal understanding): PhD abstract*. Stavropol, 2005:22. (In Russ.)
19. Serkov P.P. On the concept of legal liability. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2010;(8):42–49. (In Russ.)
20. Leyst O.E. *Sanktsii i otvetstvennost' po sovetskomu pravu (teoreticheskie problemy) = Sanctions and liability under Soviet law (theoretical problems)*. Moscow: MGU, 1981:240. (In Russ.)
21. Marchenko M.N. (resp. ed.). *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskii kurs: v 3 t. T. 3: Gosudarstvo, pravo, obshchestvo = General theory of state and law. Academic course: in 3 volumes: State, law, society*. Moscow: Norma, 2007:698. (In Russ.)
22. Danilenko V.N. Problems of the concept and classification of legal liability. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya = Bulletin of the Siberian State Transport University*. 2013;(29):92–96. (In Russ.)
23. Luchkov V.V. *Yuridicheskaya otvetstvennost' v mekhanizme pravovogo regulirovaniya: monografiya = Legal liability in the mechanism of legal regulation: monograph*. Tol'yatti: Volzhskiy un-t im. V.N. Tatishcheva, 2004:167. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Д. С. Кузьмин – аспирант, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса, Тольяттинский государственный университет, 445057, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14. ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-6552-5780>

D.S. Kuzmin – Postgraduate Student, Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Process, Tolyatti State University, 14 Belorusskaya street, Tolyatti, 445057. ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-6552-5780>

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests**

Поступила в редакцию / Received 22.05.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 18.06.2025

Принята к публикации / Accepted 30.07.2025

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.92

EDN: FFMSAW

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-8

ДЕПРИВАТИЗАЦИЯ ОБОРОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В РОССИИ: ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Павел Евгеньевич Федоров

Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия

pavel.evg.fedorov@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Исследуются правовые механизмы и стратегические последствия деприватизации оборонных предприятий России в контексте усиления санкционного давления и конфликта на Украине. В условиях глобальной военно-технологической конкуренции и беспрецедентного санкционного давления данный процесс приобрел характер стратегического инструмента обеспечения национальной безопасности. Цель исследования – проанализировать правовые механизмы и стратегические последствия деприватизации в оборонно-промышленном комплексе как элемента долгосрочной политики технологического суверенитета. *Материалы и методы.* Исследование основано на анализе практики 2022–2024 гг., включая кейсы Ростовского оптико-механического завода и Челябинского электрометаллургического комбината. Методологическая база включает сравнительно-правовой анализ судебных решений, изучение нормативных актов (ФЗ № 275 «О государственном оборонном заказе», Военной доктрины РФ) и экспертных оценок силовых ведомств (Генпрокуратуры, ФСБ, Минобороны). *Результаты.* Установлено, что деприватизация позволила не только пресечь утечку критических технологий, но и запустить процессы глубокой модернизации стратегических производств; формируется дифференцированный подход к управлению предприятиями оборонно-промышленного комплекса в зависимости от их стратегической важности; судебная практика демонстрирует приоритет национальной безопасности над формальными нормами гражданского права. *Выводы.* Деприватизация представляет собой необходимый элемент трансформации экономики в условиях геополитических вызовов. Для ее дальнейшего развития требуется закрепление специальных положений в Военной доктрине РФ – 2025; разработка нормативного акта, систематизирующего критерии стратегической значимости предприятий; создание механизмов баланса между государственным контролем и рыночной эффективностью; учет международного опыта в сотрудничестве с дружественными странами.

Ключевые слова: деприватизация, оборонно-промышленный комплекс, технологический суверенитет, национальная безопасность, санкции, гособоронзаказ, силовые ведомства, судебная практика, стратегические предприятия, импортозамещение

Для цитирования: Федоров П. Е. Деприватизация оборонных предприятий в России: правовые механизмы и стратегические последствия для национальной безопасности // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 3. С. 69–81. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-8 EDN: FFMSAW

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

Original article

DEPRIVATIZATION OF DEFENSE ENTERPRISES IN RUSSIA: LEGAL MECHANISMS AND STRATEGIC IMPLICATIONS FOR NATIONAL SECURITY

Pavel E. Fedorov

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia

pavel.evg.fedorov@yandex.ru

Abstract. *Background.* The article examines the legal mechanisms and strategic consequences of the deprivatization of Russian defense enterprises in the context of increased sanctions pressure and the conflict in Ukraine. In the context of global military-technological competition and unprecedented sanctions pressure, the deprivation of Russian defense enterprises has become a strategic tool for ensuring national security. The purpose of the study is to analyze the legal mechanisms and strategic consequences of deprivatization in the military-industrial complex (MIC) as an element of a long-term policy of technological sovereignty. *Materials and methods.* The study is based on an analysis of the practice of 2022–2024, including the cases of the Rostov Optical and Mechanical Plant and the Chel-yabinsk Electrometallurgical Combine. The methodological base includes a comparative legal analysis of court decisions, the study of regulations (Federal Law No. 275 "On the State Defense Order", the Military Doctrine of the Russian Federation) and expert assessments of law enforcement agencies (the Prosecutor General's Office, the FSB, the Ministry of Defense). *Results.* It is established that deprivatization allowed not only to stop the leakage of critical technologies, but also to launch the processes of deep modernization of strategic industries. A differentiated approach to the management of defense industry enterprises is being formed, depending on their strategic importance. Judicial practice demonstrates the priority of national security over the formal norms of civil law. *Conclusions.* Deprivatization is a necessary element of economic transformation in the context of geopolitical challenges. For its further development, the following is required: Consolidation of special provisions in the Military Doctrine of the Russian Federation-2025; Development of a regulatory act that systematizes criteria for the strategic importance of enterprises; Creating mechanisms for balancing government control and market efficiency; Taking into account international experience in cooperation with friendly countries.

Keywords: deprivatization, military-industrial complex, technological sovereignty, national security, sanctions, state defense order, law enforcement agencies, judicial practice, strategic enterprises, import substitution

For citation: Fedorov P.E. Deprivatization of defense enterprises in Russia: legal mechanisms and strategic implications for national security. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(3):69–81. (In Russ.). doi:10.21685/2307-9525-2025-13-3-8

В современных условиях геополитической нестабильности и ужесточения санкционного давления на Россию вопросы обеспечения национальной безопасности приобретают особую значимость. Одним из ключевых инструментов ответа на эти вызовы становится происходящая в последние годы так называемая деприватизация предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК), которая, как можно констатировать, отслеживая последние тенденции, происходящие в оборонной сфере в 2022–2025 гг., приобрела системный характер.

При этом отмечается некоторая непоследовательность донесения позиции государства до общественных институтов, поскольку, с одной стороны, официальные лица на форумах

и встречах говорят о необходимости новой волны приватизации, а с другой стороны, по решению Генеральной прокуратуры РФ только с февраля 2022 г. деприватизировано и передано государству более 70 крупных стратегических предприятий [1, с. 595].

Как принято считать, национализация¹ – это процесс, обратный приватизации, основание прекращения права собственности на имущество частного лица и приобретения данного права государством. Национальная собственность рассматривается как средство производства общественных благ, необходимых для национальной безопасности и устойчивого развития страны. В современных условиях национализация оборонных предприятий служит инструментом восстановления стратегического баланса и повышения эффективности управления важнейшими секторами экономики [2, с. 599].

Актуальность обозначенной темы обуславливается необходимостью укрепления технологического суверенитета страны, особенно в контексте специальной военной операции на Украине и беспрецедентных ограничений со стороны недружественных государств. И. В. Попова, отмечая ключевую роль государства в обеспечении обороны и технологического суверенитета, констатирует, что предприятия ОПК, являющиеся основой развития научно-технического потенциала страны, должны развивать научно-технические компетенции работников для успешной реализации программы по импортозамещению в России [3, с. 25].

Между тем Н. Ю. Челышева констатирует необходимость оценки общественного резонанса, вызванного мерами по деприватизации и национализации объектов крупного бизнеса, поскольку от этого, прежде всего, зависит стабильность общественных отношений в государстве. Отмечается, что дальнейший рост государственного давления на бизнес в Российской Федерации представляется достаточно опасным ввиду снижения темпов роста современной российской экономики и острого социального неравенства [4, с. 33].

Исследуя заявленную тему, необходимо иметь в виду особенную сложность деятельности предприятий ОПК, а также важность целенаправленных усилий по подготовке достаточного количества квалифицированных специалистов с узкоспециализированным профилем.

Отмечаются уникальные особенности и специфика предприятий ОПК, которая включает в себя высокую капиталоемкость производства, значительную технологичность и наукоемкость, повышенные требования к качеству продукции и длительные проекты. Указанные аспекты формируют особую структуру корпоративных моделей компетенций и требуют особого внимания к развитию человеческого капитала [3, с. 26].

Цель настоящей статьи видится в анализе правовых механизмов и стратегических последствий деприватизации оборонных предприятий, что отличает данный процесс от аналогичных мер в других отраслях экономики. В отличие от гражданских секторов, где деприватизация зачастую связана с восстановлением нарушенных прав государства или борьбой с коррупцией, в ОПК же она приобретает характер своеобразной военно-политической меры.

В. Д. Мазаев отмечает, что использование института национализации всегда обусловлено политической составляющей. При этом не менее важными средствами проведения экономической государственной политики являются более классические меры экономико-правового воздействия – налоги, сборы, тарифы и др. Введение тех или иных налогов или дополнительных административных барьеров является инструментом отчуждения, перераспределения имущества частных лиц в пользу государства и воздействия на те или иные стороны хозяйственной деятельности, в том числе исходя из политической или экономической целесообразности [5, с. 38].

Положения Военной доктрины РФ (2014)² подтверждают необходимость обеспечения независимости критически важных технологий (подп. «в», «з» п. 53), а также сохранение государственного контроля над стратегически значимыми организациями оборонно-промыш-

¹ В рамках проводимого исследования термины «деприватизация» и «национализация» рассматриваются как тождественные.

² Военная доктрина Российской Федерации : (утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976) // Российская газета. 2014. № 298.

ленного комплекса (подп. «е» п. 53). Иными словами, в соответствии с главным военно-политическим документом страны деприватизация должна быть использована как инструмент для укрепления обороноспособности и достижения политических целей.

С позиции политической экономии национализация обусловливается экономической целесообразностью обеспечения устойчивой социально-экономической политики (чаще всего национализируются капиталоемкие и малорентабельные предприятия), необходимостью укрепления обороноспособности страны, а также политическими целями. В подп. «с» п. 2 Хартии экономических прав и обязанностей государств (1974) закрепляется право государств национализировать, экспроприировать или передавать иностранную собственность, т.е. использовать национализацию как инструмент экономической политики [5, с. 40].

Исследователями-экономистами делаются обоснованные предположения о запустившемся процессе перехода к мобилизационной модели экономики в России с упором на использование инструментов административного и экономического управления хозяйственным развитием по примеру Китая. В качестве основных инструментов государственной политики в данном случае предлагается использовать и механизм национализации активов ушедших из страны компаний, а также иных лиц, признанных нежелательными, имеющих статус иностранного агента и покинувших нашу страну, резидентов недружественных государств и применять их для финансирования крупных государственных и/или государственно-частных инфраструктурных и промышленных проектов. Более того, подобный опыт уже имелся у нашей страны в период восстановления после Гражданской войны [6, с. 2078].

Гипотеза исследования состоит в том, что деприватизация в ОПК представляет собой не только формирующийся правовой институт, но и важный элемент государственного управления в сфере государственного оборонного заказа, который направлен на минимизацию рисков, связанных с иностранным влиянием, утечкой технологий и зависимостью от недружественных стран. Немаловажным аспектом стратегии деприватизации и защиты национальных интересов является и контрольно-надзорная деятельность, зачастую предваряющая рассматриваемые процессы.

Правоохранительными органами наработана практика противодействия включению в кооперацию номинальных посредников и фирм-однодневок. Выявлялись факты хищения бюджетных средств, завышения стоимости продукции, нарушения условий контрактов, отказов или уклонения от их заключения, оплаты фактически неисполненных контрактов, поставок некачественной продукции, незаконного использования документов для образования юридических лиц и др. [7, с. 18].

Деприватизация оборонных предприятий является неотъемлемой частью стратегии обеспечения национальной безопасности России в условиях современных вызовов. Дальнейшее исследование данной темы позволит выработать эффективные механизмы защиты критически важных технологий и укрепить оборонный потенциал страны.

Подробнее рассмотрим специфику оборонно-промышленного комплекса в контексте рассматриваемой темы.

Оборонные предприятия представляют собой особую категорию хозяйствующих субъектов, деятельность которых непосредственно связана с обеспечением национальной безопасности. Их главная особенность заключается в работе с информацией, составляющей государственную тайну, что автоматически накладывает дополнительные правовые ограничения на хозяйствующих субъектов и контролируемых/контролирующих лиц. Большое количество продукции российского ОПК относится к категории секретной или совершенно секретной, что требует особых режимов допуска и защиты.

Важной характеристикой современных оборонных предприятий является работа с так называемыми «двойными технологиями» – разработками, которые могут применяться как в военных, так и в гражданских целях. Это создает дополнительные риски, связанные с возможностью неконтролируемого распространения критически важных технологий. Как отме-

чают эксперты, именно контроль над двойными технологиями становится ключевым элементом технологического суверенитета государства¹.

Санкционные риски представляют собой особую угрозу для оборонных предприятий. Введение ограничительных мер западными странами против российского ОПК (начиная с 2014 г. и особенно усилившихся после 2022 г.) привело к необходимости пересмотра подходов к управлению этими активами. По данным Минпромторга, санкции и логистические ограничения создали значительные трудности для ОПК, включая сбои в поставках комплектующих², что послужило косвенной причиной ускорения процессов деприватизации.

Правовой режим функционирования предприятий ОПК в России определяется комплексом специальных нормативных актов. Центральное место среди них занимает Федеральный закон № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе», который устанавливает особые правила: планирования и размещения гособоронзаказа; ценообразования на оборонную продукцию; ответственности исполнителей; контроля за выполнением контрактов. Особого внимания заслуживают нормы Федерального закона № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества», которые устанавливают особый правовой статус акционерных обществ, в отношении которых принято решение об использовании специального права («золотой акции»), которое применяется в контексте обеспечения обороноспособности страны и безопасности государства.

Анализируя развитие правовых основ деприватизации, О. М. Гришин отмечает, что наиболее резонансным в указанном отношении выступил так называемый пересмотр отдельных итогов приватизации государственного и муниципального имущества, ставший возможным в результате внесения изменений в Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства», которые предусматривают необходимость предварительного согласования с компетентными органами публичной власти приобретения акций (долей) компаний, имеющих для развития государства стратегическое значение [8, с. 32].

Между тем, анализируя законодательство в некоторой ретроспективе, исследователи отмечают, что государством уже предпринимались попытки пересмотреть итоги приватизации, которые в «нулевые» были остановлены до настоящих времен «турбулентности» [9].

Сравнительный анализ международного опыта регулирования оборонных предприятий показывает, что во многих странах оборонные предприятия так или иначе находятся под особым контролем государства и публичных образований.

Индонезия представляет собой убедительный пример развивающейся страны, стремящейся к независимости оборонной промышленности. Правительство Индонезии, руководствуясь Законом № 16 от 2012 г. об оборонной промышленности, подчеркнуло важность производства оборонного и охранного оборудования внутри страны. На примере таких компаний, как PT. SAS Aero Sishan, можно увидеть, как оптимизируется управление производством и распределение ресурсов для достижения качества и независимости в оборонной промышленности. Тем не менее эти отрасли по-прежнему сталкиваются с такими проблемами, как необходимость повышения эффективности производства и сохранение зависимости от иностранных технологий в отношении некоторых компонентов [10]. Исследования ОПК Индонезии в данном контексте также подчеркивают важность развития человеческих ресурсов, технологических инноваций и инноваций в бизнес-моделях для достижения большей самодостаточности оборонного сектора [11].

В Европейском союзе оборонная промышленность исторически характеризовалась сочетанием национализации и интеграции между государствами-членами. ЕС также является

¹ Технологический суверенитет как ключ к устойчивому развитию России в XXI веке // Фонд Росконгресс : сайт. URL: <https://roscongress.org/materials/tekhnologicheskij-suverenitet-kak-klyuch-k-ustoychivomu-razvitiyu-rossii-v-xxi-veke/> (дата обращения: 27.04.2025).

² Оборонные компании назвали основные трудности из-за новых санкций // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/05/2022/628d1bf19a794772b1d3feca> (дата обращения: 27.04.2025).

лидером в продвижении экологически ответственных методов в оборонной промышленности, таких как внедрение принципов экономики замкнутого цикла в производство и управление жизненным циклом военной техники. Этот переход поддерживается технологическими инновациями и политическими решениями, которые поощряют ее восстановление, ремонт и повторное использование (жизненный цикл вооружений – *прим. автора*), хотя отрасль по-прежнему сталкивается с препятствиями на пути к полной реализации экологических целей. Современные усилия по национализации все больше учитывают воздействие на окружающую среду, интегрируя принципы экономики замкнутого цикла для сокращения экологического следа оборонного сектора [12].

В Китае большое значение придается укреплению международного сотрудничества в правоохранительной сфере, это касается и законодательства, и установления организационных связей. Существует подробная внутренняя законодательная база антикоррупционной деятельности, в частности, предусмотрена гибкая система уголовных наказаний (в том числе для юридических лиц). При этом противодействие коррупции происходит на фоне деприватизации государственных объектов [13, с. 67].

В современной практике зарубежных стран прослеживаются такие тенденции, как создание специальных правовых режимов для оборонных предприятий, ограничение иностранного участия в уставных капиталах, особые процедуры слияний и поглощений, а также государственные механизмы финансовой поддержки.

Анализ судебной практики последних лет показывает, что именно описанная специфика чаще всего становится правовым основанием для деприватизации оборонных предприятий. В отличие от других отраслей, где она может быть связана в том числе с коррупционными схемами или нарушением процедур приватизации, в ОПК немаловажным аргументом выступает стратегическая важность активов для обороноспособности страны, а также установление злоупотребления правом со стороны собственников предприятий при процедурах приватизации и последующем управлении хозяйственной деятельностью.

При этом, как отмечает Э. В. Голоманчук, обращение имущества в доход государства (само по себе – *прим. автора*) является одной из антикоррупционных мер, направленных на борьбу с коррупцией и незаконными действиями должностных лиц [14, с. 244]. Тем самым раскрывается важный аспект деприватизации – национальная безопасность в широком смысле.

Отмечается, что национальная безопасность является межотраслевым институтом и некоторые нормы частноправовых отраслей также играют важную роль в плане обеспечения национальной безопасности [15, с. 69]. Необходимость систематизации законодательства о национальной безопасности объясняется особым родом подобных отношений, их профильной спецификой. Эти правоотношения с уверенностью можно отнести к специфической отрасли права – области национальной безопасности, которая носит комплексный, всесторонний характер и включает в себя правовые предписания различных отраслей права [15, с. 72]. Поэтому при проведении процессов деприватизации исследователями подчеркивается необходимость учета как публично-правовых, так и частноправовых аспектов при рассмотрении вопроса национальной безопасности, что является актуальным для анализа приватизированных оборонных предприятий и связанных с ними рисков.

Между тем отсутствие понятийной четкости неизбежно повлекло появление самых различных трактовок относительно юридической природы и сути не только государственной и национальной безопасности, но и других терминов, тесно с ними связанных [16, с. 74].

С 2023 г. через суды государству возвращены 15 стратегических предприятий общей стоимостью более 333 млрд руб.¹ Рассмотрим наиболее заметные дела, заслуживающие стать образцовыми при будущей институционализации правоотношений по деприватизации оборонных активов.

¹ Генпрокуратура добилась возвращения государству 15 оборонных заводов // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/business/27/03/2024/660351709a7947f415196626> (дата обращения: 27.04.2025).

1. Кейс Ростовского оптико-механического завода (2023 г.)

Знаковым прецедентом в практике деприватизации оборонных предприятий стало решение Арбитражного суда Ярославской области от сентября 2023 г. о возврате государству контрольного пакета акций Ростовского оптико-механического завода (РОМЗ)¹. Данное предприятие, специализирующееся на производстве высокоточных оптических систем для военной техники, было приватизировано в середине 1990-х гг. с существенными процессуальными нарушениями. Генеральная прокуратура РФ в ходе проведенной проверки установила, что процедура приватизации была проведена региональными властями, в то время как завод находился в федеральной собственности, что прямо противоречило действовавшему на тот момент законодательству.

Особую значимость данному делу придает тот факт, что РОМЗ является единственным в России производителем отдельных видов оптико-электронного оборудования для систем вооружения. В ходе судебного разбирательства позиция Генеральной прокуратуры сводилась, в частности, к тому, что смена собственника привела к ненадлежащей и неэффективной организации деятельности предприятия, его производственного процесса, выражающейся в нарушении сроков поставки продукции и уклонении от выполнения поставленных задач для обороноспособности страны. Указанные обстоятельства свидетельствуют о наличии реальных предпосылок к срыву исполнения государственного оборонного заказа со стороны ПАО РОМЗ, что создает угрозу необеспечения Вооруженных сил Российской Федерации продукцией, имеющей особо важное значение в условиях специальной военной операции, и подрыва обороноспособности страны².

2. Дело Челябинского электрометаллургического комбината (2024 г.)

Еще более показательным примером стала деприватизация группы предприятий Челябинского электрометаллургического комбината (ЧЭМК), завершившаяся в марте 2024 г. В данном случае Генпрокуратура инициировала процесс изъятия в государственную собственность не только головного предприятия, но и связанных с ним Серовского и Кузнецкого заводов ферросплавов. Основанием для иска послужил комплекс нарушений: отсутствие обязательного согласия Правительства РФ на приватизацию предприятий стратегического значения; установление контроля со стороны резидентов недружественных государств через сложную цепочку офшорных компаний; прибыль предприятий выводилась через офшорные юрисдикции по заниженной стоимости³.

На основании проведенного анализа можно сформулировать промежуточный тезис о назревающей необходимости создания специального правового режима деприватизации для предприятий ОПК. Такой режим должен учитывать стратегическую важность активов для обороноспособности страны, особенности работы с информацией, составляющей государственную тайну, риски, связанные с двойными технологиями, санкционные ограничения и угрозы технологической блокады.

В отличие от общего порядка деприватизации, который преимущественно регулируется нормами гражданского законодательства, для ОПК требуются специальные основания для деприватизации, особый порядок оценки последствий, механизмы оперативного перехода управления, гарантии технологической безопасности.

Отметим ведущую роль силовых структур в процессах деприватизации. Анализ практики последних лет показывает всевозрастающую роль силовых ведомств в выявлении оснований для деприватизации стратегических предприятий.

¹ Решение Арбитражного суда Ярославской области от 25 сентября 2023 г. по делу № А82-13185/2023 // Электронное правосудие : сайт. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3aeb7b49-8055-4dfd-9fd3-26d331f64b7e/b53357e5-b51c-440d-ac67-9520d706f406/A82-13185-2023_20230925_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 27.04.2025).

² Прокурорское тепловидение. Производителя оптических систем вернули государству // Коммерсантъ : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6729568> (дата обращения: 27.04.2025).

³ Прикосновенность частной собственности. Какие компании Челябинской области перешли в 2024 году государству // Коммерсантъ : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7404910> (дата обращения: 27.04.2025).

Как отмечает Е. Ступанченко, органы прокуратуры продолжают работу по защите экономических интересов России на системной основе, не оставляя без внимания необходимость уголовно-правовой оценки действий должностных лиц, принимавших незаконные решения о приватизации предприятий ОПК и передаче их активов третьим лицам [7, с. 18].

В рассматриваемых правоотношениях ФСБ России выполняет такие ключевые функции, как проведение оперативно-розыскных мероприятий по выявлению иностранного влияния и вывода финансов в офшоры, анализ цепочек бенефициарного владения, а также производит документирование фактов передачи технологий резидентам недружественных государств. Минобороны РФ, в свою очередь, осуществляется экспертиза стратегической значимости предприятий, оценка последствий их деятельности для обороноспособности государства, а также аналитика выполнения гособоронзаказа. В случае с ЧЭМК именно заключение Минобороны о критической важности производимых ферросплавов для оборонной промышленности стало ключевым аргументом в суде. Аналогично по делу РОМЗ решающее значение имела экспертиза ФСБ, доказавшая факты несанкционированного доступа иностранных специалистов к технологиям ночного видения.

Рассмотренные кейсы демонстрируют формирование устойчивой судебной практики по делам о деприватизации оборонных предприятий. В данной категории дел можно выделить следующие закономерности:

- срок исковой давности не применяется к требованиям о признании незаконной приватизации объектов оборонно-промышленного комплекса (ОПК), если такая приватизация нарушает публичные интересы, основы правопорядка или национальную безопасность;
- доказательства иностранного контроля над объектами оборонно-промышленного комплекса служат дополнительным основанием для изъятия имущества в пользу государства, если такой контроль противоречит интересам национальной безопасности или законодательным ограничениям.

По мнению С. Г. Павликова, процесс полной национализации предприятий оборонно-промышленного комплекса представляется маловероятным. Тем не менее деприватизация отдельных объектов возможна при соблюдении двух условий: приобретение объекта по заведомо низкой цене, подтвержденное судом, и отсутствие фактического использования объекта в целях обороны и безопасности государства, несмотря на возможность такого использования [17, с. 76].

В связи с этим при рассмотрении подобных дел приоритет отдается интересам национальной безопасности, а не формальным требованиям гражданского законодательства. Анализ современных тенденций позволяет прогнозировать дальнейшее усиление контроля государства над оборонными предприятиями, особенно в условиях ужесточения санкционного режима и технологического противостояния с западными странами.

Процессы деприватизации оборонных предприятий, активизировавшиеся в 2022–2024 гг., оказывают комплексное воздействие на систему национальной безопасности России. Проведенный анализ позволяет выделить несколько ключевых аспектов этого влияния, имеющих как позитивные, так и потенциально проблемные последствия.

Позитивные эффекты деприватизации проявляются прежде всего в укреплении технологического суверенитета страны. Возврат в государственную собственность стратегически важных активов, таких как Ростовский оптико-механический завод и предприятия группы ЧЭМК, позволил восстановить контроль над критически значимыми производствами. Особую значимость имеет прекращение практики вывода доходов за рубеж через офшорные схемы, что способствует стабилизации финансовых потоков в стратегических отраслях.

Важным следствием деприватизации, безусловно, должно стать повышение эффективности выполнения государственного оборонного заказа на предприятиях, перешедших под контроль государства, в связи с прекращением практики искусственного занижения объемов производства и увеличением бюджетного финансирования модернизации производственных мощностей. С точки зрения технологической безопасности деприватизация позволит пресечь

каналы несанкционированной передачи двойных технологий за рубеж, активизирует процессы восстановления научно-производственного потенциала предприятий.

Как отмечает Л. Н. Сморчкова, деприватизация промышленных предприятий в России является прежде всего мерой стратегической защиты прав и интересов государства, нацеленной на реформирование структуры национальной экономики, а не только вынужденной мерой обеспечения его обороноспособности и безопасности, а также поддержания общественного порядка [18, с. 43].

Между тем потенциальные риски и проблемы процесса деприватизации требуют особого внимания. Наиболее существенным вызовом является необходимость сохранения баланса между государственным контролем и инвестиционным климатом. Процессы деприватизации, особенно когда они касаются предприятий со смешанной собственностью, создают определенные правовые риски для добросовестных инвесторов. Отсутствие четких критериев «стратегической важности» предприятия порождает правовую неопределенность, что может негативно сказаться на притоке частных инвестиций в смежные отрасли промышленности. Миноритарные акционеры, даже если они приобрели акции на публичных биржевых торгах и были добросовестными приобретателями, рискуют потерять свои вложения при деприватизации. Прецеденты последних лет показывают, что суды могут изымать акции у всех владельцев, включая миноритариев, если приватизация признана незаконной.

Отмечается, что выход из кризисной ситуации в национальной экономике видится государству и инвесторам по-разному, в частности, государство обращается к таким инструментам, как деприватизация, тогда как инвесторы стремятся к стабильности и неизменности условий ведения деятельности, в связи с чем экономическая солидарность требует обеспечения баланса публичных и частных интересов при реализации инвестиционных проектов, стабилизации правил игры [19, с. 454].

А. Г. Пархоменко в данном контексте замечает, что национальный интерес предполагает оптимальное сочетание трех составляющих безопасности – государственной, личной и общественной, что требует постоянного мониторинга и принятия своевременных решений для устранения возникающих угроз [16, с. 69]. Поэтому учет интересов добросовестных инвесторов в оборонный сектор являет собой немаловажное слагаемое национальной безопасности.

Представляется, что правовой институт деприватизации является достаточно востребованным, однако отдельные недоработки законодателя на практике приводят к затруднительному его использованию, а иногда и к бесконтрольному применению [14, с. 245]. Рекомендации по совершенствованию правового регулирования процессов деприватизации должны учитывать выявленные тенденции и недостатки.

В первую очередь требуется разработка специального законодательного акта, который четко определял бы критерии отнесения предприятий к стратегически важным; процедуры деприватизации с гарантиями прав добросовестных собственников; механизмы оценки последствий для национальной безопасности. Особое внимание следует уделить созданию гибридных моделей управления, сочетающих государственный контроль с элементами рыночного механизма.

Опыт таких стран, как Китай, показывает, что подобные модели позволяют сохранить стратегический контроль над критическими технологиями, не теряя экономической эффективности, при этом базируются такие процессы на идеологии государственного строительства и укрепления суверенитета.

Так, в 2020 г. в идеологии китайской компартии стала преобладать патриотическая тенденция отхода от западной культуры и негативного отношения к культу богатства, тесно связанная с основной задачей правоохранительных служб – розыском и возвращением эмигрантов-капиталистов вместе с выведенными деньгами на фоне деприватизации. Управлением по репатриации и возвращению активов лиц, скрывающихся от правосудия, Центральной координационной группы по борьбе с коррупцией отрабатывается создание «интегрированного механизма» для преследования таких лиц [13, с. 66].

В перспективе процессы деприватизации должны развиваться в рамках комплексной стратегии технологического суверенитета, где возврат предприятий в государственную собственность будет сочетаться с мерами по развитию кадрового потенциала и модернизации производственных мощностей. Только такой системный подход может обеспечить долгосрочное укрепление национальной безопасности России в условиях глобальной военно-технологической конкуренции.

Кроме того, отмечается, что для «технологического рывка» необходимо структурное изменение в сторону производств, создающих инновационную продукцию с высокой добавленной стоимостью. Для достижения определенных результатов экономического роста на первое место выдвигается государственная промышленная политика [20, с. 95].

Проведенное исследование процессов деприватизации в оборонно-промышленном комплексе России позволяет сделать ряд принципиальных выводов, имеющих важное значение для формирования стратегии национальной безопасности.

Анализ практики 2022–2024 гг. убедительно демонстрирует, что возврат стратегических предприятий под государственный контроль стал не просто ответом на текущие геополитические вызовы, но ключевым элементом долгосрочной политики технологического суверенитета. Особенно показателен в этом отношении опыт реинтеграции таких флагманов оборонной промышленности, как Ростовский оптико-механический завод и Челябинский электрометаллургический комбинат, где деприватизация позволила не только пресечь утечку критических технологий, но и запустить процессы глубокой модернизации производств.

Необходимо подчеркнуть, что эффективность деприватизации как инструмента промышленной политики напрямую зависит от достижения разумного баланса между государственным контролем и сохранением рыночных механизмов управления.

Перспективы развития института деприватизации в российском ОПК тесно связаны с эволюцией Военной доктрины РФ, проект которой должен предусматривать специальные положения о защите критической промышленной инфраструктуры. Ожидается, что новая редакция документа закрепит принципы дифференцированного подхода к управлению оборонными предприятиями в зависимости от степени их стратегической важности.

В свете выявленных тенденций представляется крайне важным обратить внимание законодателей на необходимость разработки специального нормативного акта, который систематизировал бы практику деприватизации оборонных активов. Такой нормативный акт должен определить критерии стратегической значимости предприятий, а также установить гарантии прав добросовестных инвесторов. Отдельного внимания заслуживает вопрос международно-правового оформления процессов деприватизации с учетом растущей интеграции российского ОПК с промышленными комплексами дружественных стран.

Таким образом, деприватизация оборонных предприятий представляет собой сложный, но необходимый элемент трансформации российской экономики в условиях глобальной военно-технологической конкуренции. Ее дальнейшее развитие должно основываться на тщательном анализе накопленного опыта, учете международных тенденций и поиске оптимального сочетания государственных интересов с механизмами рыночной эффективности. Только такой сбалансированный подход сможет обеспечить долгосрочное укрепление оборонного потенциала страны при сохранении перспектив ее экономического развития.

Список литературы

1. Эффективность труда в экономике современной России / Г. П. Ермаков, С. Н. Петряков, А. Л. Хохлов [и др.] // Экономика труда. 2024. Т. 11, № 5. С. 595–614. doi: [10.18334/et.11.5.121040](https://doi.org/10.18334/et.11.5.121040) EDN: [GZNABS](https://elibrary.ru/gznabs)
2. Ефимцева Т. В. Некоторые аспекты правового обеспечения национализации частной собственности // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 3. С. 598–609. doi: [10.21202/2782-2923.2022.3.598-609](https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.598-609) EDN: [TUZANE](https://elibrary.ru/tuzane)
3. Попова И. В. Влияние производственно-экономических факторов на формирование корпоративной модели компетенций при развитии человеческих ресурсов оборонно-промышленного комплекса

плекса // Современная экономика: проблемы и решения. 2023. № 12 (168). С. 22–33. doi: [10.17308/meps/2078-9017/2023/12/22-33](https://doi.org/10.17308/meps/2078-9017/2023/12/22-33) EDN: [LNZRWX](https://www.edn.ru/1NZRWX)

4. Чельшева Н. Ю. Концепция справедливости в процедуре принудительного выкупа имущества для государственных нужд // Нотариус. 2025. № 1. С. 32–35. doi: [10.18572/1813-1204-2025-1-32-35](https://doi.org/10.18572/1813-1204-2025-1-32-35) EDN: [WDGUGT](https://www.edn.ru/WDGUGT)

5. Мазаев В. Д. Конституционализация национализации // Законодательство. 2024. № 4. С. 37–43. doi: [10.58741/16818695_2024_4_37](https://doi.org/10.58741/16818695_2024_4_37) EDN: [WZMGBM](https://www.edn.ru/WZMGBM)

6. Государственная экономическая политика формирования пространственной эффективности в условиях внешних ограничений / И. Н. Макаров, Е. В. Дробот, Х. В. Шеожев [и др.] // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 2069–2080. doi: [10.18334/epp.13.6.118272](https://doi.org/10.18334/epp.13.6.118272) EDN: [WKMWTG](https://www.edn.ru/WKMWTG)

7. Ступанченко Е. Обеспечение законности в сфере оборонно-промышленного комплекса: новые подходы // Законность. 2024. № 7. С. 17–20. EDN: [SHXUCR](https://www.edn.ru/SHXUCR)

8. Гришин О. М. Трансформация российского законодательства в условиях становления многополярного мира: реалии и перспективы // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 3 (71). С. 29–39. doi: [10.24412/2072-9391-2024-371-29-39](https://doi.org/10.24412/2072-9391-2024-371-29-39) EDN: [TJPKTW](https://www.edn.ru/TJPKTW)

9. Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги : монография. М. : Статут, 2017. 432 с. EDN: [YSGBKP](https://www.edn.ru/YSGBKP)

10. Irfan M., Nidar S. R., Azis Y., Widiyanto S. Self-reliant in defense industries: Case study Indonesia // Cogent Business & Management. 2023. Vol. 10, iss. 3. doi: [10.1080/23311975.2023.2262715](https://doi.org/10.1080/23311975.2023.2262715)

11. Padliyyah, S. H. [et al.] Production Management of Self-Propelled Mortar Carrier System in Supporting Defense Industry Independence (Case Study PT. SAS Aero Sishan) // International Journal of Humanities Education and Social Sciences (IJHES). 2024. Vol. 4, № 1. P. 325–338. URL: <https://www.semanticscholar.org/reader/39ac5d841e73520a7010cbaef4acc68246f17231>

12. Reis J., Rosado D. P., Cohen Y., Pousa C., Cavalieri A. Green Defense Industries in the European Union: The Case of the Battle Dress Uniform for Circular Economy // Sustainability. 2022. Vol. 14, iss. 20. doi: [10.3390/su142013018](https://doi.org/10.3390/su142013018)

13. Казакова В. А., Иншаков С. М. Китайский опыт возврата коррупционных активов из-за рубежа // Законодательство. 2025. № 3. С. 65–72. doi: [10.58741/16818695_2025_3_65](https://doi.org/10.58741/16818695_2025_3_65) EDN: [QDKKXZ](https://www.edn.ru/QDKKXZ)

14. Голоманчук Э. В., Попов К. А., Астафурова О. А. Отдельные нюансы и особенности института обращения имущества в доход государства // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 243–246. doi: [10.47643/1815-1337_2023_10_243](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_10_243) EDN: [ZYJHYQ](https://www.edn.ru/ZYJHYQ)

15. Феоктистов А. В., Зернов И. В. Эволюция развития законодательства о национальной безопасности в Российской Федерации // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2023. Т. 11, № 1. С. 68–76. doi: [10.21685/2307-9525-2023-11-1-8](https://doi.org/10.21685/2307-9525-2023-11-1-8) EDN: [RTQCSV](https://www.edn.ru/RTQCSV)

16. Пархоменко А. Г., Портнова Е. В. Обеспечение национальной безопасности как приоритетное направление развития Российского государства // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 1. С. 69–77. doi: [10.21685/2307-9525-2025-13-1-8](https://doi.org/10.21685/2307-9525-2025-13-1-8) EDN: [XXVABH](https://www.edn.ru/XXVABH)

17. Павликов С. Г. К вопросу о промышленной собственности и деприватизации стратегических предприятий в период проведения СВО // Современное право. 2024. № 12. С. 76–78. doi: [10.25799/NL.2024.78.67.015](https://doi.org/10.25799/NL.2024.78.67.015) EDN: [NZOFZZ](https://www.edn.ru/NZOFZZ)

18. Сморгочкова Л. Н. Деприватизация промышленных предприятий в России как мера защиты прав государства // Право и практика. 2024. № 4. С. 43–47. doi: [10.24412/2411-2275-2024-4-43-47](https://doi.org/10.24412/2411-2275-2024-4-43-47) EDN: [XODRKK](https://www.edn.ru/XODRKK)

19. Предпринимательское право: взгляд в будущее: научная школа предпринимательского права МГУ / Е. Г. Афанасьева, В. А. Вайпан, Е. П. Губин [и др.] ; отв. ред. Е. П. Губин, Ю. С. Харитонова. М. : Юстицинформ, 2024. 520 с.

20. Харькова О. М. Направления развития государственной промышленной политики // Экономика и предпринимательство. 2024. № 4 (165). С. 93–96. doi: [10.34925/EIP.2024.165.4.015](https://doi.org/10.34925/EIP.2024.165.4.015) EDN: [OPDKSN](https://www.edn.ru/OPDKSN)

References

1. Ermakov G.P., Petryakov S.N., Khokhlov A.L. et al. Labor efficiency in the economy of modern Russia. *Ekonomika truda = Labor economics*. 2024;11(5):595–614. (In Russ.). doi: [10.18334/et.11.5.121040](https://doi.org/10.18334/et.11.5.121040)

2. Efimtseva T.V. Some aspects of legal support for the nationalization of private property. *Russian Journal of Economics and Law*. 2022;16(3):598–609. (In Russ.). doi: [10.21202/2782-2923.2022.3.598-609](https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.598-609)
3. Popova I.V. The influence of production-economic factors on the formation of a corporate model of competence in the development of human resources of the defense-industrial complex. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya = Modern economics: problems and solutions*. 2023;(12):22–33. (In Russ.). doi: [10.17308/meps/2078-9017/2023/12/22-33](https://doi.org/10.17308/meps/2078-9017/2023/12/22-33)
4. Chelysheva N.Yu. The concept of justice in the procedure of compulsory redemption of property for state needs. *Notarius = Notary*. 2025;(1):32–35. (In Russ.). doi: [10.18572/1813-1204-2025-1-32-35](https://doi.org/10.18572/1813-1204-2025-1-32-35)
5. Mazaev V.D. Constitutionalization of nationalization. *Zakonodatel'stvo = Legislation*. 2024;(4):37–43. (In Russ.). doi: [10.58741/16818695_2024_4_37](https://doi.org/10.58741/16818695_2024_4_37)
6. Makarov I.N., Drobot E.V., Sheozhev Kh.V. et al. State economic policy for the formation of spatial efficiency in the context of external constraints. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Economics, entrepreneurship and law*. 2023;13(6):2069–2080. (In Russ.). doi: [10.18334/epp.13.6.118272](https://doi.org/10.18334/epp.13.6.118272)
7. Stupanchenko E. Ensuring the rule of law in the military-industrial complex: new approaches. *Zakonost' = Legality*. 2024;(7):17–20. (In Russ.)
8. Grishin O.M. Transformation of Russian legislation in the context of the emergence of a multipolar world: realities and prospects. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;(3):29–39. (In Russ.). doi: [10.24412/2072-9391-2024-371-29-39](https://doi.org/10.24412/2072-9391-2024-371-29-39)
9. Vitryanskiy V.V. *Reforma rossiyskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnye itogi: monografiya = Reform of Russian civil legislation: interim results: monograph*. Moscow: Statut, 2017:432. (In Russ.)
10. Irfan M., Nidar S.R., Azis Y., Widiyanto S. Self-reliant in defense industries: Case study Indonesia. *Cogent Business & Management*. 2023;10(3). doi: [10.1080/23311975.2023.2262715](https://doi.org/10.1080/23311975.2023.2262715)
11. Padliyyah S.H. et al. Production Management of Self-Propelled Mortar Carrier System in Supporting Defense Industry Independence (Case Study PT. SAS Aero Sishan). *International Journal of Humanities Education and Social Sciences (IJHESS)*. 2024;4(1):325–338. Available at: <https://www.semanticscholar.org/reader/39ac5d841e73520a7010cbaef4acc68246f17231>
12. Reis J., Rosado D.P., Cohen Y., Pousa C., Cavalieri A. Green Defense Industries in the European Union: The Case of the Battle Dress Uniform for Circular Economy. *Sustainability*. 2022;14(20). doi: [10.3390/su142013018](https://doi.org/10.3390/su142013018)
13. Kazakova V.A., Inshakov S.M. China's experience of returning corrupt assets from abroad. *Zakonodatel'stvo = Legislation*. 2025;(3):65–72. (In Russ.). doi: [10.58741/16818695_2025_3_65](https://doi.org/10.58741/16818695_2025_3_65)
14. Golomanchuk E.V., Popov K.A., Astafurova O.A. Certain nuances and features of the institution of property conversion into state income. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and state: theory and practice*. 2023;(10):243–246. (In Russ.). doi: [10.47643/1815-1337_2023_10_243](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_10_243)
15. Feoktistov A.V., Zernov I.V. Evolution of the development of legislation on national security in the Russian Federation. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2023;11(1):68–76. (In Russ.). doi: [10.21685/2307-9525-2023-11-1-8](https://doi.org/10.21685/2307-9525-2023-11-1-8)
16. Parkhomenko A.G., Portnova E.V. Ensuring national security as a priority direction for the development of the Russian state. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(1):69–77. (In Russ.). doi: [10.21685/2307-9525-2025-13-1-8](https://doi.org/10.21685/2307-9525-2025-13-1-8)
17. Pavlikov S.G. On the issue of industrial property and deprivatization of strategic enterprises during the period of the special military operation. *Sovremennoe pravo = Modern law*. 2024;(12):76–78. (In Russ.). doi: [10.25799/NI.2024.78.67.015](https://doi.org/10.25799/NI.2024.78.67.015)
18. Smorchkova L.N. Deprivatization of industrial enterprises in Russia as a measure to protect the rights of the state. *Pravo i praktika = Law and practice*. 2024;(4):43–47. (In Russ.). doi: [10.24412/2411-2275-2024-4-43-47](https://doi.org/10.24412/2411-2275-2024-4-43-47)
19. Afanas'eva E.G., Vaypan V.A., Gubin E.P. et al. *Predprinimatel'skoe pravo: vzglyad v budushchee: nauchnaya shkola predprinimatel'skogo prava MGU = Business law: a look into the future: Moscow State University Scientific School of Business Law*. Moscow: Yustitsinform, 2024:520. (In Russ.)
20. Khar'kova O.M. Directions for the development of state industrial policy. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economy and entrepreneurship*. 2024;(4):93–96. (In Russ.). doi: [10.34925/EIP.2024.165.4.015](https://doi.org/10.34925/EIP.2024.165.4.015)

Информация об авторе / Information about the author

П. Е. Федоров – аспирант, старший преподаватель кафедры административного, финансового и корпоративного права, Новосибирский государственный университет экономики и управления, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 52/1. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7357-7693>

P.E. Fedorov – Postgraduate Student, Senior Lecturer at the Department of Administrative, Financial and Corporate Law, Novosibirsk State University of Economics and Management, 52/1 Kamenskaya street, Novosibirsk, 630099. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7357-7693>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /

The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 30.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.06.2025

Принята к публикации / Accepted 30.07.2025

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 351

EDN: YGILHP

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-9

УТОЧНЕНИЕ ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОПРОСОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Инара Дамировна Ягофарова

Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук, Москва, Россия

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

vaina3@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Проблема обеспечения общественной безопасности представляет собой одну из приоритетных областей научных исследований. В этой связи возникает объективная потребность в совершенствовании методологических подходов и теоретико-правового инструментария в исследовании вопросов обеспечения общественной безопасности. Проведение комплексного анализа механизма обеспечения общественной безопасности позволяет углубить знания в области разработки концептуальных моделей и методов организации системы общественной безопасности. Однако подавляющее большинство исследователей ограничивается лишь описанием отдельных компонентов указанного механизма либо акцентирует внимание исключительно на проблематике реализации мер правового реагирования, тогда как вопрос формирования целостной понятийно-категориальной базы остается недостаточно изученным и требует дополнительного научного осмысления. Целью данного исследования является уточнение базовых категорий национально-государственной идентичности в контексте исследования проблем общественной безопасности. *Материалы и методы.* Реализация поставленных задач осуществлялась на основе теоретических работ исследователей в сфере философии, социологии, юриспруденции, занимающихся созданием теоретических конструкций базовых понятий национальной государственности. Методологическая база исследования была представлена преимущественно системным, структурно-функциональным методами, которые позволили рассмотреть исследуемые понятия в их структурном содержании и понять существенные особенности. *Результаты.* Результатом проведенного исследования стало уточнение общепринятых категорий государственно-правового характера, необходимых для проведения дальнейших исследований в сфере обеспечения общественной безопасности. *Выводы.* Создание обновленных формулировок базовых понятий дает возможность иначе взглянуть на их функциональный потенциал и его применимость при изучении вопросов обеспечения общественной безопасности.

Ключевые слова: общественная безопасность, нация, государство, этнос, страна, общество

Финансирование: исследование выполнено в рамках реализации государственного задания «Комплексное исследование проблем общественной безопасности как стратегического приоритета национальной безопасности Российской Федерации» (FFFZ-2025-0001).

Для цитирования: Ягофарова И. Д. Уточнение понятийно-категориального аппарата национально-государственной идентичности в контексте исследования вопросов обеспечения общественной безопасности // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 3. С. 82–92. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-9 EDN: YGILHP

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

Original article

CLARIFICATION OF THE CONCEPTUAL AND CATEGORIAL APPARATUS OF NATIONAL-STATE IDENTITY IN THE CONTEXT OF RESEARCHING ISSUES OF ENSURING PUBLIC SAFETY

Inara D. Yagofarova

Security Problems Studies Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

vaina3@yandex.ru

Abstract. *Background.* Today, the problem of ensuring public safety is one of the priority areas of scientific research. In this regard, there is an objective need to improve methodological approaches and theoretical and legal tools in the study of public safety issues. Conducting a comprehensive analysis of the mechanism for ensuring public safety makes it possible to deepen knowledge in the field of developing conceptual models and methods of organizing the public safety system. However, the vast majority of researchers limit themselves to describing only the individual components of this mechanism or focus exclusively on the problems of implementing legal response measures, while the issue of forming an integrated conceptual and categorical framework remains insufficiently studied and requires additional scientific understanding. As practice shows, research will only be systematic when universal categories of a theoretical order are used. Therefore, the purpose of this study is to clarify the basic categories of national and state identity in the context of the study of public security issues. *Materials and methods.* The implementation of the tasks set was carried out on the basis of the theoretical work of researchers in the field of philosophy, sociology, and jurisprudence engaged in the creation of theoretical constructions of the basic concepts of national statehood. The methodological base of the study was represented mainly by systemic, structural and functional methods, which allowed us to consider the concepts under study in their structural content and understand their essential features. *Results.* The result of the study was the clarification of generally accepted categories of a state-legal nature necessary for further research in the field of public safety. *Conclusions.* The creation of updated formulations of basic concepts provides an opportunity to take a different look at their functional potential and its applicability in the study of public safety issues. Among other things, this acts as a catalyst for the formation of an improved categorical and conceptual framework necessary for the implementation of subsequent scientific research.

Keywords: public safety, nation, state, ethnicity, country, society

Financing: the study was carried out as part of the implementation of the state task "Comprehensive study of public security issues as a strategic priority of the national security of the Russian Federation" (FFFZ-2025-0001).

For citation: Yagofarova I.D. Clarification of the conceptual and categorical apparatus of national-state identity in the context of researching issues of ensuring public safety. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(3):82–92. (In Russ.). doi:10.21685/2307-9525-2025-13-3-9

Введение

Вопросы общественной безопасности и ее структурных компонентов активно исследуются различными авторами. Однако стоит отметить, что многие исследователи указывают на недостаточную разработанность понятийно-категориального аппарата в данной области, что проявляется не только в теоретических исследованиях, но и в стратегических документах.

Заслуживают внимания работы С. И. Гирько, который являлся одним из разработчиков Концепции общественной безопасности, утвержденной Президентом Российской Федерации 20 ноября 2013 г.¹, и неоднократно подчеркивал эту проблему в своих исследованиях [1, 2]. А. М. Воронов, также занимающийся вопросами общественной безопасности, акцентирует внимание на наличии терминологических трудностей, а также сложностях в понимании сущности и структуры теории безопасности, что отрицательно сказывается на эффективности ее реализации. В условиях возрастающей значимости вопросов общественной безопасности возникает необходимость переосмысления традиционных категорий с учетом современных трендов и специфики исследования данных вопросов. Целью проводимого исследования является уточнение понятийно-категориального аппарата национально-государственной идентичности, что связано с определением и систематизацией терминов и концепций, используемых для изучения вопросов общественной безопасности. Этот процесс важен для формирования общего понимания и согласованности в научных исследованиях, а также для разработки эффективной политики в области общественной и национальной безопасности.

Методология

Методологическая база исследования понятийного аппарата государственной и национальной идентичности должна носить интегративный характер и включать совокупность концептуальных подходов, позволяющих раскрыть разнообразные аспекты сложных социальных феноменов. Применение философских методов дало возможность проанализировать сущностные черты изучаемых категорий и понятий в их диалектическом взаимодействии. Научные методы анализа и синтеза позволили выделить структурные компоненты понятий и явлений. Основное внимание было уделено системному и функциональному подходам, благодаря чему стало возможным осмысление общепринятых категорий и их семантического содержания сквозь призму актуальных условий и интерпретаций.

Обсуждение

Концептуально-категориальная структура национальной государственной идентичности является весьма обширной, но основополагающими элементами выступают ключевые категории, такие как «государство», «страна», «нация» и «общество». Эти элементы имеют особую значимость в контексте исследований, касающихся вопросов безопасности в широком смысле.

Несмотря на распространенное среди широкой публики восприятие понятий «страна» и «государство» как взаимозаменяемых, между ними существуют значительные различия, которые можно проиллюстрировать через известное высказывание Е. А. Евтушенко: «Я так люблю свою страну, но ненавижу государство!» Исследование природы, структуры и характеристик функционирования государства, а также национальной идентичности осуществляется посредством семантического выражения соответствующих концепций.

Традиционное понимание государства как института власти, действующего в рамках определенной территории и обладающего аппаратом управления и принуждения, является устоявшимся. Страна же понимается как некое географическое пространство, занимаемое определенным государством, со своими природными, климатическими особенностями. Однако процессы трансформации национально-территориального государственного устройства, вызванные разнообразными факторами, требуют от теории государства и права разработки новых содержательных определений государства и страны в целом.

Понятие государства, его сущностная характеристика и историческая трансформация представляют собой центральную категорию исследований, посвященных изучению государственно-правовых институтов и системы права. Традиционно государство понимают как

¹ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации : (утв. Президентом РФ 20 ноября 2013 г.) // ГАРАНТ.РУ (Garant.ru) : информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70425172/?ysclid=mdhbbuky7t984983893> (дата обращения: 15.04.2024).

политико-территориальную суверенную организацию публичной власти¹. Вместе с тем имеются альтернативные концепции интерпретации природы государства. Так, согласно точке зрения А. В. Слепнева, целесообразно рассматривать государство не только как инструмент осуществления властных полномочий, но и как самостоятельный субъект правоотношений, институты которого выражают интересы государственного образования в целом [3]. В таком ракурсе автор отступает от общепринятой концепции «государство-власть» и рассматривает государство как особый субъект права. При этом он отмечает, что государственный служащий является объектом, позволяющим государству приобрести правосубъектность. Органы государства – это средство для достижения стоящих перед ним целей и задач.

Также заслуживает внимания точка зрения Ф. В. Мусатова, предлагающего трактовать государство в качестве правовой корпорации, представляя его в виде своеобразной триады:

- объект права является итогом коллективной деятельности правового сообщества;
- субъект права выражает единую волю данной корпоративной структуры во внешнем мире;
- правоотношение представляет собой целостную систему, сформированную через взаимодействие участников корпоративных правовых связей [4].

Автор акцентирует внимание именно на корпоративности как ключевом признаке государства, не отрицая значения прочих характеристик (суверенитета, территории и пр.). Его позиция интересна, однако она лишена общего подхода к определению роли и места государства в общественной жизни.

Научная юридическая литература традиционно характеризуется ограниченным количеством авторских концепций, резко расходящихся с общепринятыми представлениями относительно дефиниции государства ввиду присущей ей тенденции к унификации понятийного аппарата внутри определенного исторического периода ее формирования. Однако современные процессы глобализации и цифровой трансформации выдвигают настоятельную потребность переосмысления существующих доктринальных положений о сущности государства и общества. В связи с этим возникают разнообразные теоретико-методологические и прикладные трудности, обусловленные необходимостью уточнения природы государственных институтов, модификацией их структурной организации, функционального предназначения и взаимозависимости указанных субъектов общественной жизни.

Анализ концептуальных оснований государственного устройства большинством исследователей осуществляется преимущественно посредством позитивистского подхода, акцентирующего внимание на выявлении совокупности присущих государству устойчивых признаков, характеристик и институциональных конструкций. Однако подобное исследовательское направление обладает существенными ограничениями ввиду своей статичности, исключающей рассмотрение процессов динамического изменения государственности и эволюции механизмов поддержания идентичности и стабильности государственных образований в исторической перспективе.

Дополнительно широкое распространение получил аналитико-математический подход, основывающийся на принципах системного анализа. В рамках данного направления утверждается необходимость изучения отдельных элементов государственной структуры для адекватной интерпретации интегральной организации системы («целое познается через части»). Подобная стратегия исследования является традиционной и доминирующей при изучении морфологических аспектов государственно-правовых институтов. Системный подход в широком смысле наиболее распространенный по причине того, что государство представляет собой сложное образование, единство которого обусловлено закономерностью функционирования его частей. Однако системный метод не всегда применим в качестве единственного инструмента познания. В условиях современного развития государственно-правовых образований целесообразным является комбинирование методов научного познания.

¹ Теория государства и права : учебник для вузов / под ред. В. К. Бабаева. М. : Юрайт, 2024. 620 с.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на функциональный подход к понятию и сущности государства, предполагающий изучение государства через призму его деятельности и реализации функций, что представляется весьма значимым именно в рамках анализа проблем обеспечения национальной безопасности. Функциональный подход зародился в недрах системного анализа, что можно видеть, например, в рассуждениях Э. Г. Юдина, который среди основных методологических направлений, ориентированных на изучение системных объектов, выделял структурно-функциональный анализ, структурализм, системный подход [5, с. 123].

Универсальный постулат функционализма утверждает, что изучаемые объекты непременно обладают функциональными характеристиками, нуждающимися в систематическом научном анализе. Функциональные признаки носят универсальный характер, несмотря на различия в проявлениях. Определенный ряд общих функций присущ каждому представителю данной категории объектов, демонстрируя, таким образом, свою универсальность – эти общие функции формируют ядро единой системы функциональных признаков. Следовательно, каждый отдельный объект внутри этой категории обладает уникальным набором функций, отличным от аналогичных наборов других объектов, однако обязательно включающим все элементы ядра универсальных функций своей категории.

Именно наличие определенного множества фундаментальных атрибутивных характеристик объекта исследования обуславливает адекватное постижение его сущностных свойств и структурных особенностей в полном объеме.

В рамках функционалистской парадигмы государство интерпретируется как социально-институциональная система интегральных связей, создающая целостную общественно-политическую и юридически оформленную действительность.

Толкование государства с позиции функционализма использовал в своих трудах Т. Гоббс, рассматривая его с точки зрения поддержания порядка и обеспечения безопасности жизнедеятельности. С. Хантингтон также считает, что главной целью государства является формирование устойчивых механизмов национальной идентичности и защиты от потенциальных внешних угроз [6]. Многие исследователи так или иначе в понятие сущности государства закладывают идею обеспечения безопасности в целом.

Результаты

Следуя логике рассуждений, можно утверждать, что оптимальным является использование структурно-функционального подхода к трактовке понятия и сущности государства, в основе которого находится суждение о том, что каждая часть целостной системы функциональна и вносит свой вклад в достижение системных целей.

Использование метода структурно-функционального анализа позволяет трактовать государство как институциональный механизм коллективного действия, организованный обществом для эффективного распределения ресурсов, регулирования общественных отношений, защиты прав граждан и обеспечения национальной безопасности. Подобное действие реализуется через совокупность официально установленных правил социального взаимодействия, инициированных узким кругом уполномоченных субъектов власти от имени населения. Данный подход акцентирует внимание на ключевых функциях государства, связанных с обеспечением безопасности территории и жизнеобеспечением гражданского населения в пределах установленной государственной границы. Таким образом, суть подобного анализа состоит в рассмотрении функционального воздействия структурных элементов друг на друга в рамках единой системы, в которую они включены [7, с. 120].

Структурно-функциональный анализ позволяет выявить природу государства через определение конкретного воздействия, оказываемого на другие объекты и явления. В контексте настоящего исследования данный метод дает возможность исследовать государство посредством анализа обеспечения гарантий национальной безопасности.

Понятие «страна», будучи смежным с такими категориями, как «государство», «этнос», «нация», не характеризуется абсолютной синонимичностью с ними. Страноведческая пара-

дигма предполагает интерпретацию данного термина как специфического геопространственного образования, занимаемого отдельным суверенным политическим субъектом (государством), обладающим характерными особенностями природных условий, климатических зон, культурных традиций и исторического развития. Семантическая структура понятия «страна» акцентирует внимание на единстве территории, нации и этноса, представляя комплексную духовную сущность государства, формируемую совокупностью территориальных, национальных и этнических компонентов.

В литературе зачастую понятие «страна» соотносят с понятием «этнос», с позиции особенностей проживающей на определенной территории этнической общности [8]. Однако это не совсем верно, поскольку рассмотрение этих двух категорий происходит в разных плоскостях и социокультурные особенности страны не всегда тождественны определяющему этносу. Скорее наоборот – исторические, культурные и иные страновые компоненты зачастую определены смешением этносов, национальных групп и т.д. Именно поэтому приемлемым является понимание страны как результата социально-культурной деятельности индивидов в процессе их исторического взаимодействия. Страна является системой коммуникативных взаимодействий индивидов с целью хранения и передачи накопленного опыта.

В соответствии со структурно-функциональной концепцией государства, ориентированной на всестороннее укрепление национальной безопасности, страна выступает категорией, включающей широкий круг проблем – от защиты государственного суверенитета, сохранения территориального единства, поддержания экономической устойчивости, обеспечения кибербезопасности до укрепления обороноспособности страны. Все эти аспекты тесно связаны между собой и нуждаются в комплексном подходе для успешного выполнения функции обеспечения национальной безопасности. Целесообразно с учетом вызовов современности рассматривать страну в качестве субъекта международных отношений, целью которого является защита своего населения, территории, ресурсов, экономических, социальных, культурных интересов и политических институтов от внешних угроз и внутренних дестабилизирующих факторов.

Соотношение базовых понятий государственной идентичности «государство» и «страна» предполагает понимание категории «страна» как социокультурной реальности, где «государство» выступает как институт управления и регулирования этой реальности. Обеспечение национальной безопасности зависит от устойчивости реализации принятых решений и эффективности функционирования государственного сектора.

Понятие государства неразрывно связано с обществом, так как оно представляет собой важную составляющую последнего. Общество традиционно воспринимается как совокупность отдельных лиц, групп и взаимоотношений между ними. Сторонники атомистической теории рассматривали результат такого взаимодействия как формирование социальных взаимосвязей, направленных на достижение конкретных целей. Данная позиция основывается на принципах системно-структурной методологии, согласно которой общество расчленяется на элементарные составляющие – индивидуальных субъектов и коллективные образования. Вместе с тем системный подход ограничен рамками анализа структуры и функционирования общественных элементов, исключая исследование субъективных представлений самих индивидов относительно назначения и функций социальной системы.

Следует особо отметить, что системная методология преимущественно используется в социально-гуманитарных науках для исследования общества и социальной структуры, обладая при этом рядом особенностей и отличий, обусловленных разнообразием исследовательских подходов. В данном контексте представляет значительный научный интерес подход А. А. Давыдова, согласно которому общество рассматривается как результат взаимодействия индивидов и оно оказывает обратное влияние на это взаимодействие [9]. С точки зрения автора, основной целью общества является реализация «экстремальных принципов», направленных на изменение количественных и качественных показателей различных элементов общественного бытия (числа субъектов, свойств, отношений и иных переменных). К числу

выделяемых автором базисных регуляторов относятся гедонистический принцип, выражающийся в стремлении максимизировать положительные переживания и минимизировать отрицательные эмоции, принцип «максимина», заключающийся в достижении оптимальных результатов при минимизации затрат ресурсов и риска, а также целенаправленная коррекция позитивных факторов и устранение негативных моментов путем модификации социального качества, характера межличностных взаимодействий и преобразования структурных составляющих общества.

Понятие общества представляет собой социальную категорию, характеризующую отсутствием формализованного определения в нормативно-правовом поле, за исключением области гражданского законодательства, где оно приобретает специфическое значение исключительно в контексте юридических лиц.

Согласно общей теории государства и права, направленной на изучение сущностных характеристик, универсальных законов и динамических тенденций возникновения, эволюции и функциональной реализации государственно-правовых институтов во взаимосогласованном взаимодействии, формализующей базовые концептуальные дефиниции и категориально-понятийный аппарат применительно ко всей совокупности правовых дисциплин, общество представляется совокупностью индивидуумов, объединенных ради обеспечения прогрессивного общественного прогресса и поддержания устойчивого уровня защищенности посредством формирования специализированных структурных подразделений внутреннего характера. Подобное теоретико-методологическое представление является релевантным рассматриваемой проблематике и находит свое адекватное применение при исследовании актуальных аспектов обеспечения общественной безопасности.

Уточняя понятие общества в контексте вопросов общественной безопасности, методологически оправданным будет вновь прибегнуть к применению структурно-функционального анализа, согласно которому общество представляет собой совокупность индивидов, взаимосвязанных посредством комплекса социальных институтов, выполняющих функцию поддержания внутренней устойчивости данной системы через реализацию функций социального контроля и регулирования, направленных на обеспечение условий социальной стабильности и безопасности личности в рамках конкретной территориальной локализации.

В исследованиях, посвященных национальной идентичности, можно встретить рассмотрение общества в соотношении с понятиями «нация», «народ», «этнос» [10, 11]. В плане исследования вопросов общественной безопасности и в контексте национально-государственной идентичности интерес представляет понятие нации. Современная система обеспечения национальной безопасности должна учитывать сущность и содержание категории «нация». В науке отсутствует единое понимание данной категории. Смысловое содержание зависит от предметной сферы исследования. В словаре Д. Н. Ушакова нация (от лат. «natio» – племя, народ) обозначена как историческая общность людей, выражающая сформировавшуюся исторически устойчивую совокупность индивидов, объединенных общим происхождением, единым ареалом проживания, экономическими связями, языковой идентичностью, а также особенностями этнокультурного и ментального характера¹. Если понятия «этнос», «народ» преимущественно акцентируют внимание на культурных либо территориальных аспектах социальной группы, то, согласно данным портала Национального корпуса русского языка, понятие «нация» связано с понятием государственности (нация – корпорация – государство)². Таким образом, категории «этнос», «народ» и «нация» взаимосвязаны, однако каждая обладает собственной специфической смысловой нагрузкой и функциональностью в рамках социальных наук.

Целесообразно трактовать этнос как исторически сформировавшуюся совокупную группу индивидов, характеризующую комплексом общих признаков, таких как единое происхождение, языковая идентичность, тип хозяйствования и другие атрибутивные характери-

¹ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : АСТ : Астрель, 2004. 1268 с.

² Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 27.04.2025).

стики. Понятие народа отражает динамику развития этноса, обусловленную непрерывной трансформацией состава населения, изменением среды обитания и образа жизни, вследствие чего правомерно выделение специфических характеристик политической, территориальной и наднациональной политико-территориальной общности [12]. Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что наивысшей формой становления этнических групп выступает нация [13]. Важно подчеркнуть, что нация представляет собой неоднородную структуру, испытывающую воздействие всех объективных исторических процессов, социальных потрясений, демографических сдвигов и прочих факторов социокультурной динамики. В реальности этнос редко проявляется в своем первозданном виде – гораздо чаще наблюдается реализация данной сущности через промежуточные формы народности либо непосредственно через национальную организацию общества [14]. По мнению М. П. Фомиченко, в нации основным ядром является гражданская общность, формирующаяся под влиянием территориальных и политических условий, детерминирующих государственную национальную политику, где национальные интересы становятся идеологической основой всей политической жизни [15].

В XIX столетии значительное число теоретиков выдвигало гипотезу о неизбежной маргинализации феноменов этничности и национализма вследствие процессов глобализации. Однако действительность продемонстрировала прямо противоположное развитие событий: распад ряда полиэтнических государств сопровождался интенсификацией этнических и национальных проблем, что отчетливо проявляется как в научных концепциях, так и в практическом обеспечении национальной безопасности государств. Таким образом, традиционные модели и представления оказались несостоятельными и нуждаются в переосмыслении, в том числе и концепция нации как финальной стадии эволюции этнического сообщества. Согласно позиции А. Р. Сулейманова, этносы надлежит рассматривать исключительно как феномен социокультурного и историографического порядка, который принципиально несводим к государственно-политической категории нации [16]. Современные исследования подчеркивают отсутствие исторических примеров чисто моноэтнических наций, вследствие чего представляется некорректным утверждение о доминирующей роли этнического фактора в процессе национального строительства.

Пониманию нации посвящено множество работ, где исследователи рассматривают нацию:

- *в культурном измерении* как общность людей, связанных между собой общими обычаями, языком, религией и исторической судьбой;
- *в психологическом аспекте* – общность людей, связанных отношениями внутренней лояльности и патриотизма;
- *в политическом измерении* – общность людей, осознающая себя как естественно сложившееся политическое сообщество, что чаще всего находит выражение в стремлении к обретению – или сохранению – государственности.

В. А. Тишков считает, что нация – это категория семантико-метафорическая, которая обрела в истории большую эмоциональную и политическую легитимность и которая не стала и не может быть категорией анализа, т.е. стать научной дефиницией [17].

И все же в последнее время наблюдается тенденция к пониманию нации через отношение к государству. Стоит отметить, что многие исследователи прошлого понимали нацию и государство как синонимы. Например, Ж.-Ж. Руссо рассматривал нацию как «народ, имеющий constitution». Именно он понимал нацию как общность людей, связанных гражданством вне зависимости от культурной или этнической принадлежности [18]. Во времена Французской революции слово «нация» стало означать уроженцев страны и государство как политическое целое. А. Мюллер определяет государство как результат окончательного оформления нации как органической целостности. В 1920 г. Л. Дюги ввел в оборот понятие «нация-государство», основным признаком которого является суверенитет [19]. В современном понимании нация все чаще рассматривается исходя из категорий «гражданское общество» и «государство». Американский политолог К. Дойч кратко и однозначно определяет нацию как

народ, обладающий государством [20]. Сказанное дает возможность понимать нацию как социально-политическое образование, характеризующееся органическим синтезом институтов гражданского общества и государственной власти, выступающих как взаимодополняющие компоненты единого социокультурного пространства. Данный феномен определяется диалектической взаимосвязью общественного самоуправления и легитимной властной структуры, обеспечивающей нормативное регулирование общественных отношений, защиту суверенитета нации и реализацию общенациональных интересов.

Стрежнем нации является государство, без него нации быть не может. И в этом плане понятие нации близко к понятию страны [21].

Выводы

Проведенный научно-исследовательский анализ позволяет сделать вывод о наличии существенного взаимовлияния между категориями, характеризующими национально-государственную идентичность в контексте обеспечения общественной безопасности. Понятие нации представляется тесно связанным с функционированием государственной системы и структурой гражданского общества, включая институциональную основу политических движений, ориентированных на достижение коллективных целей. Нация объективируется посредством двуединства государственных институтов и общественных структур, при этом национальные интересы реализуются через государственные механизмы, тогда как общественные институты выступают выразителями интересов нации. На территории России проживает более 190 различных этносов – наций, народностей, национальных и этнических групп, обладающих политической субъектностью. Следовательно, общество выступает интегрирующей категорией, отражающей совокупные интересы всех проживающих граждан, прочие дефиниции акцентируют внимание преимущественно на организационных формах социального устройства и территориальной локализации соответствующих сообществ.

Аналитический обзор убедительно свидетельствует о продолжающейся эволюции терминологического понимания, и это абсолютно объективно, поскольку постоянно усложняющаяся политико-юридическая реальность обуславливает необходимость формирования инновационных методологических ориентиров и теоретических конструктов применительно к традиционно устойчивым элементам категориального аппарата государства и права.

Терминологические конструкции, предложенные в рамках настоящего исследования, обладают дискуссионной природой, что свидетельствует о потребности активизации усилий научного и практического сообщества относительно модернизации понятийно-категориальной системы, применяемой в области обеспечения общественной безопасности. Анализ правовых документов нормативного и стратегического уровня выявляет наличие определенного понятийного инструментария, который тем не менее требует дальнейшего уточнения и расширения для повышения точности и адекватности описания соответствующих социальных явлений и процессов.

Список литературы

1. Гирько С. И. Обоснована ли пролонгация Концепции общественной безопасности в Российской Федерации? // Диалог. 2019. № 2 (14). С. 6–15. EDN: [UXZHEA](#)
2. Гирько С. И. Общественная безопасность Российской Федерации: состояние и дальнейшие шаги развития // Административное право и процесс. 2023. № 8. С. 3–8. doi: [10.18572/2071-1166-2023-8-3-8](#) EDN: [NUKWUW](#)
3. Слепнев А. В. Государство как субъект правоотношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2009. 21 с. EDN: [NKXOUT](#)
4. Мусатов Ф. В. Государство как субъект права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Екатеринбург, 2016. 36 с. EDN: [ZQARJH](#)
5. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. М. : Наука, 1978. 391 с. EDN: [RVPAQZ](#)
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю. Новикова, Т. Велимеева ; под общ. ред. К. Королева. М. : АСТ, 2003. 608 с. EDN: [TUPBEP](#)

7. Коломенская Е. В. Функциональный подход к исследованию договора // Журнал российского права. 2005. № 5 (101). С. 113–124. EDN: [OPCTIB](#)
8. Семенов Ю. И. Народ, этнос, нация. Статья первая. Общество, население, этнос // Философия и общество. 2013. № 1 (69). С. 21–55. EDN: [PZQAMV](#)
9. Давыдов А. А. К вопросу об определении понятия «общество» // Социологические исследования. 2004. № 2 (238). С. 12–23. EDN: [OWRPQP](#)
10. Мальцев К. Г., Алавердян А. Л. Нация, народ, население: «национальная» политическая форма гражданского общества // Социально-политические науки. 2023. Т. 13, № 1. С. 99–110. doi: [10.33693/2223-0092-2023-13-1-99-110](#) EDN: [GVZSEN](#)
11. Семенов Ю. И. Народ, этнос, нация. Статья вторая. Общество, политодемотия, нация // Философия и общество. 2013. № 2. С. 5–27. EDN: [RCGAEP](#)
12. Конюхова И. А. Современный российский федерализм и мировой опыт: итоги становления и перспективы развития : монография. М. : Городец, 2004. 587 с. EDN: [QVXXFV](#)
13. Фомиченко М. П. Учредительная власть: конституционно-правовые вопросы. М. : Книга по требованию, 2017. 467 с.
14. Мнацаканян М. О. Интегрализм и национальная общность: новая этносоциологическая теория. М. : Анкил, 2001. 301 с. EDN: [QWKBP](#)
15. Фомиченко М. П. К вопросу о российской нации и национальных интересах // Военное право. № 1 (47). 2018. С. 299–305. EDN: [YLQQMY](#)
16. Сулейманов А. Р. Этносы и нации в стратегии национальной безопасности Российской Федерации: политологический аспект // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2013. № 17. С. 83–87. EDN: [RLEPRP](#)
17. Тишков В. А. Нация наций: о подходах к пониманию России. М. : Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2023. 69 с. doi: [10.33876/978-5-4211-0299-1/2023-12/1-69](#) EDN: [EHVYVA](#)
18. Шаблинский А. И. Жан-Жак Руссо о разделении власти в федеральной политике и «волях нации» // Философия. Журнал высшей школы экономики. 2021. Т. 5, № 4. С. 201–226. doi: [10.17323/2587-8719-2021-4-201-226](#) EDN: [YQASSP](#)
19. Рыбаков С. В. О некоторых линиях становления и развития политологии // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 8 (182). С. 9–16. EDN: [HYBVVE](#)
20. Deutsch K. W. Nationalism and Social Communication. Cambridge, 1986. 620 p.
21. Общая теория национальной безопасности / под общ. ред. А. А. Прохожева. М. : РАГС, 2005. 338 с. EDN: [QODSTT](#)

References

1. Gir'ko S.I. Is the extension of the Concept of Public Security in the Russian Federation justified? *Dialog = Dialogue*. 2019;(2):6–15. (In Russ.)
2. Gir'ko S.I. Public safety of the Russian Federation: status and further development steps. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and procedure*. 2023;(8):3–8. (In Russ.). doi: [10.18572/2071-1166-2023-8-3-8](#)
3. Slepnev A.V. *The state as a subject of legal relations*: PhD abstract. Moscow, 2009:21. (In Russ.)
4. Musatov F.V. *The state as a subject of law*: PhD abstract. Ekaterinburg, 2016:36. (In Russ.)
5. Yudin E.G. *Sistemnyy podkhod i printsip deyatel'nosti. Metodologicheskie problemy sovremennoy nauki = Systematic approach and principle of activity. Methodological problems of modern science*. Moscow: Nauka, 1978:391. (In Russ.)
6. Khantington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy = Clash of civilizations*. Translated from English by Yu. Novikov and T. Velimeev. Moscow: AST, 2003:608. (In Russ.)
7. Kolomenskaya E.V. Functional approach to contract research. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2005;(5):113–124. (In Russ.)
8. Semenov Yu.I. People, ethnos, nation. Article one. Society, population, ethnos. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and society*. 2013;(1):21–55. (In Russ.)
9. Davydov A.A. On the issue of defining the concept of “society”. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2004;(2):12–23. (In Russ.)
10. Mal'tsev K.G., Alaverdyan A.L. Nation, people, population: the “national” political form of civil society. *Sotsial'no-politicheskie nauki = Social and political sciences*. 2023;13(1):99–110. (In Russ.). doi: [10.33693/2223-0092-2023-13-1-99-110](#)

11. Semenov Yu.I. People, ethnicity, nation. Article two. Society, political democracy, nation. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and society*. 2013;(2):5–27. (In Russ.)
12. Konyukhova I.A. *Sovremennyy rossiyskiy federalizm i mirovoy opyt: Itogi stanovleniya i perspektivy razvitiya: monografiya = Modern Russian federalism and world experience: Results of formation and development prospects: monographs*. Moscow: Gorodets, 2004:587. (In Russ.)
13. Fomichenko M.P. *Uchreditel'naya vlast': konstitutsionno-pravovyye voprosy = Constituent power: constitutional and legal issues*. Moscow: Kniga po trebovaniyu, 2017:467. (In Russ.)
14. Mnatsakanyan M.O. *Integralizm i natsional'naya obshchnost': novaya etnosotsiologicheskaya teoriya = Integralism and national community: a new ethnosociological theory*. Moscow: Ankil, 2001:301. (In Russ.)
15. Fomichenko M.P. To the issue of the Russian nation and national interests. *Voennoe pravo = Military law*. 2018;(1):299–305. (In Russ.)
16. Suleymanov A.R. Ethnicities and nations in the National security strategy of the Russian Federation: political science aspect. *Strategiya ustoychivogo razvitiya regionov Rossii = Strategy for sustainable development of Russian regions*. 2013;(17):83–87. (In Russ.)
17. Tishkov V.A. *Natsiya natsiy: o podkhodakh k ponimaniyu Rossii = Nation of nations: on approaches to understanding Russia*. Moscow: Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN, 2023:69. (In Russ.). doi: [10.33876/978-5-4211-0299-1/2023-12/1-69](https://doi.org/10.33876/978-5-4211-0299-1/2023-12/1-69)
18. Shablinskiy A.I. Zhan-Zhak Jean-Jacques Rousseau on the division of powers in federal polity and the "will of the nation". *Zhurnal vysshey shkoly ekonomiki = Journal of the Higher School of Economics*. 2021;5(4):201–226. (In Russ.). doi: [10.17323/2587-8719-2021-4-201-226](https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-4-201-226)
19. Rybakov S.V. On some lines of formation and development of political science. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura = Ethnosociety and interethnic culture*. 2023;(8):9–16. (In Russ.)
20. Deutsch K.W. *Nationalism and Social Communication*. Cambridge, 1986:620.
21. Prokhozhev A.A. (ed.). *Obshchaya teoriya natsional'noy bezopasnosti = General theory of national security*. Moscow: RAGS, 2005:338. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

И. Д. Ягофарова – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник, Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук, 117335, г. Москва, ул. Гарибальди, 21Б; доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования, Уральский государственный экономический университет, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта 62. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8508-7920>

I.D. Yagofarova – Candidate of Law, Associate Professor, Senior Researcher, Security Problems Studies Center of the Russian Academy of Sciences, 21B Garibaldi street, Moscow, 117335; Associate Professor of the Department of Competition Law and Antitrust Regulation, Ural State University of Economics, 62 8 Marta street, Yekaterinburg, 620144. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8508-7920>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /

The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 28.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.06.2025

Принята к публикации / Accepted 30.07.2025

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Научная статья

УДК 316.3/4

EDN: WKDWNA

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-10

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В АСПЕКТЕ СОЦИАЛЬНОСТИ

Людмила Геннадьевна Лебедева

Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

ludleb@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Вопрос о социальности государства становится все более актуальным, поскольку социальность является сущностной стороной и характеристикой направленности и результатов деятельности субъектов жизнедеятельности общества. Социальные государства берут на себя определенные социальные обязательства перед населением. В России положение о социальном государстве закреплено в Конституции РФ 1993 г. Гражданское общество изначально выступает формой отстаивания социальных прав и интересов граждан и их разнообразных организаций. Цель статьи – анализ дискуссионных аспектов взаимодействия в российском обществе государства и гражданского общества в солидарном и эффективном решении объективно необходимых и осознаваемых задач социально-экономического развития страны и обеспечения законных прав и интересов граждан. *Материалы и методы.* Использованы общенаучные методы анализа и обобщения материалов. Проанализированы и обобщены опубликованные материалы, в том числе социологические и статистические, позволяющие осветить некоторые дискуссионные вопросы о проблемах взаимодействия современного Российского государства и гражданского общества в аспекте социальности. *Результаты.* Пока в России наблюдается низкий потенциал развития гражданского общества, который соотносится с ведущей ролью государства. Это положение объясняет слабость Российского государства как социального. Определились, но пока еще недостаточно активно и масштабно используются возможности своеобразного социального партнерства государства и гражданского общества. *Выводы.* Необходимы укрепление и институционализация разнообразных взаимодействий государства и гражданского общества на основе коренных социальных интересов граждан и общества в целом. «Наполнение» социальности конкретным реальным содержанием в особой мере зависит от совершенствования работы органов местного самоуправления. Важное значение для развития социальности государства имеет укрепление профсоюзного движения. Политические партии, наиболее близко находящиеся к орбите власти, по сравнению с другими частями гражданского общества имеют наибольший потенциал для придания государству социальности и предотвращения отчуждения власти от народа. Сложившаяся в российском обществе ситуация свидетельствует о необходимости как сильного социального государства, так и более высокого уровня развития гражданского общества, а также интенсификации их взаимодействия в аспекте социальности.

Ключевые слова: гражданское общество, сильное государство, слабое государство, социальная справедливость, социальное государство, экстремальное неравенство, социальность

Для цитирования: Лебедева Л. Г. О взаимодействии государства и гражданского общества в аспекте социальности // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 3. С. 93–107. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-10 EDN: WKDWNA

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Original article

ON THE INTERACTION OF THE STATE AND CIVIL SOCIETY IN THE ASPECT OF SOCIALITY

Lyudmila G. Lebedeva

Samara State University of Economics, Samara, Russia

ludleb@mail.ru

Abstract. *Background.* The question of the sociality of the state is becoming more and more relevant, since sociality is an essential aspect and characteristic of the orientation and results of the activities of the subjects of society. Welfare States have certain social obligations to the population. In Russia, the provision on the welfare state is enshrined in the Constitution of the Russian Federation of 1993. Civil society initially acts as a form of upholding the social rights and interests of citizens and their various organizations. The purpose of the article is to analyze the controversial aspects of interaction in Russian society between the state and civil society in solidarity and effective solution of objectively necessary and perceived tasks of socio-economic development of society and ensuring the legitimate rights and interests of citizens. *Materials and methods.* General scientific methods of analysis and generalization of materials are used. The published materials, including sociological and statistical ones, are analyzed and summarized, which makes it possible to highlight some controversial issues about the problems of interaction between the modern Russian state and civil society in the aspect of sociality. *Results.* So far, Russia has a low potential for the development of civil society, which correlates with the leading role of the state. This position explains the weakness of the Russian state as a social state. The possibilities of a kind of social partnership between the state and civil society have been determined, but not yet actively and extensively used. *Conclusions.* It is necessary to strengthen and institutionalize the diverse interactions between the State and civil society based on the fundamental social interests of citizens and society as a whole. The "filling" of sociality with concrete real content depends in particular on the improvement of the work of local governments. The strengthening of the trade union movement is important for the development of the sociality of the state. The political parties closest to the orbit of power, compared with other parts of civil society, have the greatest potential to give the state sociality and prevent the alienation of power from the people. The current situation in Russian society indicates the need for both a strong welfare state and a higher level of development of civil society, as well as the intensification of their interaction in the aspect of sociality.

Keywords: civil society, strong state, weak state, social justice, welfare state, extreme inequality, sociality

For citation Lebedeva L.G. On the interaction of the state and civil society in the aspect of sociality. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(3):93–107. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-10

Введение

В исследовании социологических проблем аспект социальности является одним из важных и актуальных, поскольку «социальность сопровождает любые типы объединений людей» [1, с. 12]. В теоретико-концептуальном плане (по Н. Луману) основой социальности является коммуникация – «самая малая из возможных единиц социальной системы» [Цит. по: 2, с. 356]. В условиях цифровизации открылся и такой аспект социальности, как «техно-социальные системы», связанные с сетью Интернет [3, р. 24], соответственно, появились новые формы и возможности коммуникаций. При этом, наряду с проявлениями и трансформациями традиционных форм социальности, возникают и новые, в частности связанные

с сетевыми коммуникациями и виртуальными сообществами. В институционально-организационном плане социальность – это не просто коммуникация между людьми, а «организованное сосуществование людей, их объединение и дифференциация, создающие солидарности и конфликты» [4, с. 94]. Соответственно, социальность подразумевает образование и существование между людьми того или иного «порядка социальных отношений» [5, р. 19]. Иначе говоря, речь о взаимосвязанности людей в их жизнедеятельности. И социальность можно рассматривать как ее базовую сущностную характеристику [3, р. 23].

Социологи изучают разнообразные человеческие формы социальности (осуществляемые личностями, семьями или сообществами) – «социальные формы привязки себя и других» [5, р. 1]. Вместе с этим социальность является сущностной стороной и характеристикой направленности и результатов деятельности субъектов жизнедеятельности общества, в частности, некоторых государств, общественных движений и организаций. Понятие социальности как направленности на решение актуальных социальных задач и обеспечение коренных социальных потребностей населения тесно связано также с проблемой его социальной защиты (в более общем плане – безопасности общества) [6], а также и с понятием социальной ответственности – государства и бизнеса. «Потенциальную опасность искажений теории социальности мы можем ясно увидеть на примере некоторых обществ т.н. "золотого миллиарда", в которых принципы государственности постепенно уступают идеям корпоративности и сепаратистским настроениям» [7, с. 48].

Вопрос о социальности государства становится все более актуальным. Этот аспект сущности и роли государства в жизнедеятельности общества отражает термин «социальное государство». Иными словами, «социальные по своей природе государства в лице их властных элит и структур сознательно берут на себя определенные обязательства социального характера в целях сохранения социальной и политической стабильности в обществе» [8, с. 155]. В социальности государства отражается определенный характер взаимоотношений между государством и гражданским обществом как частями социума, в чем-то сотрудничающими и дополняющими друг друга, в чем-то противостоящими и ограничивающими друг друга.

Государство как социальный институт власти и управления обществом складывалось исторически в виде властно-социальных связей и отношений подчинения и соподчинения, прав и обязанностей его членов во властно-иерархической структуре управления обществом преимущественно вертикальной направленности.

Гражданское общество как социальная форма выражения и отстаивания прав и интересов граждан и их разнообразных организаций складывалось в виде общественных связей и отношений сотрудничества и взаимопомощи членов общества и их общественных организаций преимущественно горизонтальной направленности и с презумпцией их равноправности.

Продолжаются дискуссии по поводу места, роли и взаимоотношений государства и гражданского общества в общей социальной системе – как со специфических позиций политических и правовых учений, так и с позиций социологической науки.

Научная проблема: парадоксальным образом «поле социальности» на «перекрестках» взаимодействий государства и гражданского общества одновременно и объединяет для сотрудничества, и является областью конкуренции и социально-политической (и идеологической) борьбы разнообразных социальных сил (классов, общностей, политических партий, групп). Гипотетически должно победить (побеждать) объединяющее свойство социальности, несмотря на противодействие конкуренции и борьбы разнообразных социальных сил. Но какова реальная ситуация на современном этапе в конкретных исторических условиях?!

Цель статьи – анализ в русле социологических подходов актуальных дискуссионных аспектов взаимодействия в российском обществе государства (его основных органов власти и управления) и гражданского общества (его основных частей и представителей) в солидарном и эффективном решении объективно необходимых осознаваемых задач социально-экономического развития страны и обеспечения законных прав и интересов граждан.

Некоторые вопросы в рамках рассматриваемой темы лишь намечены и кратко охарактеризованы ввиду ограниченности пространства статьи, но их упоминание позволяет более объемно представить суть обсуждаемой научной проблемы.

Методология и методы

В качестве базового применяется социокультурный подход, подразумевающий «единство культуры и социальности» [9, с. 5]. Понятие «социальность» мы используем в интерпретации, обоснованной в работах М. В. Демидовой [10, с. 61; 11, с. 58, 59; 12, с. 283], – в духе концепта социальности как атрибута общества, «исследование которой обусловлено социальными ценностями» [11, с. 58, 59]. В методологическом плане учтены также идеи социального конструкционизма. Мы согласны, что «социальный конструкционизм может успешно выступать методологической базой для определения социальной "повестки дня" и... форм социального контракта общества и власти» [13, с. 174]. Использованы общенаучные методы анализа и обобщения материалов. Проанализированы и обобщены опубликованные материалы, в том числе социологические и статистические, позволяющие осветить некоторые дискуссионные вопросы о проблемах взаимодействия Российского государства и гражданского общества в аспекте социальности.

Результаты и обсуждение

Об историческом аспекте социального государства. Следует признать и учитывать, что «складывавшиеся практики социальной поддержки всегда были одной из фундаментальных опор общества и основой всех социальных повесток» [7, с. 40]. Однако государство становится социальным в результате социально-политических процессов и борьбы в обществе вокруг вопросов о власти – ее характере и использовании господствующими во властных структурах социально-политическими силами (партиями, группами) в тех или иных целях и интересах (общественных и групповых).

В том случае, когда социальность прямо и открыто связывается с характером государства, «оформляется как "социальность государства", она неизбежно сопровождается категориями "справедливости", тем более "социальной справедливости"» [1, с. 13].

Идея о социальном государстве в систематическом виде появилась впервые еще в конце XIX в. в Германии, но при анализе политической истории Франции – в условиях капиталистического строя и применительно к господству рыночных отношений. По меткому замечанию Людвиг фон Штейна, «роковым образом социальная демократия открыла свой первый поход с революцией 1848 г.» [14, с. СХХI]. Тем самым представителем правящих кругов (в тогдашней Германии – буржуазно-юнкерских) подчеркнута прямая связь идеи социальности и борьбы классов – «внутренней борьбы» [14, с. СХХ]. Речь идет о вынужденности определенных социальных мер буржуазного государства в пользу трудящихся классов в интересах «классового мира». Об этом свидетельствует и прямая постановка Людвигом фон Штейном вопроса: «Какими средствами возможно будет сгладить противоположность обоих великих классов общества, которые мы охарактеризовали выше, другими словами, какова социальная будущность Европы?» [14, с. СХV].

В ряде современных государств положения о социальности их как «государств всеобщего благосостояния» (the "welfare State") были закреплены законодательно, например, в ст. 20 Конституции ФРГ. При этом экономическую основу социальности таких государств в условиях господства рыночных отношений призван был обеспечивать «массовый платежеспособный спрос, на создание которого направлена политика доходов» [15, с. 5]. Но этот механизм мог работать успешно только при благоприятной экономической конъюнктуре и подвергался сомнению и «срывам» в периоды неизбежных экономических кризисов, характерных для капиталистических стран.

В России вопрос о социальности государства был поставлен в ходе революции 1917 г., в итоге которой сформировалось государство, провозгласившее себя не только демократическим (в форме власти Советов), но и социалистическим – служащим интересам трудящихся (обществу – большинству его, а не избранному – меньшинству его). При этом в условиях и под предлогом классовой борьбы с буржуазией был допущен «перекос» в сторону авторитарности государства, поставившего, по сути, под свой контроль гражданское общество трудящихся.

В более поздний период авторитарность системы власти в Советском Союзе постепенно уменьшилась, власть демократизировалась. Но социальность государства была поставлена под сомнение из-за ошибок и недостатков его экономической политики, в результате чего экономическая база для решения социальных вопросов оказалась слабой. После распада Советского Союза уже в постсоветской России идея социального государства не исчезла и даже была закреплена в Конституции¹.

Но, вступив в рыночно-капиталистическую форму развития, Россия подвергла себя также действию соответствующих объективных законов и зависимости от мировых экономических процессов, включая неравномерность рыночной конъюнктуры и экономические кризисы. С этими процессами объективно связаны трудности и непоследовательность, противоречия в реализации на практике идеи социального государства.

Проблема социальности, как и все в обществе, несет на себе «отпечаток» историчности, что относится и к принципам социальной защиты и социальной поддержки граждан. В современных условиях проблема социальности объективно тесно связана с проблемой государственности. Суть и «программные цели» Российского государства как именно социального государства достаточно ясно отражены в Конституции², включая принципы социальной защиты и социальной поддержки граждан. Не только провозглашению идеи социального государства (и закреплению в Конституции), но и максимально полной реализации этой идеи на практике, в социальной политике страны, способствует гражданское общество.

О сути и роли гражданского общества в социальной системе. Характерным является определение гражданского общества через соотнесение его с государством. Один из примеров такого определения: «Гражданское общество включает в себя такие группы, которые работают вне правительства, чтобы помогать людям»³. Гражданское общество иногда называют также «третьим сектором», чтобы отличать от государственного сектора, в который входят правительство и его подразделения, и частного сектора, к которому относятся предприятия и корпорации [16, с. 69]. В электронном словаре «Sociology Plus» понятием гражданского общества обозначается «сложная сеть неправительственных организаций, которые находятся между семьей и государством» [16].

Заслуживает более специального изучения феномен, получивший общее название «искусственная социальность» [17, 18]. Социальные сети и искусственный интеллект стали важными посредниками на весьма обширном поле социальных взаимодействий между людьми и организациями. Это обстоятельство придает некоторые новые качества гражданскому обществу и его взаимодействию с государственными организациями (и вообще взаимодействию «всех со всеми»).

Существует и такое представление о гражданском обществе, что это – «одна из сфер жизни общества, наряду с такими, как семья, экономика и государство»⁴. Во всех случаях имеется в виду как самостоятельность и отделенность друг от друга, так и необходимость взаимодействия государства и гражданского общества.

Благодаря политическим партиям, которые формируются в недрах гражданского общества, но действуют в рамках системы государственной власти (при той или иной степени де-

¹ «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Конституция Российской Федерации : (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Правовой сервер КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=m71wsqrwpf760549647 (дата обращения: 10.04.2025).

² «В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты». Там же.

³ Longley R. Civil Society: Definition and Theory (26 May 2022) // ThoughtCo : website. URL: <https://www.thoughtco.com/civil-society-definition-and-theory-5272044> (дата обращения: 25.04.2025).

⁴ Ruthu G. J. Civil Society: Development, Characteristics & Significance (18 July 2021) // Sociology Group : website. URL: <https://www.sociologygroup.com/civil-society/> (дата обращения: 25.04.2025).

мократизма политической власти), участвуя в органах власти и влияя на их политику, гражданское общество оказывается «на поле» государства.

Социальность гражданского общества является его имманентной чертой. Но парадоксальным образом «поле социальности» на «перекрестках» взаимодействия государства и гражданского общества одновременно и объединяет для сотрудничества, и становится областью конкуренции и социально-политической (и идеологической) борьбы разнообразных социальных сил (классов, общностей, политических партий, групп).

Теоретически возникает также вопрос о «поглощении» одной стороны другой стороной. Так, Карл Маркс, анализируя исторический опыт Парижской коммуны, в частности, писал: «Коммуна – это обратное поглощение государственной власти обществом... это переход власти к самим народным массам» [19, с. 548]. Но вопросы подобного рода лучше оставить на усмотрение будущей истории. Однако общий вывод о возможности широкого участия народных масс в обсуждении и решении некоторых вопросов, которыми занимается государство, следует учитывать и не относить к «дискуссионным», а считать общим интересом государства и гражданского общества.

Социологические исследования, в частности, показывают, что по десятибалльной шкале оценка степени развитости в нашей стране гражданского общества выросла с 4,5 балла в 2006 г. до 6,1 балла в 2023 г. [20, с. 120]. Динамика заметная и положительного характера, но и резервы развития гражданского общества весьма большие.

Например, важно учитывать возможности такой важной части гражданского общества и формы социальности, как профсоюзное движение. В частности, «профсоюз – единственный институт гражданского участия, для которого главной уставной задачей деятельности выступает защита социально-трудовых интересов наемного персонала» [21, с. 62]. При этом приходится признать пока еще недостаточно высокий уровень развития профсоюзного движения.

Политические партии в системе взаимодействия гражданского общества и государства. Политические партии выступают своеобразным медиатором во взаимодействии между государством и гражданским обществом, при этом наиболее близко находящимся к орбите власти. Партии при определенных условиях приходят к власти в государстве и начинают определять его политику. Но между властными структурами государства и гражданским обществом существует некая граница – «водораздел» в виде разных компетентностей и прав, определяемых либо сложившимися традициями, либо законодательно. Вместе с этим устанавливаются также возможные направления и формы взаимодействия гражданского общества и государства.

«Политическая партия – это общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли»¹. Она (партия) признается также «видом общественной организации как организационно-правовой формы юридических лиц»². Соответственно, партии «являются одновременно элементом гражданского общества и частью государственного механизма» [22, с. 69]. В условиях социальной трансформации СССР – России на рубеже XX–XXI вв. политические партии сыграли свою исключительную роль и в формировании гражданского общества с многопартийностью, и в становлении современного российского государства как демократического и правового. И это нашло соответствующее закрепление в Конституции РФ³.

¹ О политических партиях : федер. закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ // Правовой сервер КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (дата обращения: 10.04.2025).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Правовой сервер КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 10.04.2025).

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Правовой сервер КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=m71wsqrwpf760549647 (дата обращения: 10.04.2025).

Таким образом, с одной стороны, партия – структурный элемент сферы частных отношений, гражданского общества, с другой – часть государственно-политической системы [23, с. 88]. В связи с этим спорными выглядят, например, утверждения некоторых исследователей, что «гражданское общество – это совокупность всех неполитических отношений» [24, с. 207]. Такому («неполитическому») представлению о проблеме гражданского общества противоречит другое: «политические партии как институт гражданского общества» [23].

Об институциональности взаимосвязи социального государства и гражданского общества. Государство и гражданское общество являются динамическими социальными подсистемами общества, они видоизменяются со временем, а вместе с этим видоизменяются и их взаимодействия. Обращаем внимание на научную констатацию, что «исследование социальных характеристик институционального строения общества было и остается доминирующим направлением исследований» [25, с. 99], что является свидетельством непреходящей актуальности такой тематики исследований.

Гражданское общество и государство (социальное – в том числе) в качестве относительно самостоятельных (отдельных по отношению друг к другу) социальных подсистем в обществе неизбежно оказываются и в состоянии конкуренции (за место «под солнцем»), и в состоянии необходимого солидарного и консолидированного диалога и взаимодействия на социальном поле общих интересов. Объективная необходимость взаимодействия государства и гражданского общества связывается с целесообразностью их взаимной поддержки для эффективности своей жизнедеятельности [26, с. 15–16]. Государство и гражданское общество нуждаются также во взаимном контроле и сдерживании для предотвращения индивидуалистическо-анархистских тенденций и распада общества [26, с. 17]. В том и другом случае связующим звеном государства и гражданского общества выступает их социальность – служение общественным целям и интересам.

Однако в определенных условиях возможно отчуждение, с одной стороны, власти от народа (и от гражданского общества как своеобразного выразителя его интересов), с другой стороны, народа от власти (которая воспринимается как чуждая его интересам и не заслуживающая доверия в глазах народных масс). И уровень доверия населения (его отдельных групп) является одним из предметов социологического измерения (в том числе – мониторинга ВЦИОМ). «По сути, оценивая репутацию российской власти, респонденты, оценивают такие ее характеристики, как честность, ответственность, справедливость, силу власти, близость к народу, профессионализм и неподкупность» [27, с. 17–118]. Например, по опросам ВЦИОМ, рейтинги доверия Президенту России находятся на высоком уровне – более 75 %, рейтинги доверия Председателю Правительства России и Правительству России – на среднем уровне – чуть более 50 % (табл. 1).

При этом «не более 40 % жителей доверяют региональным и муниципальным органам управления» [28, с. 24]. Такие данные говорят, что, с одной стороны, население (большинство его) по достоинству высоко оценивает произошедшие за последнюю четверть века позитивные изменения в развитии и положении России, которые связываются лично с Президентом Путиным, с другой стороны, остаются нерешенными, особенно на местном уровне, многие проблемы, зависящие именно от исполнительных органов власти и управления (и их руководителей). Во многом такая ситуация зависит и от недостаточной активности (и развитости) гражданского общества, особенно на муниципальном уровне.

Можно говорить об определенном уровне доверия населения (и гражданского общества, и народа) к власти (в целом и к отдельным ее институтам) и, наоборот, об отчуждении от власти в силу недоверия к ней. Недоверие же к власти может сопровождаться либо социальной апатией и социальной атомизацией (пассивный вариант), либо активизацией каких-то групп и масс людей, возникновением общественных движений в антивластном направлении [27].

Таблица 1

Одобрение по вопросу «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность...?»
(далее респондент оценивает из представленного списка, % от всех респондентов)¹

	24.02– 02.03. 2025	03.03– 09.03. 2025	10.03– 16.03. 2025	17.03– 23.03. 2025	24.03– 30.03. 2025	31.03– 06.04. 2025	07.04– 13.04. 2025	14.04– 20.04. 2025
Президент России	76,7	77,2	78,1	78,2	77,4	77,1	76,2	77,0
Председатель Правительства России	53,2	53,1	53,4	52,7	53,9	53,6	53,9	53,3
Правительство России	52,4	52,4	53,2	51,9	53,4	53,0	51,4	53,1

Социальная активность масс, поддержка ими инициатив власти – важный резерв эффективности социального управления в обществе в целом, а также основа успеха в жизнедеятельности конкретных государственных и общественных организаций. Гармония интересов и взаимодействия государства и гражданского общества возможна благодаря их непрерывному диалогу. «Доверие населения к органам власти является важным показателем устойчивости и стабильности существующей социокультурной системы» [29, с. 77].

Если властные структуры забывают про интересы народа и замыкаются на своих эгоистических целях, то такое дисфункциональное состояние власти, как известно из истории, может быть изменено активизацией самого народа, гражданского общества, вплоть до революционного свержения отделившейся от народа власти.

Коренные интересы общества и социальная ответственность как императив взаимодействия социального государства и гражданского общества. Решающее значение в движении общества в сторону утверждения социальности государства имели и имеют сила и активность гражданского общества, отстаивающего коренные интересы демократических слоев населения. Одновременно социологические исследования показывают пока «низкий потенциал развития гражданского общества и ведущую роль государства» [30, с. 21]. Приходится также вспоминать о недостаточном уровне развития такой важной части гражданского общества и формы социальности, как профсоюзное движение, которое призвано быть защитником коренных интересов трудящихся. Но возникает и вопрос о том, насколько сильным является при этом государство (сильным, например, в экономическом, политическом, социальном, идеологическом отношениях) и способным решать необходимые для общества задачи благосостояния населения?

Впрочем, сильным государство может быть на основе силы репрессивного аппарата (армия, суды, полиция), но используемой в интересах исключительно охраны общественного порядка, защиты безопасности государства от внешних угроз – без ущемления свобод гражданского общества. В этом случае государство может сосуществовать с экономической силой гражданского общества в виде доходов от частного предпринимательства. По сути, таков образ «спящего государства» (либерального государства), дающего полную свободу для деятельности «невидимой руки конкуренции (рынка)», как это описал Адам Смит в труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» [31]. Он также раскрыл, «каковы необходимые расходы государя или государства, какие из этих расходов должны покрываться за счет сборов со всего общества и какие – только определенной частью общества или отдельными его членами» [31, с. 7].

¹ Рейтинги доверия политикам, оценки работы Президента и Правительства, поддержка политических партий // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) : сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-25042025> (дата обращения: 28.04.2025).

У современных государств доходы могут быть не только за счет налогов с граждан и бизнеса, а также налоговых пошлин на импорт и экспорт товаров, но и от деятельности государственных предприятий; речь также о государственно-частном партнерстве, совместных предприятиях. Разумеется, государство, как правило, не берет на себя полностью все социальные расходы, но стремится (по логике вещей) создавать благоприятные условия для деятельности бизнеса и для повышения доходов (зарботной платы) трудящихся. Но именно с социальным государством основная масса россиян связывает «решение социальных проблем разных поколений в духе идей о социальной справедливости» [32, с. 134–135].

При всем этом вопрос заключается в том, каким конкретно образом и в какой мере государству удастся реализовать свою социальность в реальной политике в сотрудничестве с гражданским обществом. Одна из реальных проблем (препятствий) на этом пути – наличие порой глубоких социальных неравенств. В этой связи в отношении России приходится признать справедливость утверждения об «устойчивой слабости государства как социального» [28, с. 21].

Но есть и другие реальные проблемы, среди которых мы можем выделить слабую социальную ориентированность (и слабую социальную ответственность) управления – как в русле государственного и муниципального управления, так и в сфере управления различными экономическими организациями, в результате чего далеко не в достаточной мере осуществляется забота о развитии человеческого капитала и эффективном преодолении бедности значительной массы российского населения. Так, длительный период децильный коэффициент дифференциации доходов составляет 14–15 крат¹, что наглядно свидетельствует об «экстремальных неравенствах» – по определению Н. И. Лапина [33] – в российском обществе. При этом «согласно авторитетным международным оценкам, социальная опасность такого неравенства для консолидации общества в развитых демократических странах начинается с превышения в 8–10 раз» [33, с. 11].

На фоне «экстремальных неравенств» не должен удивлять фиксируемый в социологических исследованиях стойкий запрос масс на справедливость (социальную справедливость) [22, с. 122].

В конце 2010-х – начале 2020-х гг. исследователи стали отмечать: «Растет отчуждение власти от народа, что порождает социальную апатию и социальную атомизацию» [34, с. 131]. В значительной мере это можно было связывать с существенным замедлением темпов социально-экономического развития страны, по сути стагнацией (табл. 2), что сузило возможности государства решать назревшие социальные вопросы.

Разумеется, основная масса населения с пониманием отнеслась к проблемам, вызванным COVID-19 в 2021 г. и специальной военной операцией (СВО) в 2022 г. Но основные проблемы для населения связывались в общественном сознании, прежде всего, с недостатками в управлении государством и экономикой, последствиями этого для населения. Так, по данным опроса ВЦИОМ, «ключевыми страхами россиян в 2020 году стали опасения роста социальной несправедливости (70 %), снижения доходов (68 %) и недоступности привычных товаров в связи с их дороговизной (67 %)»². Но «к 2023 г. две трети населения обрели материальную устойчивость, что дает основания говорить о стабилизации общества и позволяет перейти к более эффективной поддержке необеспеченных социальных групп, принять соответствующие государственные программы» [35, с. 52]. «Стабилизация социально-экономического положения содействует сплочиванию общества, укрепляет механизмы его самозащиты» [35, с. 54]. Но для реализации коренных социальных интересов граждан и общества в целом требуется дальнейшее повышение эффективности социального партнерства государства и гражданского общества.

¹ Российский статистический ежегодник. 2024 : стат. сб. М. : Росстат, 2024. 630 с. // URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegovodnik_2024.pdf (дата обращения: 17.03.2025).

² Карта страхов россиян: осень – 2020 // ВЦИОМ : сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/karta-strakhov-rossijan-osen-2020> (дата обращения: 15.04.2025).

Таблица 2

Основные социально-экономические показатели Российской Федерации
(2015–2022 гг.)¹

Показатели	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Валовой внутренний продукт, индекс физического объема, в процентах к предыдущему году	98,0	100,2	101,8	102,8	102,2	97,3	105,6	97,9
Реальный валовой национальный доход, в процентах к предыдущему году	98,7	100,2	101,8	102,9	101,5	98,2	105,4	98,3

Своеобразным связующим звеном между гражданским обществом и Российским государством является местное самоуправление – «форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая... самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций»².

Думается, что в духе социального конструкционизма был бы целесообразен федеральный закон, разрешающий и регулирующий муниципальную социально-экономическую деятельность, например, такого рода: 1) муниципалитеты строят и сдают в наем социальное жилье; 2) муниципалитеты строят овощехранилища, закупают овощную продукцию и продают по социальным ценам.

Благодаря подобным видам деятельности муниципалитетов местные жители могут обеспечиваться жильем и некоторыми видами сельхозпродукции по доступным для жителей («социальным») ценам. Муниципальные общественные палаты, как представители гражданского общества, могли бы контролировать подобную (как и другую) муниципальную социально-экономическую деятельность. От совершенствования работы органов местного самоуправления зависит в особой мере «наполнение» социальности конкретным реальным содержанием.

Но для многих инициатив и решений органов местного самоуправления, видимо, существуют какие-то трудности и даже препятствия, которые требуют своего изучения как со стороны депутатов законодательных органов разных уровней, так и со стороны ученых, в том числе – социологов, способных обобщить официальные и неофициальные мнения, данные.

Заключение

Исследование социальности как атрибута общества обусловлено гуманистическими социальными ценностями. По-прежнему остаются дискуссионными многие вопросы, касающиеся идеи и практики социального государства. Но в общественном сознании россиян сохраняется как постулат представление о социальном государстве как социально справедливым. Сложившаяся в российском обществе ситуация свидетельствует о необходимости как сильного социального государства, так и более высокого уровня развития гражданского общества.

Противоположностью (теоретически мыслимой) сильному государству может быть не просто слабое, а «бессильное» государство, при котором было бы не какое-то сильное гражданское общество, а некая анархическая ситуация с беззаконием и несправедливостью населения.

Вместе с тем все более убедительной выглядит необходимость развития различных форм и организаций, институтов гражданского общества. Политические партии выступают

¹ Национальные счета России в 2015–2022 годах : стат. сб. М. : Росстат, 2023. 419 с. // URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Nac-sch_2015-2022.pdf (дата обращения: 25.03.2025).

² Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Правовой сервер КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 10.04.2025).

своеобразными медиаторами во взаимодействии между государством и гражданским обществом, при этом, по сравнению с другими его частями, они наиболее близко находятся к орбите власти, имеют наибольший потенциал для придания государству социальности и предотвращения отчуждения власти от народа. Но приходится также вспоминать о недостаточном уровне развития такой важной части гражданского общества и формы социальности, как профсоюзное движение, которое призвано быть защитником коренных интересов трудящихся.

В целом же выявляется объективная потребность и тенденция укрепления социальности как «организованного сосуществования людей». И в особенности речь об укреплении и институционализации разнообразных взаимодействий социального государства и гражданского общества – своеобразного их социального партнерства – на основе коренных социальных интересов граждан и общества в целом.

Список литературы

1. Авакьян С. А. Социальность как общественная и конституционно-правовая категория // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3. С. 7–14. doi: [10.18384/2310-6794-2021-3-7-14](https://doi.org/10.18384/2310-6794-2021-3-7-14) EDN: [FHOXTO](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.18384/2310-6794-2021-3-7-14)
2. Социологическая трактовка и попытка междисциплинарного исследования искусственной социальности и искусственного интеллекта / В. Меньшиков, В. Комарова, И. Болякова [и др.] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24, № 2. С. 354–378. doi: [10.22363/2313-2272-2024-24-2-354-378](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-2-354-378) EDN: [ORTHJB](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.22363/2313-2272-2024-24-2-354-378)
3. Меньшиков В. Социологи о меняющейся социальности // Sociālo Zinātņu Vēstnesis. 2020. № 2 (31). С. 22–39. doi: [10.9770/szv.2020.2\(2\)](https://doi.org/10.9770/szv.2020.2(2))
4. Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А. Традиционные и новые формы социальности в актуальной повестке социологии // Среднерусский вестник общественных наук. 2025. Т. 20, № 1 (97). С. 92–107. doi: [10.22394/2071-2367-2025-20-1-92-107](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2025-20-1-92-107) EDN: [EBQOBY](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.22394/2071-2367-2025-20-1-92-107)
5. Knorr Cetina K. Sociality with Objects. Social Relations in Postsocial Knowledge Societies // Theory, Culture & Society. 1997. Vol. 14, № 4. P. 1–30. doi: [10.1177/026327697014004001](https://doi.org/10.1177/026327697014004001)
6. Филимонова О. Ф. Перемены перемен: социальность и дефицит защиты // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, № 3. С. 298–303. doi: [10.18500/1819-7671-2021-21-3-298-303](https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-3-298-303) EDN: [OMNEPS](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.18500/1819-7671-2021-21-3-298-303)
7. Алиев Д. Ф. Современная российская социальность: предпосылки, задачи, риски ESG-концепции // Вестник современных цифровых технологий. 2024. № 18. С. 39–48. EDN: [UARHDL](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.22394/2071-2367-2024-18-39-48)
8. Лебедева Л. Г. Социальное государство как императив гармоничной преемственности поколений в России // Вестник Самарского муниципального института управления. 2015. № 2. С. 147–157. EDN: [UCNWNJ](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.22394/2071-2367-2015-2-147-157)
9. Лапин Н. И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. Социология. Этнология. 2000. Т. 9, № 3. С. 3–47. EDN: [GFZPFY](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.22394/2071-2367-2000-9-3-3-47)
10. Демидова М. В. Методология неклассических и постклассических исследований социального пространства // Векторы благополучия: экономика и социум. 2021. № 1 (40). С. 54–65. doi: [10.18799/26584956/2021/1\(40\)/1042](https://doi.org/10.18799/26584956/2021/1(40)/1042) EDN: [YHZQAI](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.18799/26584956/2021/1(40)/1042)
11. Демидова М. В. Социальность: понятие и методология исследования // Вестник Вятского государственного университета. 2021. № 4 (142). С. 55–61. doi: [10.25730/VSU.7606.21.048](https://doi.org/10.25730/VSU.7606.21.048) EDN: [ZDYUZL](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.25730/VSU.7606.21.048)
12. Демидова М. В. Социальность и рекурсия: синергетический подход // Научный аспект. 2023. Т. 3, № 12. С. 273–286. EDN: [ZPLHGG](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.22394/2071-2367-2023-3-12-273-286)
13. Бакланова О. А., Бакланов И. С. Современная российская социальность в контексте социального конструкционизма // Вопросы социальной теории. 2015. Т. 7. С. 168–177. EDN: [TOLZNR](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.22394/2071-2367-2015-7-168-177)
14. Штейн Л. История социального движения Франции с 1789 года. Т. 1: Основное понятие общества и социальная история Французской революции до 1830 года. СПб. : Тип. А. М. Котомица, 1872. 305 с.
15. Александрова О. А. Социальное государство современной России: старые проблемы и новые вызовы // Народонаселение. 2013. № 2 (60). С. 4–12. EDN: [QILJLJ](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.22394/2071-2367-2013-2-4-12)
16. Виттенберг Е. Я. Социальная ответственность гражданского общества: дискуссионные во-

просы теории // Социологическая наука и социальная практика. 2017. Т. 5, № 2 (18). С. 63–76. doi: <https://doi.org/10.19181/snsp.2017.5.2.5150> EDN: [YSPEVR](#)

17. Шмерлина И. А. Искусственная социальность в свете старых и новых теоретико-методологических подходов // Социологические исследования. 2024. № 1. С. 5–14. doi: [10.31857/S0132162524010016](https://doi.org/10.31857/S0132162524010016) EDN: [KREZAG](#)

18. Яковенко А. В. Человек и общество сквозь призму искусственного интеллекта // Социологические исследования. 2024. № 3. С. 135–144. doi: [10.31857/S0132162524030113](https://doi.org/10.31857/S0132162524030113) EDN: [SUBBVA](#)

19. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 30 т. Т. 17: Июль 1870 – февраль 1872. М. : Госполитиздат, 1960. 841 с.

20. Левашов В. К. Граждане России о гибридной социально-политической реальности в стране // Социологические исследования. 2024. № 4. С. 113–127. doi: [10.31857/S0132162524040107](https://doi.org/10.31857/S0132162524040107) EDN: [ORLTAK](#)

21. Уханова Ю. В. Профсоюзные организации как субъект гражданского участия (опыт Вологодской области) // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 54–64. doi: [10.31857/S013216250008324-9](https://doi.org/10.31857/S013216250008324-9) EDN: [WMILGU](#)

22. Тетуев А. И. Политические партии как институт взаимодействия гражданского общества и государства в современной России (на материалах Кабардино-Балкарии) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2018. № 1 (36). С. 69–76. doi: [10.31007/2306-5826-2018-1-36-69-75](https://doi.org/10.31007/2306-5826-2018-1-36-69-75) EDN: [YWLKKV](#)

23. Калмыкова А. Д. Политические партии как институт гражданского общества // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2017. № 1 (25). С. 87–91. EDN: [YGSC LX](#)

24. Гавриков А. В. Политические партии в системе гражданского общества (политический дискурс) // Современная политическая наука о траектории развития государства, бизнеса и гражданского общества: (мир в постковидную эпоху: от разобщенности к единству) : сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 15–16 декабря 2021 г.). Минск : Колорград, 2021. С. 206–210. URL: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/91737/1/Gavrikov_A.V._s_206_210.pdf (дата обращения: 15.03.2025).

25. Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А. Традиционные и новые формы социальности в актуальной повестке социологии // Среднерусский вестник общественных наук. 2025. № 1 (97). С. 92–107. doi: [10.22394/2071-2367-2025-20-1-92-107](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2025-20-1-92-107) EDN: [EBQOBY](#)

26. Орлов К. А. Формы связи государства и гражданского общества // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 1. С. 12–23. doi: [10.21685/2307-9525-2025-13-1-2](https://doi.org/10.21685/2307-9525-2025-13-1-2) EDN: [DZUZUH](#)

27. Розанова Н. Н., Ксенофонтов С. А. Выявление значимых факторов формирования репутации российской власти: по результатам социологического исследования // Среднерусский вестник общественных наук. 2024. Т. 19, № 5. С. 99–123. doi: [10.22394/2071-2367-2024-19-5-99-123](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2024-19-5-99-123) EDN: [TDPUPU](#)

28. Лапин Н. И., Ильин В. А., Морев М. В. Экстремальные неравенства и социальное государство (часть 2) // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 20–30. doi: [10.31857/S013216250008491-3](https://doi.org/10.31857/S013216250008491-3) EDN: [ISTWXZ](#)

29. Черкашин М. Д. Доверие населения к органам власти как фактор социальной консолидации общества // Коммуникология: электронный научный журнал. 2019. Т. 4, № 3. С. 74–82. EDN: [RTDZET](#)

30. Парма Р. В. Патриотизм поколений в современном российском обществе // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. Т. 13, № 4. С. 20–29. doi: [10.26794/2226-7867-2023-13-4-20-29](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-4-20-29) EDN: [XBYSBN](#)

31. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов : монография. М. : Эксмо, 2009. 436 с. EDN: [QTCMAP](#)

32. Лебедева Л. Г., Орлова Л. В. Социальное государство в социологическом зеркале преемственной связи поколений // Вестник Самарского муниципального института управления. 2018. № 4. С. 133–139. EDN: [IEWMBU](#)

33. Лапин Н. И., Ильин В. А., Морев М. В. Экстремальные неравенства и социальное государство (часть 1) // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 4–17. doi: [10.31857/S013216250008378-8](https://doi.org/10.31857/S013216250008378-8) EDN: [XVDLJY](#)

34. Рогачев С. В., Ильичева М. В., Иванов А. В. Социальное доверие и процесс консолидации общества: новые возможности и риски // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 129–140. doi: [10.24412/2071-6141-2022-1-129-140](https://doi.org/10.24412/2071-6141-2022-1-129-140) EDN: [NOCHSG](#)

35. Беляева Л. А., Ракова К. В. Российское общество в 1990–2023 гг.: опыт эмпирической оценки социальной структуры, качества жизни и социально-психологического климата // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1 (185). С. 29–56. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2658> EDN: VWDAEH

References

1. Avak'jan S.A. Sociality as a Public and Constitutional Legal Category. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Jurisprudencija. = Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*. 2021;(3):7–14. (In Russ.). doi: [10.18384/2310-6794-2021-3-7-14](https://doi.org/10.18384/2310-6794-2021-3-7-14)
2. Men'shikov V., Komarova V., Boljakova I., Ruzha A., Ruzha O. Sociological interpretation and an attempt at interdisciplinary study of artificial sociality and artificial intelligence. *Vestnik RUDN. Serija: Sociologija = RUDN Journal of Sociology*, 2024;24(2):354–378. (In Russ.). doi: [10.22363/2313-2272-2024-24-2-354-378](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-2-354-378)
3. Menshikov V. Sociologists about the changing sociality. *Social Sciences Bulletin*. Daugavpils University (Latvia). 2020;2:22–39. (In Russ.). doi: [doi.org/10.9770/szv.2020.2\(2\)](https://doi.org/10.9770/szv.2020.2(2))
4. Derjugin P.P., Lebedinceva L.A. Traditional and new forms of sociality in the current agenda of sociology. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2025;1:92–107. (In Russ.). doi: [10.22394/2071-2367-2025-20-1-92-107](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2025-20-1-92-107)
5. Knorr Cetina K. Sociality with objects. Social relations in postsocial knowledge societies. *Theory, Culture and Society*. 1997;14(4):1–30. doi: [10.1177/026327697014004001](https://doi.org/10.1177/026327697014004001)
6. Filimonova O.F. Changes of changes: Sociality and the lack of protection. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Filosofija. Psihologija. Pedagogika = Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2021;21(3):298–303 (In Russ.). doi: [10.18500/1819-7671-2021-21-3-298-303](https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-3-298-303)
7. Aliev D.F. Modern Russian Sociality: Prerequisites, Tasks, Risks of the ESG Concept. *Vestnik sovremennyh cifrovyyh tehnologij = Bulletin of modern Digital Technologies*. 2024;(18):39–48. (In Russ.).
8. Lebedeva L.G. The social state as an imperative of harmonious succession of generations in Russia. *Vestnik Samarskogo municipal'nogo instituta upravlenija = Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management*. 2015;(2):147–157. (In Russ.).
9. Lapin N.I. Crisis society in the context of socio-cultural transformations. *Mir Rossii = The world of Russia*. 2000;(3):3–47. (In Russ.).
10. Demidova M.V. Methodology of nonclassical and postclassical studies of social space. *Vektory blagopoluchija: jekonomika i socium = Vectors of well-being: economy and society*. 2021;(1):54–65. (In Russ.). doi: [10.18799/26584956/2021/1\(40\)/1042](https://doi.org/10.18799/26584956/2021/1(40)/1042)
11. Demidova M.V. Sociality: the concept and methodology of research. *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta = Herald of Vyatka State University*. 2021;(4):55–61. (In Russ.). doi: [10.25730/VSU.7606.21.048](https://doi.org/10.25730/VSU.7606.21.048)
12. Demidova M.V. Sociality and recursion: a synergetic approach. *Nauchnyj aspekt = The scientific aspect*. 2023;3(12):273–286.
13. Baklanova O.A., Baklanov I.S. Modern Russian Sociality in the context of Social constructionism. *Voprosy social'noj Teorii = Questions of social theory*. 2015;7:168–177. (In Russ.).
14. Shteyn L. *Istoriya sotsial'nogo dvizheniya Frantsii s 1789 goda. T. 1: Osnovnoe ponyatie obshchestva i sotsial'naya istoriya Frantsuzskoy revolyutsii do 1830 goda = History of the social movement in France since 1789. Vol. 1: The basic concept of society and the social history of the French Revolution until 1830*. Saint Petersburg: Tip. A.M. Kotomitsa, 1872:305. (In Russ.).
15. Aleksandrova O.A. The Welfare state of modern Russia: old problems and new challenges. *Narodonaselenie = Population*. 2013;(2):4–12. (In Russ.).
16. Vittenberg E.Ja. Social responsibility of civil society: controversial issues of theory (Part 1). *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika = Sociological Science and Social Practice*. 2017;5(2):63–76. (In Russ.). doi: [10.19181/snsp.2017.5.2.5150](https://doi.org/10.19181/snsp.2017.5.2.5150)
17. Shmerlina I.A. Artificial sociality in the light of old and new theoretical and methodological approaches. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological studies*. 2024;(1):5–14. (In Russ.). doi: [10.31857/S0132162524010016](https://doi.org/10.31857/S0132162524010016)
18. Jakovenko A.V. Man and society through the lens of artificial intelligence. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological studies*. 2024;(3):135–144. (In Russ.). doi: [10.31857/S0132162524030113](https://doi.org/10.31857/S0132162524030113)

19. Marx K. The commune. K. Marx., F. Engels. *Sochinenija, izdanie vtoroe = Essays, second edition*. 1960;17:540–569. (In Russ.). Available at: <http://www.uaio.ru/marx/17.htm> (accessed: 25.03.2025).
20. Levashov V.K. Russia's hybrid socio-political reality in the country. *Sociologicheskie issledovanija = Sociological studies*. 2024;(4):113–127. (In Russ.). doi: [10.31857/S0132162524040107](https://doi.org/10.31857/S0132162524040107)
21. Uhanova Ju.V. Trade union organizations as a subject of civic participation (Vologda Oblast experience). *Sociologicheskie issledovanija = Sociological studies*. 2020;(1):54–64. (In Russ.). doi: [10.31857/S013216250008324-9](https://doi.org/10.31857/S013216250008324-9)
22. Tetuev A.I. Political parties as an institution of interaction between civil society and the state in modern Russia (based on the materials of Kabardino-Balkaria). *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovanij = Bulletin of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Studies*. 2018;(1):69–76. (In Russ.). doi: [10.31007/2306-5826-2018-1-36-69-75](https://doi.org/10.31007/2306-5826-2018-1-36-69-75)
23. Kalmykova A.D. Political parties as an institution of civil society. *Vestnik MGPU. Serija: Juridicheskie nauki = Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences*. 2017;(1):87–91. (In Russ.)
24. Gavrikov A.V. Political parties in the civil society system (political discourse). *Sovremennaja politicheskaja nauka o traektorii razvitiya gosudarstva, biznesa i grazhdanskogo obshhestva: (mir v postkovidnuju jepohu: ot razobshhennosti k edinstvu): sb. st. Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii = "Modern political science on the trajectory of the development of the state, business and civil society: (the world in the post-Covid era: from disunity to unity)": International Scientific and Practical Conference (Minsk, December 15–16, 2021)*. Minsk: Kolorgrad, 2021:206–210. (In Russ.). Available at: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/91737/1/Gavrikov_A.V._s_206__210.pdf (accessed: 15.03.2025).
25. Deryugin P.P., Lebedintseva L.A. Traditional and new forms of sociality in the current agenda of sociology. *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk = Central Russian Journal of Social Sciences*. 2025;(1):92–107. (In Russ.). doi: [10.22394/2071-2367-2025-20-1-92-107](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2025-20-1-92-107)
26. Orlov K.A. Forms of relationship between the state and civil society. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(1):12–23. (In Russ.). doi: [10.21685/2307-9525-2025-13-1-2](https://doi.org/10.21685/2307-9525-2025-13-1-2)
27. Rozanova N.N., Ksenofontov S.A. Identification of significant factors in forming the reputation of Russian authorities: according to the results of a sociological study. *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk = Central Russian Journal of Social Sciences*. 2024;19(5):99–123. (In Russ.). doi: [10.22394/2071-2367-2024-19-5-99-123](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2024-19-5-99-123) (In Russ.)
28. Lapin N.I., Ilyin V.A., Morev M.V. Extreme inequalities and the welfare state (part 1). *Sociologicheskie issledovanija = Sociological studies*. 2020;(2):20–30. (In Russ.). doi: [10.31857/S013216250008491-3](https://doi.org/10.31857/S013216250008491-3)
29. Cherkashin M.D. Public confidence in authorities as a factor of social consolidation of society. *Kommunikologija: jelektronnyj nauchnyj zhurnal = Kommunikologiya: electronic scientific journal*. 2019;4(3):74–82. (In Russ.).
30. Parma R.V. The patriotism of generations in modern Russian society. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(4):20–29. (In Russ.). doi: [10.26794/2226-7867-2023-13-4-20-29](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-4-20-29)
31. Smith A. *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov = A study on the nature and causes of the wealth of nations*. Moscow: Eksmo, 2009:436. (In Russ.).
32. Lebedeva L.G., Orlova L.V. The social state in the sociological mirror of the succession of generations. *Vestnik Samarskogo municipal'nogo instituta upravlenija = Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management*. 2018;(4):133–139. (In Russ.).
33. Lapin N.I., Ilyin V.A., Morev M.V. Extreme inequalities and the welfare state (part 1). *Sociologicheskie issledovanija = Sociological studies*. 2020;(1):4–17. (In Russ.). doi: [10.31857/S013216250008491-3](https://doi.org/10.31857/S013216250008491-3)
34. Rogachev S.V., Ilyicheva M.V., Ivanov A.V. Social trust and the process of consolidation of society: new opportunities and risks. *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Proceedings of Tula State University. Humanities*. 2022;(1):129–140. (In Russ.). doi: [10.24412/2071-6141-2022-1-129-140](https://doi.org/10.24412/2071-6141-2022-1-129-140)
35. Belyaeva L.A., Rakova K.V. Russian Society in 1990–2023: An Empirical Assessment of Social Structure, Life Quality, and Socio-Psychological Climate. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2025;(1):29–56. (In Russ.). doi: [10.14515/monitoring.2025.1.2658](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2658)

Информация об авторе / Information about the author

Л. Г. Лебедева – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и психологии, Самарский государственный экономический университет, 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, 141. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7007-6914>

L.G. Lebedeva – Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Sociology and Psychology, Samara State University of Economics, 141 Sovetskoy Armii street, Samara, 443090. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7007-6914>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /

The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 05.05.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 02.06.2025

Принята к публикации / Accepted 30.07.2025

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Научная статья

УДК 316

EDN: PCSJQH

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-11

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Анна Юрьевна Питерова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

press_centр_pnz@bk.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Стремительное развитие компьютерных технологий, в том числе искусственного интеллекта, обладающего значительным потенциалом, в настоящее время является очевидным фактом. Вместе с тем в условиях социальной и этико-правовой неопределенности эти технологии порождают новые вызовы и поднимают важные этические вопросы, связанные с будущим человеческого общества и перспективами его дальнейшего развития. В рамках данного исследования проведен анализ искусственного интеллекта как явления, характерного для современного уровня развития информационных технологий. Рассмотрены приоритетные направления деятельности, в которых искусственный интеллект успешно применяется. Представлен анализ основных ограничений, связанных с использованием данных технологий. Целью исследования является изучение современного состояния развития технологий искусственного интеллекта и особенностей его применения в различных сферах. *Материалы и методы.* Для достижения поставленной цели был проведен вторичный анализ ситуации в сферах, связанных с технологиями искусственного интеллекта. Проанализированы результаты исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения, ежегодный отчет «Ipsos AI Monitor» от компании Ипсос Комкон, а также ряд экспертных заключений. В качестве теоретических методов были использованы методы анализа, классификации, а также системный подход. *Результаты.* Выявлены ключевые особенности, преимущества и риски использования технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности и повседневной жизни людей. Отмечено неоднозначное отношение к данному направлению, связанное с недостаточными знаниями о нем, а также некоторыми другими факторами. *Выводы.* Возможности искусственного интеллекта привлекают интерес как специалистов многих сфер деятельности, так и рядовых пользователей сети Интернет. При этом только грамотный подход к использованию данных технологий будет способствовать дальнейшему их распространению и совершенствованию при условии обеспечения достаточного уровня контроля.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросети, социальные коммуникации, информационные технологии, медиа

Для цитирования: Питерова А. Ю. Искусственный интеллект как феномен современного общественного развития (социологический аспект) // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 3. С. 108–120. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-11 EDN: PCSJQH

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Original article

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A PHENOMENON OF MODERN SOCIAL DEVELOPMENT (SOCIOLOGICAL ASPECT)

Anna Yu. Piterova

Penza State University, Penza, Russia

press_centр_pnz@bk.ru

Abstract. *Background.* The rapid development of computer technologies, including artificial intelligence, which has significant potential, is currently an obvious fact. However, in the context of social and ethical-legal uncertainty, these technologies pose new challenges and raise important ethical issues related to the future of human society and its prospects for further development. This article analyzes artificial intelligence as a phenomenon characteristic of the current level of information technology development. It examines the priority areas where artificial intelligence is successfully applied. The article also provides an analysis of the main limitations associated with the use of these technologies. The purpose of this study is to examine the current state of development of artificial intelligence technologies and their application in various fields. *Materials and methods.* To achieve this goal, a secondary analysis of the situation in areas related to artificial intelligence technologies was conducted. The results of Russian Public Opinion Research Centre (VCIOM) studies, the annual Ipsos AI Monitor report by Ipsos Comcon, and a number of expert opinions were analyzed. Analytical, classification, and systemic approaches were used as theoretical methods. *Results.* The key features, advantages, and risks of using AI technologies in professional activities and people's daily lives have been identified. There is a mixed attitude towards artificial intelligence due to a lack of knowledge about it and other factors. *Conclusions.* The possibilities of artificial intelligence are attracting the interest of both specialists in many fields and ordinary Internet users. However, only a competent approach to the use of these technologies will contribute to their further spread and improvement, provided that sufficient levels of control are ensured.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, social communications, information technologies, media

For citation: Piterova A.Yu. Artificial intelligence as a phenomenon of modern social development (sociological aspect). *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(3):108–120. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-11

Повседневная жизнь современного человека в настоящее время очень прочно связана с нейронными сетями и искусственным интеллектом (ИИ), возможности которых весьма обширны и уже не ограничиваются, например, лишь составлением текстов и решением математических уравнений. Искусственный интеллект является одним из ключевых элементов современной технологической эпохи, который связан со значительными последствиями для человека, культуры, общества и окружающей среды [1, с. 591]. Ему сейчас доступно решение многих сложных задач в различных сферах деятельности (идентификация объектов на видео и изображениях, управление производственными и логистическими процессами и т.д.), что совсем недавно казалось невыполнимым. Если говорить о повседневных функциях ИИ, то одним из наиболее видимых проявлений можно назвать его домашнее использование в виде различных устройств. Самыми распространенными из них являются голосовые помощники

(Алиса от «Яндекса», Маруся от VK, Салют от «Сбера», Siri, Google Assistant и т.п.), посредством которых можно находить различную информацию, управлять домашней автоматикой, делать заказы и др. Другими словами, благодаря технологиям искусственного интеллекта интуитивность и удобство использования домашних устройств значительно повысились.

Искусственный интеллект как относительно новое явление вызывает большой интерес среди отечественных исследователей. Так, в работе К. А. Даллакян подчеркивается проблема взаимоотношения социальных, техносоциальных субъектов и систем искусственного интеллекта в обществе будущего [2]. К. В. Исаева анализирует текущее развитие современной, электронно-цифровой, цивилизации, отмечая очень быстрый переход от времени создания персональной компьютерной техники и развития интернета до периода расцвета генной инженерии и искусственного интеллекта [3, с. 139]. Алгоритмы и особенности использования цифровых технологий в целом, а также автоматизированных систем на основе искусственного интеллекта рассмотрены в трудах О. В. Гавриленко, А. Д. Дурнева, О. А. Габриелян, Н. Г. Осиповой, Е. В. Биричевой [4–8] и др. Стоит отметить, что результаты проведенных исследований указывают на необходимость системного научного изучения вопросов внедрения высоких технологий в социальную жизнь.

Перед более детальным рассмотрением особенностей и возможностей искусственного интеллекта целесообразно обратиться к содержанию данного понятия. Под искусственным интеллектом понимают направление в компьютерных науках, в рамках которого разрабатываются и создаются системы, запрограммированные на выполнение задач, требующих человеческого интеллекта. В упрощенном варианте суть искусственного интеллекта заключается в использовании компьютерной программы, которая на основе полученных и проанализированных данных делает выводы и совершает определенные действия.

Представленные дефиниции показывают, что в ИИ заложено стремление имитировать когнитивные человеческие функции, такие как обучение, анализ ситуаций, решение проблем, выбор вариантов действий, восприятие информации, принятие решений и др. [9, с. 12]. При этом многофункциональность ИИ позволяет значительно расширить круг обозначенных действий: обрабатывать огромные массивы данных, разрабатывать обучающие модели и алгоритмы, распознавать информацию в текстовом, аудио- и видеоформатах, составлять прогнозы и т.п. В сравнении с возможностями искусственного интеллекта на ранних этапах развития, когда наблюдалось фокусирование на узком спектре задач, современные ИИ-системы характеризуются универсальностью и могут выполнять значительно большее количество функций. Этому способствуют заметные изменения в мировых социально-экономических процессах, вызванные стремительным развитием компьютерных технологий. В нашей стране, в частности, ИИ является ключевым ресурсом для реализации многих национальных вопросов, таких как стимулирование экономического роста, обеспечение безопасности и улучшение качества и условий жизни населения [10, с. 152].

В настоящее время уровень развития ИИ дает ему особую привлекательность с точки зрения прикладного использования. Крупные компании разрабатывают собственные экосистемы на основе технологий искусственного интеллекта, а автоматизация процессов, доступная в том числе и за счет ИИ, практикуется во многих сферах деятельности [11, с. 386]. Можно перечислить основные направления и задачи, в которых искусственный интеллект успешно применяется и способен практически полностью заменить человека:

- обработка и анализ огромных массивов информации (Big Data);
- моделирование, планирование и прогнозирование (медицина и финансовая сфера);
- управление сложными системами и алгоритмами (робототехника, логистика, беспилотный транспорт);
- автоматизация стандартных процессов (IT-сфера);
- персонализация (рекомендательные системы в e-commerce и стриминговых сервисах);
- распознавание и анализ данных в различных форматах (текст, изображения, аудио-, видеоролики и т.д.).

Несмотря на такой широкий спектр возможностей искусственного интеллекта, существует ряд аспектов этического характера, касающихся его применения в различных областях. Развитие ИИ сейчас идет настолько стремительными темпами, что люди порой не обращают внимания на то, насколько глубоко данные технологии внедрены в их повседневную жизнь. Личная информация, собираемая посредством звонков, интернет-шоппинга, «умных» гаджетов, размещения различных данных и отметок местоположения в соцсетях и т.п., в дальнейшем может использоваться крупными компаниями для влияния на привычки и образ жизни аудитории, мировоззрение и систему жизненных установок в целом [12, с. 187]. Помимо сбора информации открываются широкие возможности в плане создания различных сообщений, не зря системы искусственного интеллекта получили название «генеративных моделей». При этом имеет место автоматизация процессов разработки убедительных текстов, вводящих в заблуждение, которые могут использоваться с целью манипулятивного воздействия на широкую общественность [13, с. 102]. Упрощает данный процесс и тот факт, что большинство населения имеет лишь отдаленное представление о сути искусственного интеллекта и не может объективно оценить, насколько сильно и каким образом эти технологии оказывают влияние на жизненно важные процессы. Поэтому не стоит забывать о том, что недобросовестная конкуренция, нанесение морального ущерба, подмена социально-культурной идентичности и разрушение традиционных ценностей – это лишь некоторые серьезные негативные последствия использования таких технологий [14, с. 72].

Кроме того, многие исследователи совершенно логично задаются вопросом о том, насколько с морально-нравственной точки зрения допустимо «доверять создание научных и аналитических статей, текстов, музыки, стихов машинному разуму, заменить голос живого собеседника в трубке на горячей линии банка или поликлиники...» [15, с. 13]. Именно поэтому уже на протяжении довольно долгого времени ключевой темой обсуждения теоретиков и практиков в области ИИ является его этическое регулирование. В октябре 2021 г. в России был принят первый «Национальный кодекс этики искусственного интеллекта», основными принципами которого стали уважение независимости и свободы воли человека, оценка рисков взаимодействия с ИИ, информационная безопасность и т.п. [16, с. 687]. Рамки настоящего исследования не предполагают более детального рассмотрения данной проблемы, но стоит подчеркнуть, что даже указанный кодекс (как и другие аналогичные) не является универсальным инструментом, позволяющим закрыть все спорные моменты, касающиеся искусственного интеллекта.

Конкретными технологиями в рамках ИИ, способными моделировать какие-либо действия по аналогии с мозговой активностью человека, являются нейросети. Особенностью нейронных сетей является их способность к самостоятельному обучению на основе заданных запросов, возможность выбирать варианты решений и таким образом совершенствовать свои алгоритмы. По мнению экспертов, четко сформулированный запрос является залогом успешного взаимодействия с нейросетями. GPT-сервисы могут предоставлять различные ответы на одни и те же вопросы пользователей в случае, если делаются разные запросы (промпты), в чем и проявляется специфика диалога с ИИ [17, с. 50].

Грамотно заданная программа нейросетей напрямую влияет на правильность и эффективность их действий. Кроме того, для повышения качества расчетов и принимаемых решений нейросети в течение определенного времени отрабатывают свои навыки, и только затем включаются в те процессы, где они необходимы. При этом, несмотря на такие возможности ИИ, его «компетентность» ограничена самой программой, на основе которой он функционирует.

Тем не менее популярность и востребованность искусственного интеллекта продолжают расти, поскольку он обладает рядом очевидных преимуществ. Так, мощный инструмент, которым оперируют нейросети и с помощью которого они оперативно обрабатывают огромное количество информации, а затем создают оптимальные алгоритмы действий и принятия решений на основе сформулированных задач, становится их неопровержимым и основным достоинством. При этом особенностью работы нейросетей является не «понимание»

текущей проблемы или ситуации, а механическое создание различных комбинаций данных. Именно за счет объема обрабатываемой информации в результате ее своеобразного перемешивания появляются новые изображения и тексты. К числу характерных черт полученных материалов можно отнести высокую степень их персонализации, поскольку все параметры здесь обычно очень четко прописываются. Гибкость нейросетей, позволяющая адаптировать информацию для определенной целевой аудитории, основываясь на детальном анализе ее действий, также является их несомненной сильной стороной. Стоит также отметить способность нейросетей анализировать полученные данные, на основе которых в совокупности с информацией о различных тенденциях общественного развития составляются различные прогнозы [18, с. 2].

Помимо указанных выше привлекательных сторон нейросетей стоит отметить еще несколько:

- рост эффективности различных процессов и, соответственно, снижение затрат за счет увеличения скорости их выполнения;
- появление новых возможностей во многих сферах человеческой деятельности (экономика и финансы, медицина, коммуникации, IT, транспорт и др.), обусловленное совершенствованием и все большей доступностью технологий ИИ;
- повышение точности получаемых результатов, что минимизирует вероятность появления человеческих ошибок.

Как было отмечено ранее, области применения технологий ИИ многообразны. Так, одной из перспективных сфер является медицина, где искусственный интеллект используется для диагностики сложных заболеваний, в медицинских сервисах и т.п. В финансовой и банковской отраслях с помощью данных технологий можно прогнозировать риски возникновения мошеннических операций, анализировать различные юридические документы, а также предлагать клиентам определенные сервисы и осуществлять рассылку персонализированных предложений. В промышленности и производственной сфере приоритетными являются возможности ИИ, связанные с технологической диагностикой и автоматизацией процессов. Искусственный интеллект также активно применяется в беспилотном транспорте, считывает и анализирует информацию с записывающих устройств (камер) и радаров, позволяет разрабатывать оптимальные маршруты движения и перевозок и т.д.

В креативных индустриях уже не первый год используются нейротехнологии, позволяющие не только обрабатывать изображения и видео, но и создавать музыкальные клипы и ролики. Функционал нейросетей можно применять, в частности, для генерации текстов, изображений, интернет-игр, аудио- и видеоформатов, документов и презентаций, рецептов, проектов интерьера и многого другого. Но при этом в данной сфере особенно заметно ограничение возможностей ИИ, который не способен генерировать что-то новое (что является ключевым условием, например, в рекламной деятельности), а только воспроизводит определенный контент на основе уже существующих данных. Исследования показывают, что рекламные материалы, разработанные человеком, имеют больший эффект воздействия на аудиторию (на 23–40 %), чем реклама, созданная при помощи искусственного интеллекта [19, с. 311].

Технологии ИИ также не обошли стороной и медиаиндустрию, позволяя создавать, обрабатывать и редактировать различные типы изображений и текстов: от развлекательных до новостных и академических. Кроме того, доступность данных технологий предоставляет возможность представителям медиасообщества (журналистам, редакторам, копирайтерам и пр.) пользоваться ими практически в неограниченном объеме [20, с. 157]. Но и здесь существуют разногласия во мнениях экспертов: если практики отмечают чаще положительные аспекты применения алгоритмов ИИ, то «теоретики» в большей степени скептически настроены в отношении подобного вмешательства в журналистский творческий процесс [21, с. 18].

Что касается статистики, то очевиден неизменный рост интереса мирового сообщества к технологиям искусственного интеллекта. По данным ежегодного отчета «Ipsos AI

Monitor»¹ об изменении отношения населения различных стран к ИИ (исследование было проведено в 32 странах мира, жители России в нем участия не принимали), прогнозах его дальнейшего развития и приоритетном использовании в определенных сферах от исследовательской компании Ipsos Комкон, можно сделать следующие выводы:

- с точки зрения эмоционального восприятия ИИ вызывает противоположные реакции опрошенных, начиная от состояния восторга при использовании продуктов и услуг с применением ИИ (53 %) до чувства тревожности (50 %). При этом жители азиатских стран настроены более оптимистично относительно присутствия ИИ в повседневной жизни, а население стран Европы и США – более настороженно;

- по поводу существующей проблемы, касающейся дезинформации в интернет-пространстве, более трети опрошенных (37 %) считают, что ИИ ее только усугубит, 30 % высказали противоположное мнение;

- информированность о возможностях искусственного интеллекта и о том, как его использовать в своей работе или повседневной жизни, выше у молодежи (данный показатель оказался на уровне 67 % среди всех опрошенных, из них представители поколений Z и Y составили 72 % и 71 % соответственно), при этом только 58 % респондентов, относящихся к более старшему поколению, отметили свою осведомленность по данному вопросу;

- в отношении ожиданий респондентов по поводу эффективности и необходимости применения технологий ИИ в своей профессиональной деятельности мнения разделились: 37 % респондентов считают, что искусственный интеллект улучшит их работу, 16 % уверены в обратном. Треть опрошенных (36 %) думают, что в ближайшие несколько лет ИИ сможет полностью выполнять их работу, что приведет к ее потере (больше всего данной перспективой обеспокоены люди, имеющие высшее образование).

Если говорить об особенностях отношения населения России к искусственному интеллекту, то интересным представляется сравнение двух исследований ВЦИОМ конца 2024 г. Оба исследования проводились методом телефонного опроса, тип выборки – случайная стратифицированная, объем выборки – 1600 респондентов. Первое из них, датированное 9 октября 2024 г.², подтверждает тот факт, что ключевым фактором для масштабного и результативного использования ИИ является доверие к нему. Россияне довольно осторожно относятся к ИИ, причем уровень их доверия зависит от сфер деятельности, в которых данные технологии применяются, в частности:

- высокий рейтинг (по уровню доверия) выявлен у виртуальных помощников, включающих системы «умный дом» (датчики, камеры, колонки, исполнительные и управляющие устройства), а также фитнес-трекеры, «умные» часы и чат-боты. Эти технологии, являясь элементом повседневной жизни значительной части населения, воспринимаются большинством опрошенных (44 %) как относительно понятные и безопасные. Аналогичные оценки были высказаны по поводу сфер творчества (42 %) и робототехники (40 %), что свидетельствует об их относительной безопасности при использовании искусственного интеллекта;

- средний рейтинг доверия зафиксирован в промышленной сфере (32 %), а также в области здравоохранения и транспортных перевозок (по 28 % соответственно). В еще меньшей степени данный показатель обнаружен применительно к сфере образования (24 %). Такое, более осторожное, восприятие можно объяснить тем, что перечисленные сферы непосредственно связаны с человеческой жизнью и безопасностью. При этом очевидные преимущества ИИ в данных областях, такие как рост эффективности и точности различных процессов, в настоящее время являются предметом широкого обсуждения и, соответственно, могут повысить уровень доверия населения;

- низкий рейтинг доверия получили социальная и экономическая сферы, военное дело (по 19 %), безопасность (18 %), а также государственное управление (13 %). Все принимаемые

¹ Ipsos AI Monitor 2024 // Ipsos Комкон : сайт. URL: <https://www.ipsos-comcon.ru/ru-ru/ipsos-ai-monitor-2024?ysclid=mc6n2mte5w243896960> (дата обращения: 08.06.2025).

² Пределы доверия: естественный интеллект – об искусственном // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) : сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predely-doverija-estestvennyi-intellekt-ob-iskusstvennom> (дата обращения: 12.06.2025).

решения в данных областях так или иначе влияют на жизнедеятельность людей, поэтому заметно осторожное отношение опрошенных относительно перспектив и возможных последствий использования здесь искусственного интеллекта.

Таким образом, низкий уровень доверия опрошенных наблюдается в сферах деятельности, далеких от повседневной жизни рядовых граждан, а также в областях, характеризующихся высокой социальной ответственностью. Это служит своеобразным сигналом о целесообразности разработки и внедрения этических стандартов и четко определенных способов контроля за применением технологий ИИ в данных сферах.

Если говорить о распределении ответов респондентов в зависимости от возраста, то вполне предсказуемым результатом оказалась тенденция повышения доверия к искусственному интеллекту у более молодого поколения.

С точки зрения того, какое именно влияние в плане направленности оказывает искусственный интеллект на развитие некоторых сфер, опрошенные также не пришли к единому мнению. Так, в области правозащиты и правопорядка результаты голосов распределились больше в пользу положительного влияния (37 %), чем отрицательного (22 %). Такая же ситуация наблюдается и в сфере банковского обслуживания, хотя здесь виден меньший разрыв между ответами (33 % респондентов отмечают положительное влияние ИИ, а 29 % – отрицательное). При этом более скептические ответы были получены в отношении образовательной сферы: о возможности негативного влияния ИИ на качество образовательного процесса высказались 39 % участников исследования, тогда как 28 % считают, что внедрение и развитие данных технологий отразится на качестве образования положительным образом. Скорее всего, основной причиной таких ответов выступает обеспокоенность респондентов уменьшением доли непосредственного межличностного взаимодействия между преподавателями и обучающимися и, соответственно, вероятностью затруднения реализации персонализированного подхода к обучению. Ключевая роль образования в процессах социализации молодого поколения не требует доказательств, поэтому логично, что внедрение любых инновационных подходов и технологий (в том числе ИИ), влияющих на процессы обучения, воспринимается с осторожностью (рис. 1).



Рис. 1. Влияние искусственного интеллекта на развитие некоторых сфер деятельности, %

По мнению приблизительно пятой части респондентов (18–25 %), искусственный интеллект совершенно не оказывает какого-либо воздействия на указанные сферы. При этом в процентном отношении абсолютно равное количество ответов (по 8 %) было получено от опрошенных, которые во всех трех сферах указали только положительные либо только отрицательные последствия от использования ИИ-технологий.

Результаты данного исследования показали также определенные корреляции между некоторыми социально-демографическими характеристиками и уровнем доверия к искусственному интеллекту. Так, в значительно большей степени доверяют технологиям ИИ в различных сферах представители поколения зумеров и миллениалов (более 95 %). Здесь, в частности, интересна ситуация с отношением зумеров к применению искусственного интеллекта в сфере образования: большинство из них (62 %), в настоящее время непосредственно находясь в образовательном процессе, считают, что ИИ однозначно способствует повышению его качества.

Видна закономерность и в отношении опрошенных к ИИ в зависимости от уровня их образования и активности использования интернет-ресурсов. Респонденты, имеющие высшее образование, высказали свою позицию относительно искусственного интеллекта четко и в более положительном ключе (особенно в контексте его применения в сферах промышленности, робототехники и творчества, а также в домашних устройствах), чем обладатели среднего и неполного среднего образования. Любители проводить время в интернет-пространстве также не против активного внедрения технологий ИИ в указанные сферы (по сравнению, например, с теми, кто предпочитает традиционные СМИ).

Если говорить о половой принадлежности респондентов при распределении ответов на основной вопрос о доверии искусственному интеллекту, то женщины относятся к его использованию более осторожно, в то время как мужчины, напротив, считают, что внедрение ИИ в сферу экономики, образования, транспорта, правопорядка, а также в банковское и военное дело принесет в данные области полезные новшества (рис. 2). С большой вероятностью это связано с тем, что мужчины в принципе чаще сталкиваются с различными технологиями в своей профессиональной деятельности и повседневной жизни, поэтому и относятся лояльнее к подобным нововведениям.

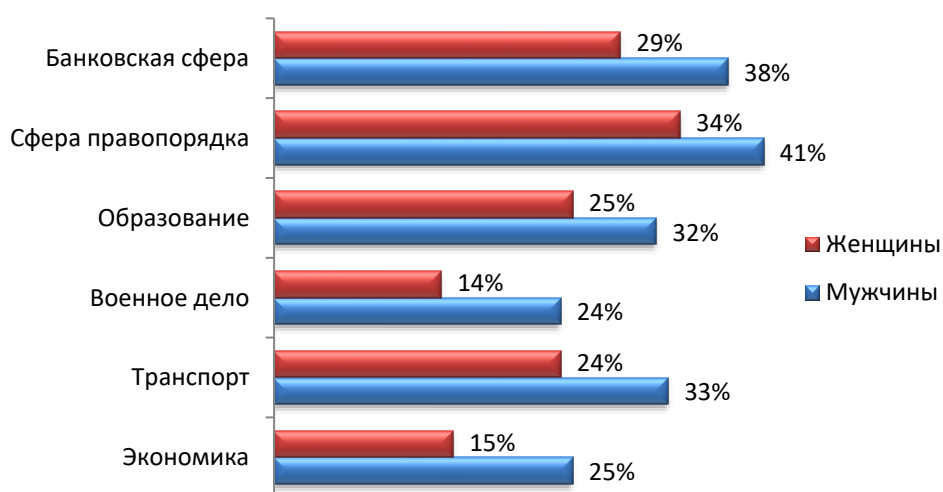


Рис. 2. Польза от внедрения технологий искусственного интеллекта, %

Второе исследование ВЦИОМ, проведенное в ноябре – декабре 2024 г.¹, представляет собой сравнительный анализ информации, полученной в ходе текущего опроса, с данными

¹ Доверие к ИИ // ВЦИОМ : сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-k-ii> (дата обращения: 14.06.2025).

исследований 2021–2022 гг. Отмечается, что «технологии ИИ» как понятие становятся вполне обыденным элементом современной жизни россиян, это, в свою очередь, проявляется в повышении уровня знания о них с 36 % в 2022 г. до 50 % в 2024 г. Практически все опрошенные (94 %) слышали об искусственном интеллекте, и этот показатель также превышает (на 7 %) предыдущий результат 2022 г. Все еще не очень четкое представление о технологиях ИИ имеют 44 % респондентов, при этом в 2022 г. количество подобных ответов составило 51 %, что свидетельствует о положительной динамике роста глубины знаний по данной теме (рис. 3). Такая осведомленность напрямую связана с возрастом опрошенных: чем моложе участники исследования, тем больше они разбираются в этом вопросе и могут объяснить, что это такое (в возрастной группе от 18 до 24 лет количество «знающих» составило 74 %, тогда как в группе от 35 до 44 лет – 57 %).

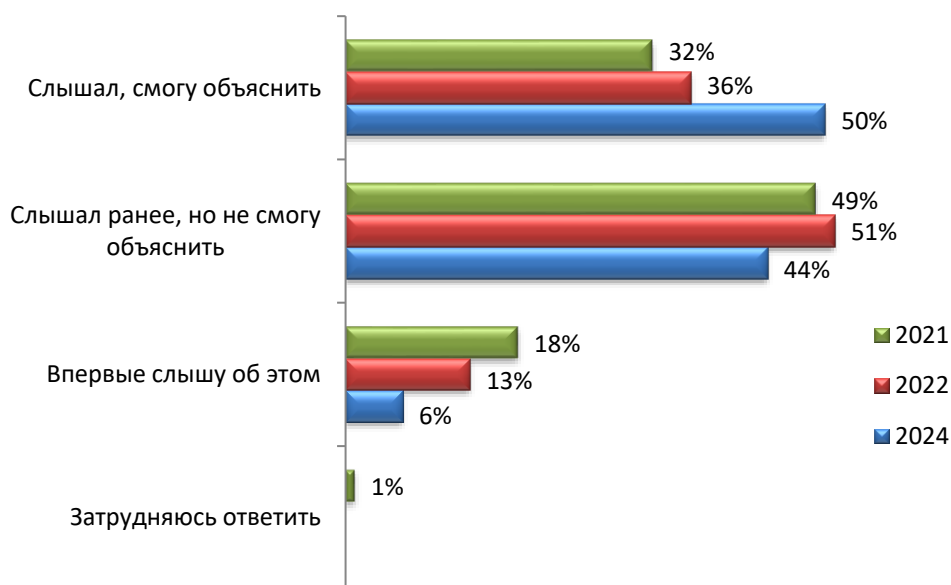


Рис. 3. Информированность респондентов о технологиях ИИ, %

Помимо определения уровня информированности об ИИ, в данном исследовании (как и в октябре 2024 г.) были заданы вопросы о доверии этим технологиям. Выяснилось, что показатели 2024 г., когда доверие продемонстрировали 52 %, лишь незначительно отличаются от результатов 2022 г., где на тот же вопрос положительно ответили 55 % опрошенных. Это же касается и основных доводов в пользу либо против использования ИИ в профессиональной и повседневной жизни людей. Главными причинами, по которым респонденты склонны доверять технологиям искусственного интеллекта, являются следующие: ИИ может вместо человека выполнять работы, опасные для жизни; ИИ может улучшить и упростить жизнь; более объективный подход к оценке различных процессов; более высокая скорость и качество выполнения работ; меньшее количество ошибок, связанных с «человеческим фактором». Максимально оптимистичными в своих оценках здесь также оказались представители молодого поколения (доверие технологиям ИИ отмечено у 79 % молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет).

Основными аргументами, на которых базируется недоверие опрошенных к ИИ, стали вероятность сбоев в его работе, выхода его из-под контроля человека, а также возможность его использования в корыстных целях. Кроме того, в качестве причин такого отношения были отмечены риск утечки собираемой ИИ информации и перспектива снижения умственных и интеллектуальных способностей населения в связи с тем, что большинство процессов будут автоматизированы и окажутся под контролем искусственного интеллекта.

С точки зрения опрошенных, основными направлениями, где может применяться искусственный интеллект, являются робототехника (73 %), системы видеонаблюдения (81 %),

а также программы для обработки изображений (70 %). Сравнительный анализ мнений россиян по поводу использования ИИ в различных сферах показал, что по-прежнему положительным является отношение к внедрению данных технологий в науку, промышленность, энергетику, транспорт, сферу строительства и торговли, индустрию досуга и развлечений. При этом наличие ИИ в государственном управлении, экономике, безопасности и здравоохранении вызывает обеспокоенность респондентов.

Технологии ИИ должны получить свое развитие, но при грамотной государственной поддержке. Особенно это касается помощи в организации и проведении научных исследований (50 %), как прикладных, так и фундаментальных; подготовки законодательно-правовой базы, затрагивающей сферу искусственного интеллекта (43 %); финансирования деятельности компаний-разработчиков в области ИИ (43 %); финансовой поддержки новых программ профессионального образования (42 %), а также программ переподготовки сотрудников (41 %).

Растущая популярность ИИ является причиной повышенного интереса к данным технологиям. Более половины респондентов (55 % в 2024 г., 52 % в 2022 г. и 50 % в 2021 г.) озвучили желание получать информацию в этой области, причем по разным причинам: 33 % опрошенных хотят расширить свой кругозор, 14 % необходимы данные знания для приобретения определенной квалификации, а 8 % собираются совершенствовать свои навыки в текущей сфере деятельности.

Помимо результатов опросов ВЦИОМ, целесообразно обратиться к выводам по некоторым другим исследованиям, также посвященным изучению определенных аспектов ИИ. В частности, в 2023 г. Центром цифровых культур и медиаграмотности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) было проведено исследование, одним из блоков которого стало изучение того, насколько эмоционально люди относятся к ИИ-устройствам. В итоге выяснилось, что при взаимодействии с «умными» устройствами более 60 % респондентов не испытывают каких-либо эмоций. Четверть опрошенных смогли охарактеризовать свои эмоциональные состояния, причем их спектр варьировался от сугубо положительных (восхищение, восторг, радость, любопытство, интерес, удивление, удовольствие, расслабление, удовлетворенность и т.п.) до определенно отрицательных (раздражение, страх, злость, грусть и др.) [22, с. 192]. Участники данного исследования высказались и по поводу возможной ситуации общения с ИИ, где предполагается обсуждение личных, «деликатных» вопросов и проблем. Большинство респондентов (65 %) отмечают кардинальные отличия между взаимодействиями типа «человек – человек» и «человек – машина (ИИ)». Более 60 % никогда не беседовали о своих личных проблемах с искусственным интеллектом и не собираются это делать. При этом 8 % опрошенных, наоборот, обсуждали сложные жизненные ситуации с ИИ и удовлетворены результатом.

В рамках указанного исследования НИУ ВШЭ был также рассмотрен ряд вопросов, касающихся вероятности эмпатии, направленной в обратную сторону: от ИИ к человеку. Ожидания респондентов по поводу возможной эмоциональной реакции от нейросетей, включенности ИИ в обсуждаемые с ним проблемы и т.п. оказались невысокими. Более 40 % охарактеризовали искусственный интеллект как технологию, в которой априори отсутствуют эмоции и эмпатия; 30–34 % оценили уровень эмпатичности ИИ как средний; и только около 2–3 % опрошенных указали, что ИИ при взаимодействии демонстрирует очень высокий уровень эмоциональности и эмпатии.

Таким образом, искусственный интеллект является мощной технологией, способной обеспечить стабильное развитие государства в современных динамичных условиях. Тем не менее успешное внедрение ИИ в общественные процессы требует внимательного подхода. Учитывая тот факт, что искусственный интеллект невероятно быстро самообучается, многие специалисты в данной области уже заявляют о необходимости притормозить данный процесс. Кроме того, необходимо контролировать соблюдение этических аспектов, проработать нормативную базу, регулировать использование персональных данных и т.д. Особое внимание при этом должно быть уделено обучению и повышению квалификации специалистов, способных эффективно применять технологии ИИ и раскрывать их потенциал в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Цвык В. А., Цвык И. В., Цвык Г. И. Искусственный интеллект в современном обществе: шаги, вызовы, стратегии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28, № 2. С. 589–600. doi: [10.22363/2313-2302-2024-28-2-589-600](https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-2-589-600) EDN: [UBJZTG](#)
2. Даллакян К. А. Техносоциальное неравенство в цифровую эпоху // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 2020. Т. 26, № 1. С. 82–96. doi: [10.24290/1029-3736-2020-26-1-82-96](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-1-82-96) EDN: [QVJRAT](#)
3. Исаева К. В. Периодизация технологического развития общества. Электронно-цифровая цивилизация // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 2022. Т. 28, № 4. С. 139–157. doi: [10.24290/1029-3736-2022-28-4-139-157](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-4-139-157) EDN: [XPMNRD](#)
4. Гавриленко О. В. Социальные технологии в эпоху «надзорного капитализма»: цифровизация и власть алгоритмов // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 2023. Т. 29, № 3. С. 145–165. doi: [10.24290/1029-3736-2023-29-3-145-165](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-3-145-165) EDN: [NTKTHT](#)
5. Дурнев А. Д. Событие в цифровую эпоху: статус действующего лица // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. № 3. С. 328–339. doi: [10.17072/2078-7898/2024-3-328-339](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-328-339) EDN: [PRSHFO](#)
6. Габриелян О. А. К вопросу о принципиальной (не)возможности сильного искусственного интеллекта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. № 3. С. 351–361. doi: [10.17072/2078-7898/2024-3-351-361](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-351-361) EDN: [QBKURX](#)
7. Осипова Н. Г. Цифровизация социальной реальности: ключевые дискуссии // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 2022. Т. 28, № 3. С. 7–27. doi: [10.24290/1029-3736-2022-28-3-9-42](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-3-9-42) EDN: [NSYWXR](#)
8. Биричева Е. В. Искусственные интеллектуальные системы и проблема опыта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. № 3. С. 317–327. doi: [10.17072/2078-7898/2024-3-317-327](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-317-327) EDN: [OHSVIP](#)
9. Алгалиева Г. С., Шалкарбек А. Искусственный интеллект как фактор трансформации в PR, маркетинге и медиапространстве // Российская школа связей с общественностью. 2024. № 33. С. 10–27. doi: [10.24412/2949-2513-2023-33-10-27](https://doi.org/10.24412/2949-2513-2023-33-10-27) EDN: [FBQXGG](#)
10. Шафир Т. В. Искусственный интеллект как инструмент трансформации социальных процессов в России // Вестник Прикамского социального института. 2025. № 1 (100). С. 151–157. EDN: [CFWXYN](#)
11. Жуков Д. А., Коляда Д. А., Вонарх Ю. С. Искусственный интеллект и большие данные, проблематика // Вестник науки. 2025. № 4. С. 384–393. EDN: [YXWJWC](#)
12. Неренц Д. В. Специфика применения искусственного интеллекта в современном медиапространстве // Litera. 2024. № 8. С. 186–198. doi: [10.25136/2409-8698.2024.8.44025](https://doi.org/10.25136/2409-8698.2024.8.44025) EDN: [UUYSSOS](#)
13. Вячистов В. М., Шафажинская Н. Е. Влияние информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта на когнитивные функции // Вестник Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет). Серия прикладных научных дисциплин. 2024. № 1. С. 96–108. EDN: [AAFRPR](#)
14. Былевский П. Г. Философско-культурологический анализ доверия к технологиям «искусственного интеллекта» // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 68. С. 65–77. doi: [10.31773/2078-1768-2024-68-65-77](https://doi.org/10.31773/2078-1768-2024-68-65-77) EDN: [EFACYO](#)
15. Молчанова Г. Г. Искусственный интеллект как вызов и как проблема (аналитический обзор) // Вестник Московского университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 2. С. 9–17. doi: [10.55959/MSU-2074-1588-19-27-2-1](https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-27-2-1) EDN: [FJVNMF](#)
16. Лукина М. М., Замков А. В., Крашенинникова М. А., Кульчицкая Д. Ю. Искусственный интеллект в российских медиа и журналистике: к дискуссии об этической кодификации // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. № 4. С. 680–694. doi: [10.17150/2308-6203.2022.11\(4\).680-694](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(4).680-694) EDN: [WMNHIF](#)
17. Глазова Л. И., Лузгина А. Д., Пугачевский А., Кочетова А. Н. Искусственный интеллект как эффективный инструмент коммуникаций // Российская школа связей с общественностью. 2024. № 33. С. 48–65. doi: [10.24412/2949-2513-2023-33-48-65](https://doi.org/10.24412/2949-2513-2023-33-48-65) EDN: [JURXUO](#)
18. Анненкова А. В. Искусственный интеллект и нейронные сети в рекламной индустрии: новый тренд на автоматизацию и симбиотическое сосуществование человека и технических инноваций // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 10 (148). С. 1–8. doi: [10.60797/IRJ.2024.148.49](https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.148.49) EDN: [ZGYCRL](#)

19. Мызрова К. А., Рожкова Е. В., Туманов Э. В., Владиславская В. А. Особенности применения искусственного интеллекта в креативных индустриях // Креативная экономика. 2025. Т. 19. № 2. С. 303–320. doi: [10.18334/ce.19.2.122571](https://doi.org/10.18334/ce.19.2.122571) EDN: [ESMPRH](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.18334/ce.19.2.122571)

20. Рубцова Н. В. Нейросети в медиа: возможности, проблемы, перспективы для будущих медиаспециалистов // Вопросы теории и практики журналистики. 2024. Т. 13, № 1. С. 156–171. doi: [10.17150/2308-6203.2024.13\(1\).156-171](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2024.13(1).156-171) EDN: [XGCNOY](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.17150/2308-6203.2024.13(1).156-171)

21. Давыдов С. Г., Замков А. В., Крашенинникова М. А., Лукина М. М. Использование технологий искусственного интеллекта в российских медиа и журналистике // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2023. № 5. С. 3–21. doi: [10.30547/vestnik.journ.5.2023.321](https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.5.2023.321) EDN: [ZZJRRX](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.30547/vestnik.journ.5.2023.321)

22. Шомова С. А. Ты, Я и «Алиса»: как мы уживаемся с искусственным интеллектом // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2024. № 3. С. 186–207. doi: [10.30547/vestnik.journ.3.2024.186207](https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2024.186207) EDN: [XGXXLO](https://esj.pnzgu.ru/doi/10.30547/vestnik.journ.3.2024.186207)

References

1. Tsvyk V.A., Tsvyk I.V., Tsvyk G.I. Artificial intelligence in modern society: steps, challenges, and strategies. *Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya = RUDN University Bulletin. Series: Philosophy*. 2024;28(2):589–600. (In Russ.). doi: [10.22363/2313-2302-2024-28-2-589-600](https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-2-589-600)

2. Dallakyan K.A. Technosocial inequality in the digital age. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18, Sotsiologiya i politologiya = Bulletin of Moscow University. Series 18, Sociology and Political Science*. 2020;26(1):82–96. (In Russ.). doi: [10.24290/1029-3736-2020-26-1-82-96](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-1-82-96)

3. Isaeva K.V. Periodization of Technological Development of Society. Electronic and Digital Civilization. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18, Sotsiologiya i politologiya = Bulletin of Moscow University. Series 18, Sociology and Political Science*. 2022;28(4):139–157. (In Russ.). doi: [10.24290/1029-3736-2022-28-4-139-157](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-4-139-157)

4. Gavrilenko O.V. Social technologies in the era of «surveillance capitalism»: digitalization and the power of algorithms. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18, Sotsiologiya i politologiya = Bulletin of Moscow University. Series 18, Sociology and Political Science*. 2023;29(3):145–165. (In Russ.). doi: [10.24290/1029-3736-2023-29-3-145-165](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-3-145-165)

5. Durnev A.D. Event in the digital age: status of an actor. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya = Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2024;(3):328–339. (In Russ.). doi: [10.17072/2078-7898/2024-3-328-339](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-328-339)

6. Gabrielyan O.A. On the fundamental (im)possibility of strong artificial intelligence. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya = Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2024;(3):351–361. (In Russ.). doi: [10.17072/2078-7898/2024-3-351-361](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-351-361)

7. Osipova N.G. Digitalization of social reality: key discussions. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18, Sotsiologiya i politologiya = Bulletin of Moscow University. Series 18, Sociology and Political Science*. 2022;(3):7–27. (In Russ.). doi: [10.24290/1029-3736-2022-28-3-9-42](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-3-9-42)

8. Biricheva E.V. Artificial intelligence systems and the problem of experience. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya = Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2024;(3):317–327. (In Russ.). doi: [10.17072/2078-7898/2024-3-317-327](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-317-327)

9. Algalieva G.S., Shalkarbek A. Artificial intelligence as a transformation factor in PR, marketing, and the media space. *Rossiiskaia shkola svyazei s obshchestvennost'iu = Russian school of public relations*. 2024;(33):10–27. (In Russ.). doi: [10.24412/2949-2513-2023-33-10-27](https://doi.org/10.24412/2949-2513-2023-33-10-27)

10. Shafir T.V. Artificial Intelligence as a Tool for Transforming Social Processes in Russia. *Vestnik Priamorskogo sotsial'nogo instituta = Bulletin of the Priamorsky Social Institute*. 2025;(1):151–157. (In Russ.).

11. Zhukov D.A., Kolyada D.A., Vонapkh Yu.S. Artificial intelligence and big data: issues. *Vestnik nauki = Bulletin of Science*. 2025;(4):384–393. (In Russ.).

12. Nerenz D.V. The specifics of using artificial intelligence in the modern media space. *Litera = Litera*. 2024;(8):186–198. (In Russ.). doi: [10.25136/2409-8698.2024.8.44025](https://doi.org/10.25136/2409-8698.2024.8.44025)

13. Vyachistov V.M., Shafazhinskaya N.E. The impact of information and communication technologies and artificial intelligence on cognitive functions. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologiy i upravleniya imeni K.G. Razumovskogo (Pervyy kazachiy universitet). Seriya prikladnykh nauchnykh distsiplin = Bulletin of the Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky (First Cossack University). A series of applied scientific disciplines*. 2024;(1):96–108. (In Russ.).

14. Bylevsky, P.G. Philosophical and cultural analysis of trust in artificial intelligence technologies. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2024;(68):65–77. (In Russ.). doi: [10.31773/2078-1768-2024-68-65-77](https://doi.org/10.31773/2078-1768-2024-68-65-77)
15. Molchanova G.G. Artificial intelligence as a challenge and a problem (analytical review). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19, Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia. = Bulletin of Moscow University. Series 19, Linguistics and Intercultural Communication*. 2024;(2):9–17. (In Russ.). doi: [10.55959/MSU-2074-1588-19-27-2-1](https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-27-2-1)
16. Lukina M.M., Zamkov A.V., Krasheninnikova M.A., and Kulchitskaya D.Yu. Artificial intelligence in russian media and journalism: a discussion on ethical codification. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Questions of the theory and practice of journalism*. 2022;(4):680–694. (In Russ.). doi: [10.17150/2308-6203.2022.11\(4\).680-694](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(4).680-694)
17. Glazova L.I., Luzgina A.D., Pugachevsky A., Kochetova A.N. Artificial intelligence as an effective communication tool. *Rossiiskaia shkola svyazei s obshchestvennost'iu = Russian school of public relations*. 2024;(33):48–65. (In Russ.). doi: [10.24412/2949-2513-2023-33-48-65](https://doi.org/10.24412/2949-2513-2023-33-48-65)
18. Annenkova A.V. Artificial intelligence and neural networks in the advertising industry: a new trend in automation and symbiotic coexistence of humans and technical innovations. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Scientific Research Journal*. 2024;(10):1–8. (In Russ.). doi: [10.60797/IRJ.2024.148.49](https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.148.49)
19. Myzrova K. A., Rozhkova E. V., Tumanov E. V., Vladislavskaya V. A. Features of applying artificial intelligence in creative industries. *Kreativnaia ekonomika = Creative economy*. 2025;19(2):303–320. (In Russ.). doi: [10.18334/ce.19.2.122571](https://doi.org/10.18334/ce.19.2.122571)
20. Rubtsova N.V. Neural networks in media: opportunities, challenges, and prospects for future media specialists. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Questions of the theory and practice of journalism*. 2024;13(1):156–171. (In Russ.). doi: [10.17150/2308-6203.2024.13\(1\).156-171](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2024.13(1).156-171)
21. Davydov S.G., Zamkov A.V., Krasheninnikova M.A., Lukina M.M. The use of artificial intelligence technologies in russian media and journalism. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10, Zhurnalistsika = Bulletin of Moscow University. Series 10, Journalism*. 2023;(5):3–21. (In Russ.). doi: [10.30547/vestnik.journ.5.2023.321](https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.5.2023.321)
22. Shomova S.A. You, Me, and Alice: how we get along with artificial intelligence. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10, Zhurnalistsika = Bulletin of Moscow University. Series 10, Journalism*. 2024;(3):186–207. (In Russ.). doi: [10.30547/vestnik.journ.3.2024.186207](https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2024.186207)

Информация об авторе / Information about the author

А. Ю. Пугерова – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-4908-5219>

A.Yu. Piterova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Communications, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026. ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-4908-5219>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 16.06.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 07.07.2025

Принята к публикации / Accepted 30.07.2025

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Научная статья

УДК 316

EDN: PQSTUK

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-12

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ: ИНФОРМАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ И ВОЗДЕЙСТВИЕ

Лилия Валерьевна Рожкова¹, Владимир Павлович Воробьев²,

Альбина Шагидулловна Дубина³

^{1, 2, 3}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹mamaeva_lv@mail.ru

²stlem2007@yandex.ru

³misurin@bk.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В современных условиях развязанной против России информационной войны, беспрецедентного давления в связи с проводимым жестким внешнеполитическим курсом по отстаиванию своих национальных интересов наша страна оказалась в сложных условиях. Градус информационного давления постоянно растет. И обычные граждане сталкиваются с огромными потоками информации, которая часто содержит недостоверные сведения, порочащие нашу страну, армию, правительство. В этих условиях может возникать ситуация, когда наши сограждане поддаются попыткам активного информационного воздействия, что негативно сказывается на общем состоянии российского общества, появляются протестные настроения, что сегодня недопустимо в силу крайне важной потребности в объединении россиян перед лицом внешних вызовов. Цель работы – изучение информационного влияния на внешнеполитические ориентации современной молодежи. *Материалы и методы.* В основу работы положены результаты опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения и Фонда «Общественное мнение», а также материалы авторских исследований среди молодежи, в том числе студенческой молодежи, проведенные в Пензе, Саратове, Тюмени (2023–2025 гг.). *Результаты.* Проведен теоретический анализ основных параметров внешней политики, информационной войны, особенностей информационного влияния на молодежь, представлены социологический ракурс информационного сопровождения внешней политики, исследование информационного влияния во внешнеполитической сфере на ориентации современной молодежи. *Выводы.* По данным опросов установлено, что сегодня молодые люди проявляют активный интерес к политическим событиям, в большей части он замечен у студентов-международников. Молодежь черпает информацию о международных событиях из интернет-источников, демонстрируя достаточно высокий уровень доверия им. Большая часть молодых людей поддерживает запрет со стороны властей на распространение недостоверных данных о действиях российских военных в зоне СВО, а также отмечает рост распространения подобного рода информации. При этом, как показывают данные опросов, информационное воздействие, которое пытаются реализовать недружественные акторы, практически не оказывает влияния на патриотические составляющие внешнеполитических ориентаций современной молодежи.

Ключевые слова: внешняя политика, информационное сопровождение, информационное влияние, россияне, молодежь, Россия

Для цитирования: Рожкова Л. В., Воробьев В. П., Дубина А. Ш. Внешняя политика и ориентации молодежи: информационное сопровождение и воздействие // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 3. С. 121–133. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-12 EDN: PQSTUK

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Original article

FOREIGN POLICY AND YOUTH ORIENTATION: INFORMATION SUPPORT AND IMPACT

Liliya V. Rozhkova¹, Vladimir P. Vorobyev², Albina Sh. Dubina³

^{1,2,3}Penza State University, Penza, Russia

¹mamaeva_lv@mail.ru

²stlem2007@yandex.ru

³misurin@bk.ru

Abstract. *Background.* In the current conditions of the information war unleashed against Russia, unprecedented pressure in connection with the tough foreign policy pursued to defend its national interests, our country found itself in difficult conditions. The degree of information pressure is constantly growing. And ordinary citizens are faced with huge flows of information, which often contains false information that discredits our country, the army, and the government. In these circumstances, a situation may arise when our fellow citizens succumb to attempts of active informational influence, which negatively affects the general state of Russian society, and protest sentiments appear, which is unacceptable today due to the extremely important need to unite Russians in the face of external challenges. The purpose of the work is to study the information influence on the foreign policy orientations of modern youth. *Materials and methods.* The work is based on the results of surveys conducted by VTsIOM and FOM, as well as materials from author's research among young people, including students, conducted in Penza, Saratov, and Tyumen (2023–2025). *Results.* The article provides a theoretical analysis of the main parameters of foreign policy, information warfare, the features of information influence on youth, presents a sociological perspective of information support for foreign policy, and a study of information influence in the foreign policy sphere on the orientation of modern youth. *Conclusions.* According to surveys, young people today show an active interest in political events, and for the most part it is noticeable among international students. Young people get information about international events from online sources, demonstrating a fairly high level of trust in them. Most of the young people support the ban by the authorities on the dissemination of false information about the actions of the Russian military in their own zone, and also note the increase in the dissemination of this kind of information. At the same time, according to the survey data, the information impact that unfriendly actors are trying to implement has virtually no effect on the patriotic components of the foreign policy orientations of modern youth.

Keywords: foreign policy, information support, information influence, Russians, youth, Russia

For citation: Rozhkova L.V., Vorobyev V.P., Dubina A.Sh. Foreign policy and youth orientation: information support and impact. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(3):121–133. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-12

Введение

В условиях кардинальных геополитических трансформаций и изменения мирового порядка различные страны предпринимают активные попытки заявить о себе и своих интересах. Однако они сталкиваются со значительным давлением со стороны государств, считающих себя лидерами на мировой арене, и прежде всего США и его западных союзников. Разжигание международных конфликтов, вмешательство во внутренние дела ряда стран приобрели

повсеместный характер. При этом используемые методы варьируются от военных до информационных. В частности, развязанная сегодня против России информационная война имеет беспрецедентные масштабы.

Еще в 2016 г. в Концепции внешней политики РФ при рассмотрении информационных элементов внешней политики речь шла о влиянии информационных факторов на мировую политику: «На передний план, наряду с военной мощью, выдвигаются такие важные факторы влияния государств на международную политику, как экономические, правовые, технологические, информационные»¹. После 2022 г. в Концепции внешней политики РФ 2023 г. просматривается более жесткий подход к информационным факторам давления на страну. Так, в концепции появился блок, посвященный противодействию угрозам в сфере информационной безопасности, где предусмотрено принятие мер в области «противодействия политике недружественных государств по милитаризации глобального информационного пространства, по использованию информационно-коммуникационных технологий для вмешательства во внутренние дела государств и в военных целях»². Кроме того, актуальными сегодня являются и направления, связанные с распространением правдивой информации о роли и месте России за рубежом, а также защита наших сограждан от деструктивного иностранного информационно-психологического воздействия³.

Особенно явно все признаки информационной войны стали просматриваться после начала СВО. Происходят кибератаки на органы государственной власти, отечественные предприятия. В сети Интернет активно идет процесс массового вброса дезинформации и агрессивной антироссийской пропаганды. И обычные граждане также оказываются втянутыми в этот процесс. Как справедливо подчеркивает Г. А. Цветкова, «...нельзя не признать, что злободневность заявленной проблемы осложняется иррационалистическим пониманием событий, отвергающим последовательность и разумность происходящего, отсюда неоднозначное восприятие и даже противоречивые действия некоторых россиян» [1, с. 157]. И в этой связи важно понимать степень информационного воздействия на наших сограждан, в особенности на наиболее активную, прогрессивную часть общества – молодежь, чьи ценностные ориентации еще достаточно лабильны, а протестный потенциал высокий.

Основная цель – социологический анализ информационного сопровождения внешней политики, а также исследование информационного влияния на внешнеполитические ориентации современной молодежи.

Материалы и методы

В исследовании использованы данные Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), Левада-центра (признан иноагентом), связанные с используемыми источниками информации, распространением деструктивной и дезинформации и отношением к этому россиян, а также материалы авторских опросов среди молодежи: опрос студентов г. Пензы (2023 г., $n = 393$, 2024 г., $n = 351$) [2], опрос молодежи Пензы, Тюмени, Саратова (2024 г., 14–35 лет, выборка квотная) [3], опрос студентов Пензенского государственного университета (2025 г., 1–4 курс, обучающиеся по направлению подготовки «Международные отношения», выборка сплошная, $n = 86$).

Результаты

Информационная война и внешняя политика РФ: общие параметры

Сегодня цифровое пространство, наряду с воздушным, морским, территориальным, по сути, превратилось в один из театров информационной войны. Информационная война (от

¹ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 // Президент России : сайт. URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (утратил силу) (дата обращения: 30.03.2025).

² Концепция внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 29 : (утв. Указом Президента РФ) // Министерство иностранных дел Российской Федерации : сайт. URL : <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 30.03.2025).

³ Там же.

англ. information warfare) – это противоборство между государствами в информационном пространстве [4]. Российский политолог А. В. Манойло определяет информационно-психологическую войну как «политический конфликт, возникающий в результате столкновения двух или более разнонаправленных политических сил с целью разрешения противоречий по поводу власти и осуществления политического руководства, а также по поводу перераспределения их роли, места и функций в политической системе информационного общества, в котором столкновение конфликтующих сторон происходит в форме информационно-психологических операций с применением информационного оружия» [5, с. 16]. С позиции психологии информационная война рассматривается как «скрытое воздействие информации на индивидуальное, групповое и общественное сознание с использованием методов пропаганды, ложной информации и манипуляции с целью формирования новых представлений об организации общественно-политической деятельности и изменения ценностных ориентаций и базовых установок человека» [6, с. 70]. Таким образом, она имеет прямое отношение к использованию психологических технологий воздействия на противника.

Выделяется несколько видов ведения информационной борьбы. Это информационно-психологическое и информационно-техническое влияние в зависимости от объекта воздействия – это индивид, группа или общество в целом или компьютерные и технические системы [7, с. 64]. В числе первых А. Фененко выделяет элиты региона, население, аудитории определенных СМИ¹. Информационные войны представляют угрозу как государству, так и личности и обществу. А информация, которая рассматривается как угроза, требует адекватных действий, защитных мер [8].

Информационные войны ведутся с использованием определенных методов – политическая пропаганда, агитация, подстрекательство, а также ложная информация. Это воздействие считается «мягким», в противовес «жесткой силе» с использованием военных средств. По определению Д. Ная, «мягкая сила» состоит в умении государства привлекать своими политическими ценностями, институтами, культурой [9].

При этом в последние годы усилилось значение «косвенных» методов ведения информационной войны, среди которых:

- символическое манипулирование, т.е. использование эмоционально-заряженных слов-символов, позволяющих представить одни и те же факты в абсолютно разном свете («боевики», «оккупанты», «силы сопротивления» и пр.);
- произвольное ранжирование событий, выгодное с точки зрения пропаганды, когда, например, менее значимое событие занимает в информационной повестке основное место, а объективно более значимое – замалчивается;
- использование реальных социальных проблем общества для дискредитации ключевых институтов государства, защищающих суверенитет (вооруженных сил, спецслужб и пр.), и даже самой государственности в целом;
- произвольное структурирование чреды исторических событий (например, началом какого-либо конфликта объявляется то событие, которое в невыгодном свете представляет информационного противника).

В то же время в условиях обострения информационного противостояния и особенно в условиях «горячего» военного конфликта все шире и шире используется грубая пропаганда и прямая дезинформация.

Официально факт информационной войны против нашей страны был зафиксирован в Военной доктрине РФ 2014 г., где в числе военных угроз были выделены информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), которые используются в военно-политических целях для подрыва суверенитета и целостности страны². Это осознается уже и рядовыми гражда-

¹ Фененко А. Парадокс информационных войн // Российский совет по международным делам (РСМД) : сайт. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/paradoks-informatsionnykh-voyn/> (дата обращения: 01.04.2025).

² Военная доктрина Российской Федерации от 25 декабря 2014 г. № Пр-2976 : (утв. Президентом РФ) // Министерство иностранных дел Российской Федерации : сайт. URL : https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1584621/ (дата обращения: 30.03.2025).

нами страны. Так, по данным ВЦИОМ 2022 г., большинство россиян (90 %) считают, что сегодня против нашей страны ведется информационная война в связи с проведением СВО¹. Доля таких лиц среди студентов по авторскому опросу 2025 г. составляет 81,4 %.

Для борьбы с деструктивным воздействием Россия использует все имеющиеся в ее арсенале средства. В Концепции внешней политики РФ 2023 г. представлен особый раздел, касающийся информационного сопровождения внешней политики РФ². В нем выделяется ряд направлений, которые способствуют противодействию антироссийской пропагандистской кампании и направлены на укрепление позиций нашей страны в мировом информационном пространстве, формирование объективного восприятия РФ за рубежом (рис. 1).

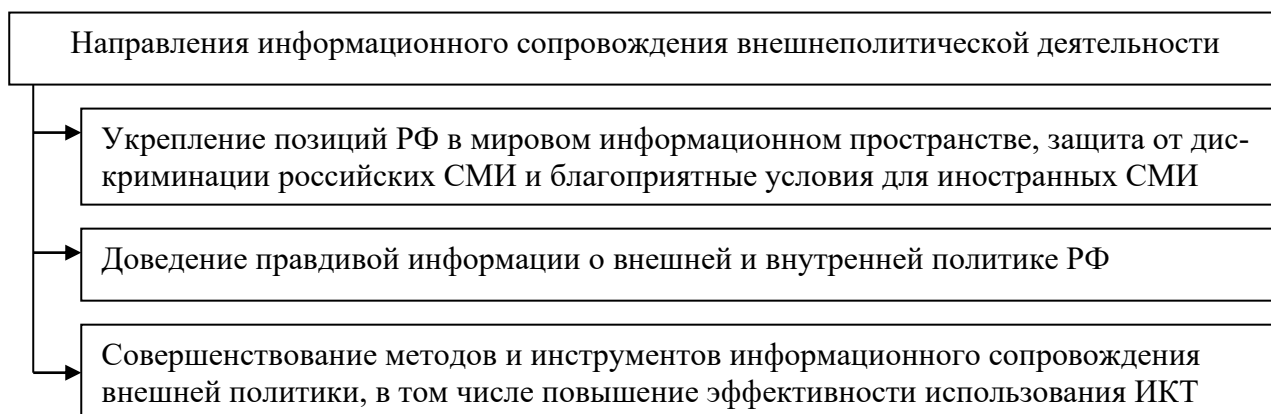


Рис. 1. Информационное сопровождение внешней политики РФ³

Таким образом, сегодня в России используются различные механизмы и инструменты борьбы с негативными информационными воздействиями, в том числе и во внешнеполитической сфере.

Молодежь в информационном внешнеполитическом поле

В современных условиях присутствует значительная актуальность проблемы информационного воздействия на наших сограждан, в том числе и на молодое поколение, что обусловлено современными активными процессами информатизации и виртуализации и отражается в росте числа исследований, посвященных этой проблематике. Значительный научный интерес сосредоточен на молодежи, которая наиболее подвержена этому влиянию. Так, ее политические ориентации и особенности политической деятельности в современном цифровом пространстве рассматриваются А. Н. Гуреевой [10], А. А. Деревянченко, Д. В. Калиным [11] и др. Трансформация политического сознания и ценностей молодых людей в условиях информационного влияния исследуется И. В. Лесковой [12], А. В. Селезневой [13, 14], Д. Н. Кравцовым [15], Д. А. Лушниковым и Т. И. Барсуковой [16], Е. В. Бродовской [17] и др.

Несмотря на то, что цифровые технологии открывают значительные возможности для молодежи, в том числе и в политической сфере, позволяют им разобраться в политических реалиях [18], исследования свидетельствуют, что у современных молодых людей, активно использующих интернет, присутствует склонность к формированию более радикальных политических взглядов, поскольку они «подвержены большему количеству идей и точек зрения, чем те, кто получает информацию через традиционные СМИ» [19, с. 10–11].

¹ Информационная война вокруг специальной военной операции // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) : сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/informacionnaja-voina-vokrug-specialnoi-voennoi-operacii> (дата обращения: 30.03.2025).

² Концепция внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 29 : (утв. Указом Президента РФ) // Министерство иностранных дел Российской Федерации : сайт. URL : <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 30.03.2025).

³ Там же.

Молодежь в силу своих аксиологических, социальных и психологических особенностей наиболее подвержена информационному влиянию, и, соответственно, недружественные страны направляют свое деструктивное информационное воздействие в значительной мере именно на эту социальную группу [20], используя интернет и технологии переформатирования сознания молодых людей путем манипулятивного и фейкового контента [21, с. 127].

По данным авторских исследований 2024–2023 гг., молодые люди проявляют значительный интерес к внешней политике (табл. 1). И чаще это юноши в возрасте 14–23 года и 30–35 лет, с хорошим уровнем материального благосостояния, госслужащие и студенты [3, с. 37]. Представленные данные показывают, что студенты-международники проявляют к внешнеполитической сфере повышенный интерес.

Таблица 1

Интерес молодежи к внешнеполитическим событиям, %
[3, 2] (дополнено данными 2025 г.)

Варианты ответов	Студенты-международники, Пенза, 2025 г., <i>n</i> = 86	Молодежь, Пенза, Саратов, Тюмень, июнь 2024 г., <i>n</i> = 1400	В том числе студенты, июнь 2024 г., <i>n</i> = 600	Студенты, Пенза, январь 2024 г., <i>n</i> = 351	Студенты, Пенза, 2023 г., <i>n</i> = 393
Скорее слежу	81,4	59,1	61,5	43,6	46,6
Скорее не слежу	18,6	40,9	38,5	29,9	37,4
Затруднились ответить	—	—	—	26,5	16

По данным авторских исследований, Telegram-каналы и сайты интернет-СМИ выступают основными каналами информации для современных молодых людей о происходящих мировых событиях (табл. 2). Роль семьи в этом процессе, по самооценкам молодежи, невелика: только около пятой части респондентов указали, что получают от них информацию о мировых политических событиях. Также было выявлено, что молодые люди, которые следят за политическими событиями в гораздо большей степени, чем те, которые не следят, используют в качестве каналов информации Telegram-каналы и сайты интернет-СМИ.

Таблица 2

Источники информации о международных событиях, %, многовариантные ответы [3]

Варианты ответов	Студенты-международники, Пенза, 2025 г., <i>n</i> = 86	Молодежь, Пенза, Саратов, Тюмень, июнь 2024 г., <i>n</i> = 1400
Телевидение	27,9	24,3
Журналы, газеты	13,9	9,9
Сайты интернет-СМИ	53,5	53,4
Telegram-каналы	65,1	61,4
YouTube	32,5	24,4
Группы в социальных сетях (ВК и др.)	16,2	24,3
Друзья, родственники	27,9	23,9
Знакомые, коллеги, сокурсники	6,9	10,3
Не интересуюсь мировыми событиями	6,9	6,6

Важность для молодежи интернета подтверждает и ряд других исследований. Так, по опросу 2022 г. среди молодежи Казахстана, 89,6 % молодых людей являются активными пользователями интернета. В этой связи исследователи подчеркивают, что «в результате расширения виртуальной интернет-среды открывается своеобразный "ящик Пандоры" для

дистанционного манипулирования молодежным сознанием, в арсенале которого целый набор информационных технологий» [21, с. 125].

По опросу 2024 г. оказалось, что ключевое влияние, по самооценкам молодежи, на их внешнеполитические взгляды и ориентации оказывают СМИ, книги, пресса, кино (41 %); далее следуют родители и родственники (39,3 %); окружающие люди, друзья (27,4 %) [3, с. 45]. Интересные данные были получены по опросу 2025 г. Так, для студентов-международников большое значение имеют позиции Президента РФ и видных политиков (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Мнение кого по вопросам политики (внутренней и внешней) для Вас лично является наиболее важным и авторитетным?», %, многовариантные ответы

Варианты ответов	Проценты, $n = 86$
Члены семьи, родственники	20,9
Президент РФ	48,8
Близкие друзья, сокурсники	6,9
Известные и уважаемые политики	39,5
Журналисты, ведущие телепередач	6,9
Руководители учебного заведения	16,3
Руководители области, города	11,6
Известные и уважаемые артисты, спортсмены, деятели науки и культуры	4,6
Ничье мнение для меня не важно	16,2
Затруднились ответить	11,6
Свое мнение	2,3

По данным авторских опросов, студенты-международники более осведомлены о том, какие документы регламентируют основы российской внешней политики. Большинство из них (93 %) знакомы с этими документами; доля молодежи по опросу 2024 г. составила 48 %

Данные авторских опросов показывают, что большая доля молодых людей знают о том, где можно найти внешнеполитическую информацию о России (сайт МИД РФ, группы в социальных сетях и др.) (табл. 4). Чаще с источниками, транслирующими внешнеполитическую информацию, знакомы молодые люди, входящие в младшую возрастную группу от 14 до 23 лет, студенты, молодые госслужащие. Безусловно, те респонденты, которые следят за политической ситуацией в стране и мире, знают, где найти нужную информацию.

Таблица 4

Знания об источниках информации о внешнеполитической деятельности России, % [3] (дополнено данными 2025 г.)

Варианты ответов	Студенты-международники, Пенза, 2025 г., $n = 86$	Молодежь, Пенза, Саратов, Тюмень, июнь 2024 г., $n = 1400$
Да	93	70,1
Нет	7	29,9

Более близкие по времени международные события более актуальны для молодежи, вызывают повышенный интерес. Например, подавляющее большинство студентов-международников (83,7 %) смотрели интервью В. Путина Т. Карлсону (9 февраля 2024 г.), однако только 62,7 % из них знакомы с его выступлением на Мюнхенской конференции 10 февраля 2007 г. по вопросам политики и безопасности.

По данным ФОМ 2023 г. оказалось, что 42 % наших сограждан доверяют телевидению (в 2015 г. их доля составляла 63 %), в том числе 24 % молодежи в возрасте 18–30 лет. Доверие новостным сайтам в интернете выразили 21 % россиян в целом и 31 % молодежи 18–30 лет, а форумам и блогам в социальных сетях – 13 % россиян и 27 % молодежи¹. Эти данные подтверждают и результаты авторских опросов (табл. 5).

Таблица 5

Доверие источникам информации в освещении мировых новостей, %, многовариантные ответы

Варианты ответов	Проценты, n = 86
Телевидение	16,3
Журналы, газеты	11,6
Сайты интернет-СМИ	39,5
Telegram-каналы	53,5
YouTube	13,9
Группы в социальных сетях (ВК и др.)	6,9
Друзья, родственники	4,6
Знакомые, коллеги, сокурсники	9,3
Не интересуюсь мировыми событиями	6,9

Современная молодежь больше всего доверяет интернет-источникам. Вместе с тем полностью доверяют информации об СВО из российских государственных СМИ 20,9 %, еще 44,1 % доверяют частично. Так, по данным Левада-центра (признан иноагентом) 2022 г., 42 % россиян доверяли государственным телеканалам (20 % в группе 18–24-летних), а социальным сетям – 25 % россиян, 42 % молодых людей в возрасте 18–24 года².

Органы власти принимают разные меры по контролю и профилактике распространения фейковой информации. Так, в 2021 г. был принят закон о блокировке сайтов с ложными обвинениями без суда. А Роскомнадзор имеет право замедлять скорость работы, например, социальных сетей, при нарушении действующих норм [1]. В 2022 г. был принят федеральный закон, согласно которому «за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации...»³ предусмотрена уголовная ответственность.

По данным опроса 2025 г. оказалось, что 37,5 % студентов-международников полностью и еще 11,6 % скорее поддерживают решение руководства нашей страны об ответственности за ложную информацию о действиях российских военных в рамках СВО. Таким образом, доля разделяющих это мнение составила 49,1 % среди молодежи. По данным Левада-центра (признан иноагентом) 2022 г., среди россиян в целом это решение поддерживают 79 %, а среди молодежи 18–24 года – 65 %⁴. Также исследования показали, что студенческая молодежь отмечает рост с начала СВО по настоящее время количества ложной информации в СМИ (48,8 % опрошенных), 16,2 % отметили, что ложной информации стало меньше, а 11,6 %, что ее объем остался на прежнем уровне.

¹ Источники информации: предпочтения россиян // Фонд Общественное мнение | ФОМ : сайт. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14835> (дата обращения: 31.03.2025).

² Левада-центр: восприятие новостной информации среди россиян // Demoscope : сайт. URL: <https://demos.kz/levada-centr-vosprijatie-novostnoj-informacii-sredi-rossijan/> (дата обращения: 30.03.2025).

³ Установлена уголовная ответственность за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил России // Президент России : сайт. URL : <http://www.kremlin.ru/acts/news/67908> (дата обращения: 31.03.2025).

⁴ Левада-центр: восприятие новостной информации среди россиян // Demoscope : сайт. URL: <https://demos.kz/levada-centr-vosprijatie-novostnoj-informacii-sredi-rossijan/> (дата обращения: 30.03.2025).

Результаты авторского опроса 2025 г. подтверждаются материалами ВЦИОМ: чаще россияне, в том числе и молодые люди, встречались с негативной информацией в отношении роли России в связи с СВО (табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Встречали ли Вы лично материалы, сообщения, которые показывают роль России, ее армии в событиях, происходящих на Украине, в негативном ключе?»¹, % (дополнено данными 2025 г.)

Варианты ответов	Опрос ВЦИОМ, 2022 г.	Студенты-международники, Пенза, 2025 г., n = 86
Встречали	61	55,8
Не встречали	39	44,2

При этом 41 % россиян отмечали, что это были недостоверные материалы²; среди студентов-международников так считают 44,2 % (табл. 7).

Таблица 7

Оценка правдивости или лживости встречаемых материалов о негативной роли России и ее армии в событиях на Украине³ (дополнено данными 2025 г.)

Варианты ответов	Опрос ВЦИОМ, 2022 г.	Студенты-международники, Пенза, 2025 г., n = 86
Не отвечали на вопрос	39	–
Скорее правдивы	11	6,9
Скорее лживы	41	44,2
Затруднились ответить	9	48,9

Интересно и то, что негативные материалы и сообщения в отношении оценок России и СВО, с которыми молодые люди сталкивались в СМИ, не изменили их мнения (табл. 8).

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос «Изменили ли материалы, сообщения, которые показывают негативную роль России и ее армии в событиях на Украине, Ваше отношение к этим событиям?», % [3] (дополнено данными 2025 г.)

Варианты ответов	Студенты-международники, Пенза, 2025 г., n = 86	Молодежь, Пенза, Саратов, Тюмень, июнь 2024 г., n = 1400
Да	9,3	8,6
Скорее да	4,6	6,5
Скорее нет	6,9	14,1
Нет	37,2	33,1
Затруднились ответить	42	37,8

Говоря о мерах, способствующих снижению негативного информационного воздействия на современную молодежь, исследователи предлагают использовать медиаобразование, в частности обучение основам психолого-информационной гигиены: доверие проверенной информации, которая исходит из официальных источников, использование раз-

¹ Информационная война вокруг специальной военной операции // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) : сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/informacionnaja-voyna-vokrug-specialnoi-voennoi-operacii> (дата обращения: 30.03.2025).

² Там же.

³ Там же.

ных медиаресурсов [21]. Строго говоря, сегодня молодые люди используют это в своей повседневной жизнедеятельности. Как показывают материалы фокус-групп, проведенных среди студентов в 2024 г., многие из участников высказывали мнение о том, что они не доверяют только одному источнику информации, их мнение основано на нескольких источниках, а информация всегда «фильтруется» [3].

Заключение

Таким образом, сегодня на уровне и официального признания, и мнения россиян в отношении России ведется беспрецедентная по своим масштабам информационная война, которая призвана оказать негативное влияние на ориентации наших граждан, в том числе молодежи, и, прежде всего, деструктивно отразиться на их внешнеполитических взглядах, вызвать недоверие к российской власти, армии, СВО, деконсолидировать россиян. Для борьбы с деструктивным воздействием наша страна использует все имеющиеся средства, в том числе, с одной стороны, это работа по формированию положительного имиджа России в глазах россиян и иностранной аудитории, ознакомление с российскими позициями в отношении проводимого внешнеполитического курса, направленного на защиту национальных интересов, с другой стороны, это выявление недостоверной информации, ее аргументированное опровержение и блокировка распространения с использованием для этого технических средств и правовых ресурсов.

Молодежь в силу своих возрастных характеристик в особенности подвержена информационному воздействию. По данным авторских исследований и опросов всероссийских центров было выявлено, что современные молодые люди проявляют значительный интерес к внешней политике, что более всего заметно у студентов-международников. На их внешнеполитические взгляды и ориентации ключевое влияние оказывают СМИ, а также родители и родственники. Для студентов-международников авторитетным является мнение Президента РФ и видных политиков. Telegram-каналы и сайты интернет-СМИ выступают основными каналами информации для современных молодых людей о происходящих мировых событиях (им же и больше доверяет молодежь). Информационное сопровождение российской внешнеполитической деятельности проводится на высоком уровне. Студенческая молодежь отмечает рост с начала СВО по настоящее время количества ложной информации в СМИ и солидарна с принятыми решениями об ограничении недостоверной информации и установлении ответственности за ее распространение. Достаточно часто россияне, включая молодых людей, встречались с негативной, а также недостоверной информацией в отношении роли России в связи с СВО. Вместе с тем это не изменило их мнения и позиции.

Список литературы

1. Цветкова Г. А. Россияне в условиях информационной войны // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2024. № 3. С. 155–166. doi: [10.28995/2073-6401-2024-3-155-166](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2024-3-155-166) EDN: ZRBQLO
2. Рожкова Л. В., Воробьев В. П. Некоторые особенности молодежного патриотизма в условиях обострения современной международной обстановки и проведения специальной военной операции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 4 (68). С. 62–81. doi: [10.21685/2072-3016-2023-4-5](https://doi.org/10.21685/2072-3016-2023-4-5) EDN: KKHTNV
3. Внешнеполитические ориентации молодежи современной России : монография / Л. В. Рожкова, С. А. Влазнева, А. Ш. Дубина [и др.]. Пенза : Пензенский государственный университет, 2024. 220 с. EDN: QNSTSM
4. Информационная война в цифровом медиапространстве : монография / под ред. Л. К. Лободенко, Л. П. Шестеркиной, А. В. Красавиной. Челябинск : Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 2023. 364 с. EDN: KDKULD
5. Манойло А. В. Государственная информационная политика в особых условиях. М. : МИФИ, 2003. 388 с.
6. Саидзода Д. А. Информационная война: теоретический и концептуальный анализ // Endless Light in Science. 2024. № 19. С. 69–77.

7. Бушкова А. Ю. Технологии информационного воздействия на государственность Российской Федерации: пути противодействия // Манускрипт. 2018. № 9 (95). С. 63–67. doi: [10.30853/manuscript.2018-9.13](https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-9.13) EDN: XYQAYP
8. Иванов С. А. Информационная война: сущность и основные формы проявления // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4–2 (80). С. 276–279. doi: [10.14258/izvasu\(2013\)4.2-54](https://doi.org/10.14258/izvasu(2013)4.2-54) EDN: RYEOZP
9. Nye J. S., jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York : Public Affairs, 2004. 192 p. URL: <https://archive.org/details/softpowermeansto00nye>
10. К вопросу об общественно-политических ценностях российской молодежи: медиацентричный подход / А. Н. Гуреева, М. Е. Аникина, О. В. Муронец, Э. В. Самородова // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2021. № 5. С. 51–73. doi: [10.30547/vestnik.journ.5.2021.5173](https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.5.2021.5173) EDN: WGYRQG
11. Деревянченко А. А., Калинин Д. В. Политическая активность молодежи в цифровом обществе // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 2 (16). С. 155–173. EDN: FRLHRU
12. Лескова И. В. Формирование политического сознания современной молодежи России в условиях информационной войны // Политконсультант. 2023. Т. 3, № 4. С. 1–9. EDN: SSYFGH
13. Селезнева А. В., Дождиков А. В. Информационный контекст формирования политического сознания молодежи в современной России // Информационные войны. 2012. № 3 (23). С. 100–105. EDN: PFICVX
14. Селезнева А. В., Яковлева А. Ф., Ибрагимов Э. С. Гражданское самосознание российской молодежи и медиапространство: «нескладывающийся пазл» // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. № 4. С. 109–138. doi: [10.46539/gmd.v3i4.206](https://doi.org/10.46539/gmd.v3i4.206) EDN: HMCCTY
15. Российская молодежь как объект деструктивного воздействия средств идеологического, информационно-психологического и культурного противоборства Запада / Д. Н. Кравцов, В. Д. Исаев, В. Н. Лебедь, К. А. Восканян // Коммуникология. 2018. № 1. С. 68–83. EDN: YVQMNT
16. Лушников Д. А., Барсукова Т. И. Отношение молодежи к информационным войнам // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2024. № 17 (4). С. 64–76. doi: [10.17213/2075-2067-2024-4-64-76](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2024-4-64-76) EDN: DBONVG
17. Деструктивное информационно-психологическое воздействие на молодежь России в социальных медиа (по материалам круглого стола) / Е. В. Бродовская, Р. В. Парма, В. А. Лукушин, Н. Ю. Склярова // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. № 13 (2). С. 12–18 doi: [10.26794/2226-7867-2023-13-2-12-18](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-2-12-18) EDN: QBJRNA
18. Гришаева С. А., Шамаев П. А. Политическое участие молодежи в цифровой среде // Цифровая социология. 2022. № 5 (1). С. 25–35. doi: [10.26425/2658-347X-2022-5-1-25-35](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-1-25-35) EDN: LYEJMG
19. Окуловский М. Д. Молодежь и медиа: влияние информационных технологий на политическое мировоззрение // Социодинамика. 2024. № 4. С. 10–21. doi: [10.25136/2409-7144.2024.4.70480](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2024.4.70480) EDN: URCMYI
20. Смирнова М. И. Российская молодежь как основной объект информационного воздействия в условиях информационных войн // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 80–5. С. 144–146. doi: [10.18411/trnio-12-2021-250](https://doi.org/10.18411/trnio-12-2021-250) EDN: KVNULE
21. Молодежь в фокусе информационно-психологической войны / А. Н. Тесленко, Л. А. Колыванова, Е. В. Дудина, М. Н. Глубокова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2023. Т. 25, № 91. С. 121–129. doi: [10.37313/2413-9645-2023-25-91-121-129](https://doi.org/10.37313/2413-9645-2023-25-91-121-129) EDN: KHHWVP

References

1. Cvetkova G.A. Russians in the conditions of information war. *Vestnik RGGU. Serija: Filosofija. Sociologija. Iskustvovedenie = Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Philosophy. Social studies. Art studies.* 2024;(3):155–166. (In Russ.). doi: [10.28995/2073-6401-2024-3-155-166](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2024-3-155-166)
2. Rozhkova L.V., Vorob'ev V.P. Some features of youth patriotism in the context of the aggravation of the current international situation and the conduct of a special military operation. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2023;(4):62–81. (In Russ.). doi: [10.21685/2072-3016-2023-4-5](https://doi.org/10.21685/2072-3016-2023-4-5)

3. Rozhkova L.V., Vlazneva S.A., Dubina A.Sh. et al. *Vneshnepoliticheskie orientacii molodezhi sovremennoj Rossii: monografija = Foreign policy orientations of youth in modern Russia: monograph*. Penza: Penzenskij gosudarstvennyj universitet, 2024:220. (In Russ.)
4. Lobodenko L.K., Shesterkinov L.P., Krasavinov A.V. (eds.). *Informacionnaja vojna v cifrovom mediprostranstve: monografija = Information war in the digital media space: monograph*. Cheljabinsk: Juzhno-Ural'skij gosudarstvennyj universitet (nacional'nyj issledovatel'skij universitet), 2023:364. (In Russ.)
5. Manojlo A.V. *Gosudarstvennaja informacionnaja politika v osobyh uslovijah = State information policy in special conditions*. Moscow: MIFI, 2003:388. (In Russ.)
6. Saidzoda D.A. Information war: theoretical and conceptual analysis. *Endless light in science*. 2024;(19):69–77. (In Russ.)
7. Bushkova A.Ju. Technologies of information influence on the statehood of the Russian Federation: ways of counteraction. *Manuskript = Manuscript*. 2018;(9):63–67. (In Russ.). doi: [10.30853/manuskript.2018-9.13](https://doi.org/10.30853/manuskript.2018-9.13)
8. Ivanov S.A. Information war: essence and main forms of manifestation. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University*. 2013;(4–2):276–279. (In Russ.). doi: [10.14258/izvasu\(2013\)4.2-54](https://doi.org/10.14258/izvasu(2013)4.2-54)
9. Nye J.S., jr. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004:192. Available at: <https://archive.org/details/softpowermeansto00nyej>
10. Gureeva A.N., Anikina M.E., Muronec O.V., Samorodova Je.V. To the issue of socio-political values of Russian youth: a media-centric approach. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10, Zhurnalistsika = Moscow University Bulletin. Series 10, Journalism*. 2021;(5):51–73. (In Russ.). doi: [10.30547/vestnik.journ.5.2021.5173](https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.5.2021.5173)
11. Derevjanchenko A.A., Kalinin D.V. Political activity of youth in digital society. *Grazhdanin. Vybory. Vlast' = Citizen. Elections. Authority*. 2020;(2):155–173. (In Russ.)
12. Leskova I.V. Formation of political consciousness of modern youth of Russia in the conditions of information war. *Politkonsul'tant = Political consultant*. 2023;3(4):1–9. (In Russ.)
13. Selezneva A.V., Dozhdikov A.V. Information context of the formation of political consciousness of youth in modern Russia. *Informacionnye vojny = Information wars*. 2012;(3):100–105. (In Russ.)
14. Selezneva A.V., Jakovleva A.F., Ibragimov Je.S. Civic consciousness of Russian youth and the media space: “an incomplete puzzle”. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021;(4):109–138. (In Russ.). doi: [10.46539/gmd.v3i4.206](https://doi.org/10.46539/gmd.v3i4.206)
15. Kravcov D.N., Isaev V.D., Lebed' V.N., Voskanjan K.A. Russian youth as an object of destructive influence of the means of ideological, information-psychological and cultural confrontation of the West. *Kommunikologija = Communicology*. 2018;(1):68–83. (In Russ.)
16. Lushnikov D.A., Barsukova T.I. The attitude of young people towards information wars. *Vestnik Juzhno-rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (NPI). Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki = Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Social and Economic Sciences*. 2024;(17):64–76. (In Russ.). doi: [10.17213/2075-2067-2024-4-64-76](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2024-4-64-76)
17. Brodovskaja E.V., Parma R.V., Lukushin V.A., Skljarov N.Ju. Destructive information and psychological impact on Russian youth in social media (based on materials from a round table). *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2023;(13):12–18. (In Russ.). doi: [10.26794/2226-7867-2023-13-2-12-18](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-2-12-18)
18. Grishaeva S.A., Shamaev P.A. Political participation of youth in the digital environment. *Cifrovaja sociologija = Digital Sociology*. 2022;(5):25–35. (In Russ.). doi: [10.26425/2658-347X-2022-5-1-25-35](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-1-25-35)
19. Okulovskij M.D. Youth and the media: the impact of information technologies on political worldview. *Sociodinamika = Social dynamics*. 2024;(4):10–21. (In Russ.). doi: [10.25136/2409-7144.2024.4.70480](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2024.4.70480)
20. Smirnova M.I. Russian youth as the main object of information influence in the conditions of information wars. *Tendencii razvitija nauki i obrazovanija = Trends in the development of science and education*. 2021;(80–5):144–146. (In Russ.). doi: [10.18411/trnio-12-2021-250](https://doi.org/10.18411/trnio-12-2021-250)
21. Teslenko A.N., Kolyvanova L.A., Dudina E.V., Glubokova M.N. Youth in the focus of information and psychological war. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, humanitarnye, mediko-biologičeskie nauki = News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medical and biological sciences*. 2023;25(91):121–129. (In Russ.). doi: [10.37313/2413-9645-2023-25-91-121-129](https://doi.org/10.37313/2413-9645-2023-25-91-121-129)

Информация об авторах / Information about the authors

Л. В. Рожкова – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, экономической теории и международных процессов, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>

В. П. Воробьев – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и государственного управления, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1482-3740>

А. Ш. Дубина – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии, экономической теории и международных процессов, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8797-0453>

L.V. Rozhkova – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Economic Theory and International Processes, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>

V.P. Vorobyev – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Management and Public Administration, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1482-3740>

A.Sh. Dubina – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology, Economic Theory and International Processes, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8797-0453>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов /

The authors declare no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 08.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.05.2025

Принята к публикации / Accepted 30.07.2025

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Научная статья

УДК 316

EDN: PEHRBC

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-13

ОБРАЗ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: ПРИОРИТЕТЫ, ЦЕННОСТИ И ПРАКТИКИ

Наталья Владимировна Розенберг¹, Юлия Леонидовна Афанасьева²

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹elya@sura.ru

²volgavuz@pnzgu.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Исследование образа жизни различных социальных групп всегда являлось актуальной задачей социологии, это обусловлено необходимостью понимания тех трансформаций, которые происходят под влиянием социальных изменений. Трансформации образа жизни молодежи являются индикатором развития современных общественных отношений. В условиях цифровизации, глобализации, нестабильности социально-экономической среды и других современных трендов молодежь сталкивается с новыми вызовами и возможностями, что отражается в их ценностных ориентирах, стратегиях поведения и жизненных установках. Целью настоящего исследования стало выявление особенностей образа жизни студентов, их жизненных приоритетов, отношения к семье, труду, здоровью и самореализации. *Материалы и методы.* Эмпирическую основу составили результаты анкетного опроса студентов Пензенского государственного университета ($n = 400$), проведенного в июне 2024 г., а также результаты опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения 2023–2024 гг. Применялись количественные методы анализа с элементами качественной интерпретации свободных ответов. *Результаты.* По данным исследования установлено, что основными жизненными приоритетами молодежи остаются семья, профессиональная самореализация и материальное благополучие. При этом наблюдаются высокий уровень индивидуалистических установок, ориентация на карьерный рост и стремление к здоровому образу жизни. Зафиксирована также неоднородность взглядов на семейные ценности и вариативность карьерных ожиданий. *Выводы.* Сделан вывод о двойственном характере молодежного образа жизни, сочетающего традиционные ценности и постмодернистские установки. Противоречия между декларируемыми ценностями и реальными практиками отражают сложность процессов социализации молодежи. Результаты исследования представляют практический интерес для специалистов в сфере молодежной политики, образования и социологического прогнозирования.

Ключевые слова: молодежь, образ жизни, ценностные приоритеты, повседневные практики, молодежные стратегии

Для цитирования: Розенберг Н. В., Афанасьева Ю. Л. Образ жизни современной молодежи: приоритеты, ценности и практики // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 3. С. 134–147. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-13 EDN: PEHRBC

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Original article

THE LIFESTYLE OF MODERN YOUTH: PRIORITIES, VALUES, AND PRACTICES

Natalya V. Rozenberg¹, Yuliya L. Afanasyeva²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

¹elya@sura.ru

²volgavuz@pnzgu.ru

Abstract. *Background.* The study of lifestyle patterns across various social groups has always represented a key focus of sociological inquiry, driven by the need to comprehend transformations occurring under evolving social conditions. Shifts in youth lifestyles serve as a critical indicator of contemporary societal development. Amid digitalization, globalization, socioeconomic instability, and other modern trends, young people navigate new challenges and opportunities that reshape their value systems, behavioral strategies, and life orientations. This study examines distinctive features of student lifestyles, analyzing their life priorities and attitudes toward family, work, health, and self-fulfillment. *Materials and Methods.* The empirical foundation comprises survey data from 400 students at Penza State University (collected in June 2024) and complementary nationwide polling data from the Russian Public Opinion Research Center (VCIOM, 2023–2024). Quantitative analysis methods were employed with qualitative interpretation of open-ended responses. *Results.* The study found that the main life priorities of young people remain family, professional self-fulfillment and material well-being. At the same time, there is a high level of individualistic attitudes, orientation towards career growth and desire for a healthy lifestyle. Heterogeneity of views on family values and variability of career expectations were also recorded. *Conclusions.* The research demonstrates the dual nature of youth lifestyles, blending traditional values with postmodern attitudes. Discrepancies between professed values and actual practices highlight complexities in youth socialization processes. These insights hold practical significance for policymakers in youth affairs, educational practitioners, and sociological forecasting.

Keywords: youth, lifestyle, value priorities, everyday practices, youth strategies

For citation: Rozenberg N.V., Afanasyeva Yu.L. The lifestyle of modern youth: priorities, values, and practices. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(3):134–147. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-13

Введение

Молодежь как специфическая социально-демографическая группа всегда являлась активным субъектом социальных изменений, не исключение и современный период, для которого характерны стремительные информационные трансформации и социально-политические потрясения. Понимание ценностных приоритетов и повседневных практик молодых людей позволяет выявить ключевые тенденции в развитии общества, а также прогнозировать направления социального и культурного развития. Молодежь – это основа трудового, интеллектуального и культурного потенциала любой страны. Ценности и приоритеты, которые она выбирает сегодня, то, как строит свою повседневность, во многом определяют наше будущее. Глобализация, цифровизация, специфика современного международного положения, а также трансформация традиционных социальных институтов привели к существенным изменениям в молодежной субкультуре, стилях жизни, формах досуга, образовательных и профессио-

нальных стратегиях. Изменение моделей семейных отношений, расширение цифрового пространства, формирование новых идентичностей – все это создает уникальный социальный контекст, в котором молодые люди выстраивают свою жизненную траекторию. Постоянный мониторинг этих процессов позволяет не только глубже понять молодежную среду, но и разработать эффективные меры молодежной политики.

Одним из ключевых понятий социологического анализа является понятие «образ жизни», которое отражает совокупность устойчивых форм повседневной деятельности, связанных с системой ценностей, установок, моделей поведения и социально-экономических условий той или иной социальной группы. Образ жизни характеризуется определенными стилями труда, досуга, потребления, общения и самовыражения.

Концепция образа жизни получила развитие в трудах классиков социологии. К. Маркс и Ф. Энгельс в работах «Немецкая идеология» (1846) и «Капитал» (1867) подчеркивали, что материальные условия и характер труда формируют сознание, поведение и повседневные практики человека, закладывая тем самым основу для последующего понимания образа жизни как социально обусловленного явления. Хотя они напрямую не использовали термин «образ жизни» в современном социологическом смысле, их идеи заложили фундамент для дальнейших исследований. М. Вебер ввел понятие «стиль жизни» в контексте анализа статусных групп и символических различий [1]. П. Бурдьё предложил идею «габитуса» как системы устойчивых, но неосознанных схем восприятия, мышления и действия, формирующих образ жизни [2, 3].

В современной социологии анализ концепта «образ жизни» отличается от классического. Так, З. Бауман и Э. Гидденс рассматривают образ жизни не как строго заданную структуру, а как пространство выбора, индивидуализации и самоконструирования. С их точки зрения, образ жизни – это выбор и самовыражение, а не только социальное давление. Человек в условиях современной реальности становится все более мобильным и освобожденным от долгосрочных обязательств. Все, что он создает, подвержено пересмотру и может быть легко изменено. Одним из ключевых факторов становится не стабильность, а близость к источникам неопределенности. Такой переход, по мнению З. Баумана, повлек за собой изменения в человеческой жизни [4, 5]. В свою очередь Э. Гидденс утверждает, что современный индивид сам выстраивает свою биографию и стиль жизни и это становится частью повседневного выбора. Образ жизни – это не просто реакция на внешние обстоятельства, а осознанный проект самопостроения [6]. Таким образом, современные подходы подчеркивают, что образ жизни – это не только следствие условий, но и способ самовыражения и самоидентификации, особенно в молодежной среде.

Среди отечественных исследователей, изучающих образ жизни, особое место занимает И. В. Бестужев-Лада, его работы стали важным этапом в развитии данного понятия в советской и постсоветской социологии [7]. Изучение образа жизни молодежи в отечественной социологии приобрело особое значение в контексте социальных трансформаций, происходивших в советский и постсоветский периоды. Исследования отечественных социологов, В. А. Ядова, Т. И. Заславской, Ю. А. Левады, А. А. Возмителя [8–11] и многих других демонстрируют, что образ жизни – это не только совокупность повседневных практик, но и чувствительный индикатор глубоких социальных изменений.

Современные российские исследования образа жизни молодежи развиваются в нескольких взаимосвязанных направлениях. Ведущим центром фундаментальных исследований молодежи остается Институт социологии РАН, где под руководством Ю. А. Зубок изучаются проблемы молодежи в изменяющемся обществе [12, 13] и др. Данный подход акцентирует внимание на стратегиях адаптации молодежи в условиях социальной неопределенности. Е. Л. Омельченко [14], И. С. Шушпанова [15] и другие ученые исследуют трансформацию социализационных процессов молодежи в современном обществе. Большой пласт исследований образа жизни молодежи посвящен здоровьесберегающим практикам, ученые анализируют факторы, влияющие на формирование здорового образа жизни среди различных групп молодежи [16, 17].

Современная российская социология молодежи демонстрирует многообразие подходов к изучению образа жизни молодого поколения. Наблюдается сочетание традиционных мониторинговых исследований с инновационными качественными методиками. Перспективным направлением представляется междисциплинарный анализ трансформации молодежных практик в условиях цифровизации и социальных изменений.

Образ жизни представляет собой сложное единство универсальных социальных норм, характерных особенностей конкретных социальных групп и уникальных индивидуальных проявлений. С одной стороны, он включает в себя общечеловеческие стандарты и коллективные традиции; с другой – отражает специфические черты отдельных социальных групп, обусловленные их историческим и культурным контекстом, а также индивидуальный выбор, самовыражение и жизненные предпочтения каждого человека. Как отмечает Т. Т. Бязрова, категория «образ жизни» отражает целый спектр условий и факторов как социально-экономического, объективного, так и субъективного характера, предопределяющих уровень развития любого современного государства [18]. Современные общественные отношения, сложившиеся в государстве, выступают определяющими факторами формирования образа жизни как молодежи, так и всего населения. Более того, образ жизни можно трактовать как итог взаимодействия природных условий, психологических особенностей, национально-исторического наследия и социально-экономических реалий [18].

Анализ существующих подходов к понятию «образ жизни» выявляет ряд общих черт, характеризующих это понятие как комплексное и многогранное явление. Как уже говорилось, образ жизни охватывает различные сферы человеческой жизнедеятельности – труд, досуг, потребление, культурные и социальные практики, включая в себя повседневные действия, привычки и стратегии поведения. В нем переплетаются коллективные традиции, социальные и нравственные нормы, ценности и личностные предпочтения. Формирование образа жизни социальных групп имеет тесную связь с историей, культурой, социально-экономическими и политическими процессами общества, которые определяют его динамику. Процессы модернизации, глобализации и технологических инноваций, включая цифровизацию всех сфер жизни, также находят отражение в образе жизни социальных акторов. Таким образом, с одной стороны, образ жизни отражает личные выборы, самоидентификацию и индивидуальное самовыражение, с другой – это результат групповых норм и коллективного опыта. Как отмечают Ю. А. Зубок и Н. А. Селиверстова, «молодежь, представляя социально-демографическую структуру общества, в полной мере отражает его социокультурную специфику в гибридном сочетании традиционных и современных элементов, проекция которых на различные аспекты реальности определяет ее характерные черты» [19, с. 40]. Эти черты демонстрируют, что концепт «образ жизни» носит интегративный характер, объединяя универсальные социальные закономерности, особенности групповых и индивидуальных практик, и является важным инструментом для анализа процессов социальных трансформаций. С точки зрения Н. А. Хридиной, содержательно образ жизни обусловлен совокупностью субъективных (оценки объективных условий своего существования, обусловленные интересы, мотивы и ценности) и объективных факторов (социально-экономические, географические, культурные условия и др.) [20].

Актуальность изучения образа жизни молодежи обусловлена тем, что в современном мире она выступает не только как самостоятельная социально-демографическая группа, но и как социальный индикатор будущего. Ее образ жизни, ценности и практики отражают глубинные процессы, происходящие в обществе: трансформацию традиционных институтов, цифровизацию, смену трудовых моделей, рост культурного плюрализма. Постоянный мониторинг трансформации взглядов и повседневных ценностей молодежи позволяет выявить приоритеты и мотивации нового поколения; оценить уровень социальной адаптации и самоидентификации; определить векторы социального развития, формирующиеся в молодежной среде; разрабатывать более точные и эффективные социальные, образовательные и молодежные программы.

Материалы и методы

Эмпирическую базу составили материалы авторского социологического исследования «Социальный портрет современной студенческой молодежи» (анкетный опрос студентов Пензенского государственного университета, $n = 400$; июнь 2024 г.). Вопросы анкеты были посвящены представлениям молодых людей относительно семьи, работы, досуга, целей в жизни, а также восприятию собственной личности.

Результаты

Изучение жизненных целей и установок современной студенческой молодежи позволяет выявить ключевые ориентиры, влияющие на формирование их ценностных приоритетов, повседневных практик и стратегий поведения. Опрос студенческой молодежи г. Пензы выявил преобладание индивидуалистических установок в их представлениях о факторах, определяющих ход жизни человека. Абсолютное большинство респондентов (81,5 %) полагают, что жизнь человека в большей степени зависит от него самого. Это свидетельствует о высоком уровне субъективного восприятия личной ответственности за собственную судьбу, а также ориентации на активную жизненную позицию и самостоятельное построение жизненного пути. Лишь 9,5 % участников считают, что на жизнь человека в большей степени влияет его окружение, и еще 9 % – стечение обстоятельств. В целом выявленные установки отражают ценности индивидуализма, самореализации и личностной автономии, характерные для современной молодежной культуры.

Мы получили данные, которые свидетельствуют о достаточно высоком уровне сформированности жизненных целей у студенческой молодежи. Так, 64 % респондентов утвердительно заявили, что их основные жизненные цели уже сформированы, это говорит о наличии у большинства студентов определенной жизненной стратегии, осознанного понимания приоритетов и направленности личностного и профессионального развития. В то же время 36 % опрошенных указали: их жизненные цели пока не определены, что свидетельствует о наличии неопределенности и поиска в молодежной среде. Это может быть связано как с возрастными особенностями (периодом активного самоопределения), так и специфическими внешними факторами – социальной нестабильностью, изменчивостью рынка труда, перегрузкой информацией и широтой доступных жизненных сценариев.

Таким образом, перед нами двойственная ситуация: с одной стороны, большинство студентов демонстрируют высокую степень осознанности и направленности, с другой – значительная часть молодежи продолжает находиться в стадии поиска и определения собственных ориентиров, что характерно для переходного этапа жизненного пути.

Анализ данных о жизненных целях студенческой молодежи (в ходе анкетирования студентам был задан вопрос «Какие из вариантов в большей степени отражают Ваши цели в жизни?») позволяет выделить ряд характерных тенденций. Наиболее значимыми ориентирами для студентов Пензенского государственного университета являются такие ценности, как создание хорошей семьи (74,3 %), профессиональная самореализация, карьера (69 %) и стремление к материальному достатку (60,8 %). Это свидетельствует о приоритете стабильности и социально одобряемых моделей жизненного успеха. Данные авторского исследования вполне коррелируют с данными проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) исследования «Современная молодежь России: специфика и ключевые запросы», по результатам которого доминирующими ценностями молодежи 18–24 лет являются создание счастливой семьи и воспитание детей (74 %), что свидетельствует о сохранении традиционных ценностей в данной возрастной группе¹. Одновременно значительную роль играют цели, связанные с личным благополучием и самореализацией: половина респондентов (50 %) стремится «жить в радость», 43,8 % – «осуществить все свои мечты», а 32,3 % – заниматься своим хобби. Эти ответы отражают стремление молодежи к самореа-

¹ Современная молодежь России: специфика и ключевые запросы // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) : сайт. URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/sovremennaja-molodjzh-rossii-specifika-i-kljuchevye-zaprosy> (дата обращения: 12.05.2025).

лизации, внутреннему комфорту и удовлетворенности жизнью. Таким образом, наряду с внешними формами успеха для студентов важны и личные ощущения счастья и свободы. Менее значимыми оказались цели, связанные с социальным престижем и инновационной деятельностью: лишь 22,8 % отметили желание занять престижное положение в обществе и 16,3 % – стремление создать что-либо новое. Относительно низкий процент по этим пунктам говорит о том, что социальный престиж и новаторство не являются массовыми ориентирами. Возможно, это отражает реалистичный подход студентов к жизни, понимание сложности достижения подобных целей или снижение значимости внешнего социального признания. Также в открытых ответах респонденты указывали цели альтруистического и гуманистического характера, такие как желание «повлиять на людей», «сделать мир лучше» или «оставить приятный след в истории». В совокупности эти данные отражают баланс между традиционными и индивидуалистическими установками в системе жизненных ценностей современной студенческой молодежи (рис. 1).



Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Какие из вариантов в большей степени отражают Ваши цели в жизни? (возможно до трех вариантов ответа)», % ($n = 400$)

Семья играет определяющую роль в формировании будущего молодежи: рейтинг ценностей и целей возглавляет именно она (по данным авторского исследования – 74,3 %). Данный факт подтверждается большим количеством социологических исследований, проведенных за последние годы. Несмотря на трансформацию социальных институтов и изменение жизненных стратегий, молодые люди по-прежнему рассматривают семью как ключевой ориентир на своем жизненном пути. Согласно данным ВЦИОМ, в 2024 г. 67 % россиян назвали крепкую семью своей главной ценностью, при этом среди молодежи в возрасте от 18 до 34 лет этот показатель составил 70–77 %¹. Это свидетельствует о высокой значимости семейных ценностей среди молодых людей. В то же время социологи отмечают разнообразие взглядов среди молодежи о семье и браке, а также изменение в восприятии семейных ценностей [21].

Представление о семье в молодежной среде формируется под влиянием целого комплекса факторов – экономических, социальных, культурных и политических изменений,

¹ Семья как ценность // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) : сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost> (дата обращения: 12.05.2025).

также большое влияние на взгляды молодежи о функционировании семьи как социального института оказывают современные медиа [22].

Анализ ответов на вопрос «Как, по Вашему мнению, должна выглядеть современная семья?» позволил выявить доминирующие представления студентов о семейной модели. Наиболее предпочтительной моделью и сегодня остается традиционная нуклеарная семья с несколькими детьми (отметили 40 % респондентов). Второе место по популярности занимает расширенная семья, включающая бабушек, дедушек и детей (32,3 %). Это говорит об устойчивости представлений о ценности родственных связей и многопоколенной семейной структуре. Однако 21,5 % студентов (каждый пятый опрошенный) предпочли модель семьи с одним ребенком, что может быть связано, например, с экономическими факторами. Значительно меньшую поддержку получили модели «мать и ребенок» (0,5 %) или «отец и ребенок» (0,2 %), указывая на низкую популярность идеи неполной семьи как нормы (рис. 2). Нами были проанализированы индивидуальные варианты ответов студентов, которые продемонстрировали гибкость понимания семьи, акцентируя внимание на личном выборе и эмоциональной связи между партнерами, а не на количестве детей или формальных ролях. Формулировки типа «двое партнеров, которые любят друг друга», «современная семья никому ничего не должна», «каждый сам решает» отражают влияние постмодернистских и постматериалистических ценностей, связанных с индивидуализмом, равноправием и свободой выбора.



Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как, по Вашему мнению, должна выглядеть современная семья?», % ($n = 400$)

Анализ ответов на вопрос о времени создания семьи позволил выявить установки студентов в отношении жизненного этапа вступления в брак или начала совместной жизни (рис. 3). Наиболее популярным у респондентов оказался ответ «когда встретил подходящую пару» (34 %), что свидетельствует о значении эмоциональной и личностной совместимости в представлениях молодежи о семейной жизни. Второе по популярности мнение оказалось прагматическим – «когда заработок стал стабильно высоким» (29,8 %), а «финансовая независимость от родителей» заняла третье место (19,2 %). Для современной молодежи важна материальная стабильность как один из ключевых факторов, определяющих готовность к созданию семьи, что говорит об ответственности молодых людей перед таким серьезным шагом в жизни.

Результаты проведенного среди студентов Пензенского государственного университета опроса выявили интересную двойственность в отношении молодежи к семье. Нами были предложены пары суждений, характеризующих современную молодежь, в том числе и ее отношение к семье: 57,7 % респондентов выбрали утверждение «семья – не главная ценность в жизни», в то время как 42,3 % отдали предпочтение «ориентированности на семью».



Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Когда, по Вашему мнению, человек должен создавать свою семью?», % ($n = 400$)

Эти данные могут на первый взгляд показаться противоречивыми по сравнению с ответами на вопросы, в которых семья занимала лидирующее место среди жизненных целей и ценностей. Можно предположить, что под «ценностью» и «жизненной целью» молодые люди понимают разные вещи, они по-прежнему рассматривают семью как важную часть своей жизни, но не как абсолютный приоритет в условиях современного общества, где акцент все чаще делается на личностное развитие, карьеру, финансовую независимость и самореализацию. Выбор «семья – не главная ценность» не обязательно указывает на отрицание важности семьи, а может отражать переоценку и изменение иерархии ценностей, характерную для постматериалистического поколения. Таким образом, анализ полученных данных выявил диалектическое отношение современной молодежи к семье: с одной стороны, семья продолжает сохранять свое важное место в системе ценностей, с другой – уступает первенство в повседневных установках таким аспектам, как личная свобода, карьерный рост и эмоциональное самочувствие.

В современном обществе карьера все чаще выходит на первый план в системе жизненных приоритетов современной молодежи, «потому что в современном мире работа – это образ жизни» [23]. Так, 69 % опрошенных указали профессиональную самореализацию и карьеру в числе своих основных жизненных целей (см. рис. 1). Карьера в современном понимании – это не просто средство заработка, но и путь к личностному росту, социальному признанию и обретению стабильности. Она становится инструментом, с помощью которого молодые люди реализуют свои способности, знания и амбиции, стремясь к устойчивому и достойному положению в обществе. Как отмечают А. С. Голобоков и А. Р. Тюгаев, молодежь с профессиональной точки зрения является выраженной группой риска [24], а процесс построения профессиональной карьеры молодежи сегодня сопровождается множеством трудностей. Изменившиеся социально-экономические реалии, высокая конкуренция на рынке труда, нестабильность занятости и усложнение требований к компетенциям делают этот процесс особенно сложным. Молодежь остается уязвимой группой в профессиональной сфере, что обусловлено рядом факторов: отсутствием опыта, нестабильностью мотивации, эмоциональной уязвимостью, а также подвижностью жизненных установок и собственных взглядов на свое место в профессиональной сфере.

Тем не менее анализ данных о профессиональных амбициях молодежи показывает высокую степень стремления к лидерству и карьерному росту. Более половины опрошенных студентов (58 %) указали, что в будущем хотели бы занимать руководящую должность, что отражает ориентацию на высокий социальный статус, самостоятельность в принятии решений и стремление к реализации управленческого потенциала. Молодые люди воспринимают руководящие позиции как символ успеха, финансовой стабильности и социальной значимости (рис. 5). Исследование Голобокова А. С., Тюгаева А. Р. также показало, что большая часть молодежи ассоциирует успешность карьеры с высоким заработком (73 %) и получением руководящей должности (69 %). На втором месте – удовлетворенность и степень получаемого

удовольствия от работы – 58 % [24, с. 341], что подтверждает наши выводы. Для части молодежи характерен и более реалистичный подход к карьерным перспективам – 19 % опрошенных ориентированы на должности специалистов среднего звена, что свидетельствует о стремлении к стабильной профессиональной деятельности, требующей квалификации, но не связанной с управлением, и только 2,7 % выразили желание работать на исполнительских или вспомогательных должностях, что скорее всего связано с невысокой оплатой труда.

Каждый пятый опрошенный студент (20,3 %) отметил, что не задумывался о желаемой должности. В целом эти данные говорят об отсутствии трудовой мотивации и карьерных ориентиров значительной части молодежи на текущем этапе жизни (рис. 4).

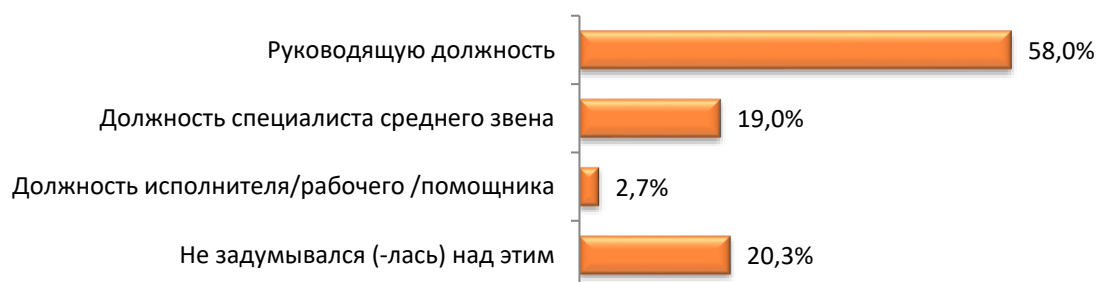


Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Какую должность Вы бы хотели занимать в будущем?», % (n = 400)

Здоровый образ жизни – это мейнстрим современности, считают 67,7 % опрошенных нами студентов. По результатам опроса ВЦИОМ, здоровье занимает вторую позицию среди жизненных целей (50 %), что отражает растущую значимость wellness-культуры среди молодежи¹. Ученые подтверждают, что здоровый образ жизни занимает одно из первых мест в системе ценностей современных студентов [25, 26]. Этот современный тренд стиля жизни молодого поколения отражает стремление к физическому и психоэмоциональному благополучию, а также к продлению активного периода жизни. Он становится неотъемлемой частью культуры современной молодежи, которая все чаще осознает значимость профилактики, правильного питания, физической активности и психического здоровья. В этой связи представляет интерес анализ отношения студенческой молодежи к вопросам здоровья и ведения здорового образа жизни.

Опрос студентов показал достаточно высокий уровень включенности в регулярные спортивные практики. Почти половина респондентов занимается спортом несколько раз в неделю (40,7 %), а еще 12,8 % делают это ежедневно, что в совокупности составляет более половины опрошенных (53,5 %). Эти данные подтверждают тенденцию к распространению здорового образа жизни как социально одобряемой нормы в молодежной среде, а спорт и физическая активность являются важными элементами повседневной жизни студентов.

Однако сохраняется доля молодежи, демонстрирующей низкий уровень вовлеченности, 12,5 % опрошенных студентов занимаются спортом раз в неделю, а 12 % вообще не включают спорт в свою повседневную жизнь (рис. 5).

Нехватка свободного времени является ключевым ограничивающим фактором отказа студентов от регулярных занятий спортом (43,8 % респондентов). Такой результат можно интерпретировать как следствие высокой учебной и/или трудовой нагрузки, а также недостаточно эффективной организации режима дня, что типично для современного студенчества. Менее значимыми причинами являются отсутствие потребности в занятиях спортом (24 %), ограничения по состоянию здоровья (12,4 %), также отсутствие финансовой возможности

¹ Современная молодежь России: специфика и ключевые запросы // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) : сайт. URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/sovremennaja-molodjzh-rossii-specifika-i-ključevye-zaprosy> (дата обращения: 12.05.2025).

(7,4 % респондентов), из чего можно сделать вывод, что финансовый фактор не является доминирующим препятствием. В числе индивидуальных ответов студенты также упомянули такие субъективные причины, как «тяжело» и «лень», что говорит об отсутствии внутренней дисциплины и силы воли.

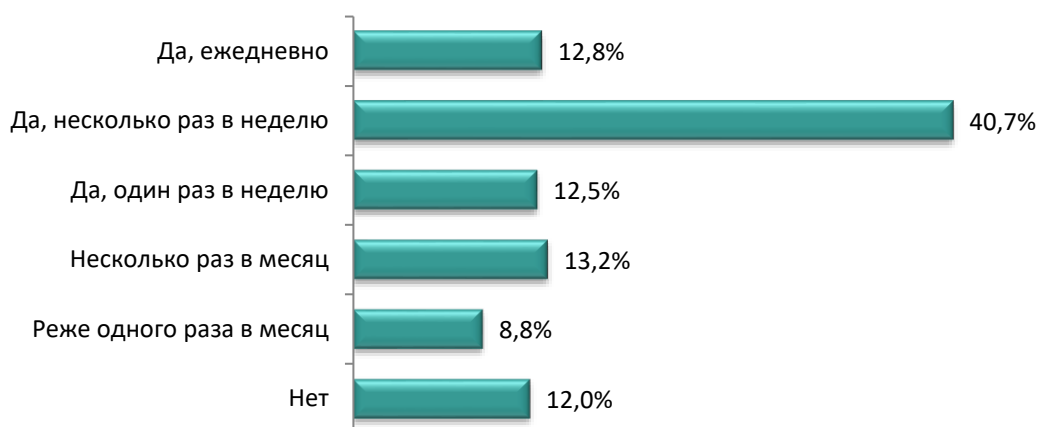


Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Занимаетесь ли Вы спортом?», % ($n = 400$)

Таким образом, результаты показывают, что отказ от занятий спортом обусловлен преимущественно временными и мотивационными барьерами.

Заключение

Проведенное нами исследование образа жизни студенческой молодежи выявляет ключевые установки, ценности и практики, характерные для данной социальной группы. Современная молодежь стремится к самореализации, личной свободе, материальной независимости, но при этом сохраняет верность традиционным ценностям, в частности семье, как одному из главных жизненных ориентиров. Семья остается важной жизненной ценностью, однако ее значимость соперничает с такими целевыми установками, как стремление к материальной стабильности и карьерные амбиции. Молодые люди демонстрируют двойственность взглядов: с одной стороны, мы наблюдаем тенденции, направленные на формирование индивидуализма, с другой – проявляется высокая значимость стабильных межличностных связей и эмоционального благополучия. Таким образом, для данного этапа взросления характерным показателем является неопределенность жизненных целей и приоритетов.

Отличительной чертой современного молодого поколения является распространенность wellness-ориентации и особый интерес к здоровому образу жизни, ментальному здоровью, экологическим практикам и социальной ответственности. Здоровый образ жизни становится социальной нормой для значительного числа студентов. Тем не менее у части респондентов сохраняются барьеры, связанные с нехваткой времени и мотивации. Полученные данные подчеркивают необходимость комплексного подхода к молодежной политике, учитывающего как поддержку традиционных ценностей, так и воздействие новых вызовов на взгляды и практики современного молодого поколения, таких как цифровизация, влияние новых медиа, нестабильность рынка труда и сложная социально-политическая обстановка.

Систематическое изучение образа жизни студенческой молодежи, будущего экономического и репродуктивного потенциала страны, необходимо для разработки эффективных стратегий государственной молодежной политики, прогнозирования демографических и социально-экономических процессов, а также формирования условий для всестороннего развития, самореализации и социальной интеграции молодого поколения.

Список литературы

1. Вебер М. Хозяйство и общество: Очерки понимающей социологии. Господство : монография / сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. М. : Высшая школа экономики, 2019. 544 с. doi: [10.17323/978-5-7598-1516-7](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1516-7) EDN: [WXVKKQ](#)
2. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74. EDN: [OYUVRD](#)
3. Бурдые П. Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / сост. и науч. ред. В. В. Радаев. М. : РОССПЭН, 2004. 674 с.
4. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2005. 390 с.
5. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. С. А. Комаров. СПб. : Питер, 2008. 238 с. EDN: [QOABEJ](#)
6. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М. : Академический Проект, 2005. 528 с. EDN: [TNIRKP](#)
7. Социальные показатели образа жизни советского общества : методологические проблемы / И. В. Бестужев-Лада, Г. С. Батыгин, Т. М. Дридзе [и др.] ; отв. ред. И. В. Бестужев-Лада. М. : Наука, 1980. 216 с.
8. Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности (программа проекта) // Социальная идентификация личности : сб. ст. М. : Институт социологии Российской академии наук, 1993. С. 7–23. EDN: [WLOQZL](#)
9. Заславская Т. И. Современное российское общество: [микроформа]: социальный механизм трансформации. М. : Дело, 2004. 398 с.
10. Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / А. А. Голов, А. И. Гражданкин, Л. Д. Гудков [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Левада. М. : Мировой океан, 1993. 300 с.
11. Возьмитель А. А. Образ жизни: тенденции и характер изменений в пореформенной России. М. : Ин-т социологии РАН, 2012. 228 с. EDN: [QONURJ](#)
12. Зубок Ю. А. Изменяющаяся социальная реальность: рефлексия теоретических и эмпирических аспектов социологического исследования молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 10–30. doi: [10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2) EDN: [CUCVFI](#)
13. Селиверстова Н. А., Зубок Ю. А. Представления студенческой молодежи о смыслах образования: социокультурные особенности саморегуляции // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 1. С. 44–69. doi: [10.19181/snsp.2023.11.1.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.3) EDN: [RVEXBB](#)
14. Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности : монография / сост. и науч. ред. Е. Л. Омельченко. М. : Высшая школа экономики, 2020. 504 с. doi: [10.17323/978-5-7598-2128-1](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2128-1) EDN: [EZXXQZ](#)
15. Шушпанова И. С. Особенности социально-экономического положения российской молодежи в процессе консолидации гражданского общества и государства: социологический анализ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 3 (67). С. 107–117. doi: [10.21685/2072-3016-2023-3-8](https://doi.org/10.21685/2072-3016-2023-3-8) EDN: [EKYWMH](#)
16. Социальное здоровье современной студенческой молодежи: социологический анализ / А. А. Алексеенок, Ю. В. Каира, Е. К. Кондратова [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2024. Т. 32, № 4. С. 748–754. doi: [10.32687/0869-866X-2024-32-4-748-754](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2024-32-4-748-754) EDN: [PXUNNO](#)
17. Кутепов М. М., Кутепова Л. И., Агеев С. Л. Здоровый образ жизни в молодежном сознании: социологический аспект // Primo Aspectu. 2022. № 2 (50). С. 17–22. doi: [10.35211/2500-2635-2022-2-50-17-22](https://doi.org/10.35211/2500-2635-2022-2-50-17-22) EDN: [WBJZQZ](#)
18. Бязрова Т. Т. Факторы социализации и десоциализации современной молодежи // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. Т. 12, № 4. doi: [10.15862/52SCSK421](https://doi.org/10.15862/52SCSK421) EDN: [HKPIHK](#)
19. Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А. Представления молодежи о будущем страны в проекции культуры // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 39–52. doi: [10.19181/nko.2023.29.3.1](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.1) EDN: [HMLFLO](#)
20. Хридина Н. А. Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов в социологическом измерении // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 170–176. doi: [10.22394/1818-4049-2021-94-1-170-176](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-94-1-170-176) EDN: [MHLBDQ](#)

21. Наберушкина Э. К., Бессчетнова О. В., Судоргин О. А. Семья и семейные ценности в представлениях молодого поколения // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22, № 4. С. 697–714. doi: [10.17323/727-0634-2024-22-3-697-714](https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-3-697-714) EDN: ZIBQVB
22. Морозова О. П., Розенберг Н. В. Цифровые медиа в повседневной жизни российских семей: практики использования и восприятие ценности // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 5 (155). doi: [10.60797/IRJ.2025.155.61](https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.155.61) EDN: VJXOBH
23. Немерюк Е. Е., Власов Т. С. Концепция социальной стратификации в современной социологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 2. С. 181–184. doi: [10.18500/1818-9601-2022-22-2-181-184](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-181-184) EDN: MBYHOV
24. Голобоков А. С., Тюгаев А. Р. Особенности и проблемы карьеры современной российской молодежи // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6, № 2 (19). С. 338–341. EDN: YYYVIX
25. Здоровый образ жизни в системе ценностных ориентаций студенческой молодежи / О. Е. Чуйков, Т. Н. Каменева, П. В. Ткаченко [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. Т. 30, № 4. С. 621–624. doi: [10.32687/0869-866X-2022-30-4-621-624](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-4-621-624) EDN: WVASXU
26. Волкова М. С. Здоровый образ жизни студенческой молодежи как современный тренд // Актуальные вопросы физического воспитания молодежи и студенческого спорта : сб. тр. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Саратов, 14–15 мая 2021 г.). Саратов : Саратовский источник, 2021. С. 186–191. EDN: TRKWA

References

1. Veber M. *Khozyaystvo i obshchestvo: Ocherki ponimayushchey sotsiologii. Gospodstvo: monografiya = Economy and society: essays on understanding sociology. Domination: Monograph*. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki, 2019:544. (In Russ.). doi: [10.17323/978-5-7598-1516-7](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1516-7)
2. Burd'e P. Forms of capital. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Economic sociology*. 2002;3(5):60–74. (In Russ.).
3. Burd'e P. *Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya: khrestomatiya sovremennoy klassiki = Western economic sociology: a reader of modern classics*. Moscow: ROSSPEN, 2004:674. (In Russ.).
4. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo = Individualized society*. Translation from English edited by V.L. Inozemtsev. Moscow: Logos, 2005:390. (In Russ.).
5. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost' = Fluid modernity*. Translation from English by S.A. Komarov. Saint Petersburg: Piter, 2008:238. (In Russ.).
6. Giddens E. *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii = The structure of society: an outline of the theory of structuration*. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2005:528. (In Russ.).
7. Bestuzhev-Lada I.V., Batygin G.S., Dridze T.M. et al. *Sotsial'nye pokazateli obraza zhizni sovetского obshchestva: metodologicheskie problemy = Social indicators of the lifestyle of Soviet society: methodological problems*. Moscow: Nauka, 1980:216. (In Russ.).
8. Yadov V.A. Social and socio-psychological mechanisms of formation of social identity of the individual (project programme). *Sotsial'naya identifikatsiya lichnosti: sb. st. = Social identification of the individual: proceedings*. Moscow: Institut sotsiologii Rossiyskoy akademii nauk, 1993:7–23. (In Russ.).
9. Zaslavskaya T.I. *Sovremennoe rossiyskoe obshchestvo: [mikroforma]: sotsial'nyy mekhanizm transformatsii = Modern Russian society: [microform]: social mechanism of transformation*. Moscow: Delo, 2004:398. (In Russ.).
10. Golov A.A., Grazhdankin A.I., Gudkov L.D. et al. *Sovetskiy prostoy chelovek: Opyt sotsial'nogo portreta na rubezhe 90-kh = The Soviet average man: an experiment in social portraiture at the turn of the 90s*. Moscow: Mirovoy okean, 1993:300. (In Russ.).
11. Voz'mitel' A.A. *Obraz zhizni: tendentsii i kharakter izmeneniy v poreformennoy Rossii = Lifestyle: trends and nature of changes in post-reform Russia*. Moscow: In-t sotsiologii RAN, 2012:228. (In Russ.).
12. Zubok Yu.A. Changing social reality: reflection on theoretical and empirical aspects of sociological research of youth. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie = Scientific result. Sociology and management*. 2022;8(3):10–30. (In Russ.). doi: [10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2)
13. Seliverstova N.A., Zubok Yu.A. Student youth's ideas about the meaning of education: socio-cultural features of self-regulation. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika = Sociological science and social practice*. 2023;11(1):44–69. (In Russ.). doi: [10.19181/snsp.2023.11.1.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.3)

14. Omelchenko E.L. (comp. and scientific ed.). *Molodezh' v gorode: kul'tury, stseny i solidarnosti: monografiya = Youth in the city: cultures, scenes and solidarities: a monograph*. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki, 2020:504. (In Russ.). doi: [10.17323/978-5-7598-2128-1](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2128-1)
15. Shushpanova I.S. Features of the social and economic position of Russian youth in the process of consolidation of civil society and the state: sociological analysis. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2023;(3):107–117. (In Russ.). doi: [10.21685/2072-3016-2023-3-8](https://doi.org/10.21685/2072-3016-2023-3-8)
16. Alekseenok A.A., Kaira Yu.V., Kondratova E.K. et al. Social health of modern student youth: sociological analysis. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny = Problems of social hygiene, health care and history of medicine*. 2024;32(4):748–754. (In Russ.). doi: [10.32687/0869-866X-2024-32-4-748-754](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2024-32-4-748-754)
17. Kutepov M.M., Kutepova L.I., Ageev S.L. Healthy lifestyle in the youth consciousness: sociological aspect. *Primo Aspectu*. 2022;(2):17–22. (In Russ.). doi: [10.35211/2500-2635-2022-2-50-17-22](https://doi.org/10.35211/2500-2635-2022-2-50-17-22)
18. Byazrova T.T. Factors of socialization and desocialization of modern youth. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya = The world of science. Sociology, philology, cultural studies*. 2021;12(4). (In Russ.). doi: [10.15862/52SCSK421](https://doi.org/10.15862/52SCSK421)
19. Zubok Yu.A., Seliverstova N.A. Young people's ideas about the country's future in the projection of culture. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo = Science. Culture. Society*. 2023;29(3):39–52. (In Russ.). doi: [10.19181/nko.2023.29.3.1](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.1)
20. Khridina N.A. Traditional way of life of indigenous minority peoples in sociological dimension. *Vlast' i upravlenie na vostoke Rossii = Power and governance in the East of Russia*. 2021;(1):170–176. (In Russ.). doi: [10.22394/1818-4049-2021-94-1-170-176](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-94-1-170-176)
21. Naberushkina E.K., Besschetnova O.V., Sudorgin O.A. Family and family values in the views of the younger generation. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki = Journal of social policy research*. 2024;22(4):697–714. (In Russ.). doi: [10.17323/727-0634-2024-22-3-697-714](https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-3-697-714)
22. Morozova O.P., Rozenberg N.V. Digital media in everyday life of russian families: usage practices and perception of value. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal = International research journal*. 2025;(5). (in russ.). doi: [10.60797/irj.2025.155.61](https://doi.org/10.60797/irj.2025.155.61)
23. Nemeryuk E.E., Vlasov T.S. The concept of social stratification in modern sociology. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya = News of Saratov University. New series. Series: Sociology. Political Science*. 2022;22(2):181–184. (In Russ.). doi: [10.18500/1818-9601-2022-22-2-181-184](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-181-184)
24. Golobokov A.S., Tyugaev A.R. Features and problems of the career of modern Russian youth. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya = Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology*. 2017;6(2):338–341. (In Russ.)
25. Chuykov O.E., Kameneva T.N., Tkachenko P.V. et al. Healthy lifestyle in the system of value orientations of student youth. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny = Problems of social hygiene, health care and history of medicine*. 2022;30(4):621–624. (In Russ.). doi: [10.32687/0869-866X-2022-30-4-621-624](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-4-621-624)
26. Volkova M.S. Healthy lifestyle of student youth as a modern trend. *Aktual'nye voprosy fizicheskogo vospitaniya molodezhi i studencheskogo sporta: sb. tr. Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Saratov, 14–15 maya 2021 g.) = Current issues of physical education of youth and student sports: Proceedings of All-Russian scientific-practical conference (Saratov, May 14–15, 2021)*. Saratov: Saratovskiy istochnik, 2021:186–191. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Н. В. Розенберг – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социальных коммуникаций, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0850-3871>

Ю. Л. Афанасьева – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-7426-2140>

N.V. Rozenberg – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy and Social Communications, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0850-3871>

Yu.L. Afanasyeva – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Communications, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026. ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-7426-2140>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов /

The authors declare no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 14.05.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 18.06.2025

Принята к публикации / Accepted 30.07.2025

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья

УДК 1(091)

EDN: QUAUVF

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-14

ТЕОРИЯ СИМВОЛИЗМА КАК ОСНОВАНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ КУЛЬТУРЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Наталья Геннадьевна Коваленко

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия

nataly6707@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В настоящем исследовании сделана попытка обоснования философии символизма как методологии современного гуманитарного познания на примере анализа такого историко-культурного феномена, как эпоха Серебряного века. Это время стало одной из цивилизационных особенностей России и примером саморазвития отечественной сферы духовной культуры. Именно в рамках культуры Серебряного века произошло теоретико-методологическое обсуждение и выявление значения теории символического для постижения сущности бытия. Символ как инструмент синтеза мифологического и религиозного уровней духовной культуры стал тем мостом, что объединил внешний и внутренний мир человека как личности. Символическое обеспечивает единство сферы культуры и индивидуального сознания отдельного человека. Актуальность исследования подтверждается тем, что сегодня на повестку дня выходит необходимость упрочения традиционных ценностей духа, а символ исторически и является такой ценностью. *Материалы и методы.* Источниковедческой базой работы стали классические философские труды отечественных мыслителей (Бердяева, Лосского, Лосева, Флоренского) и теоретиков философии символизма в ее художественно-эстетической форме эпохи рубежа XIX–XX вв. Методологически оправдал себя главный метод исследования – культурно-сравнительный с опорой на принцип историзма. Он позволил аргументированно доказать тезис о том, что символическое как означивание или ознаменование стало фактором формирования человеческого мышления и языка, а связь мифологического и религиозного есть начало духовности человечества. *Результаты.* К основным результатам данной работы следует отнести доказательство идеи выдающегося деятеля культуры Серебряного века А. Ф. Лосева о символе как целостности объективной реальности, которая охватывает собой элементы абстрактного мышления: противопоставление элементов действительности; слияние этих элементов в синтетическое целое; обобщение эмпирического опыта в виде теоретической доктрины. По Лосеву, символ вещи – в выявлении внутренней закономерности. *Выводы.* Общим выводом исследования является тезис о том, что русская философия символизма и символизм как методология анализа эстетического в культуре Серебряного века оказали самое заметное влияние на отечественную и европейскую духовные культуры попыткой выразить глубинные переживания человека как личности. Экзистенциальная направленность русского символизма востребована и сегодня не только в историко-философском плане, но и в плане практическом по сохранению отечественных традиционных ценностных ориентиров.

Ключевые слова: философия символизма, миф, символ, знак, религиозное сознание, культура Серебряного века, традиционные русские ценности

Для цитирования: Коваленко Н. Г. Теория символизма как основание философской мысли культуры Серебряного века // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 3. С. 148–158. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-14 EDN: QUAUVF

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

THE THEORY OF SYMBOLISM AS THE BASIS OF PHILOSOPHICAL THOUGHT OF THE CULTURE OF THE SILVER AGE

Natalya G. Kovalenko

St. Petersburg State Agrarian University, Saint Petersburg, Pushkin, Russia

nataly6707@mail.ru

Abstract. *Background.* The present study attempts to substantiate the philosophy of symbolism as a methodology of modern humanitarian cognition. One of the civilisational features of Russia and the domestic sphere of spiritual culture is such a historical and cultural phenomenon as the Silver Age. It was within its framework that the discussion and identification of the significance of the theory of the symbolic for the comprehension of the essence of being took place. The symbol as an instrument of synthesis of mythological and religious levels of spirituality became the bridge that united the outer world and the inner world of man as a person. Symbolic provides the unity of the sphere of culture and individual consciousness of a single person. Such an outstanding cultural figure of the Silver Age as A.F. Losev made a great contribution to the Russian philosophy of symbolism, which became one of the research objectives of this paper. The relevance of the study is confirmed by the fact that today the need to consolidate traditional values of the spirit is on the agenda, and the symbol is historically such a value. *Materials and methods.* The source of the work was the classical philosophical works of domestic thinkers (Berdyayev, Lossky, Losev, Florensky) and theorists of the philosophy of symbolism in its artistic and aesthetic form of the era of the turn of the 19th - 20th centuries. Methodologically justified itself applied the main method of research as a method of cultural-comparative with reliance on the principle of historicism. It allowed substantiating the thesis that the symbolic as signification or commemoration became a factor in the formation of human thinking and language, and the connection between mythological and religious is the beginning of the spirituality of humanity. *Results.* The main results of this work should include the proof of A.F. Losev's idea of the symbol as the integrity of objective reality, which encompasses the elements of abstract thinking: the opposition of elements of reality, the fusion of these elements into a synthetic whole, the generalisation of empirical experience in the form of a theoretical doctrine. According to Losev, the symbol of a thing is in the identification of internal regularity. *Conclusions.* The general conclusion of the study is the thesis that the Russian philosophy of symbolism and symbolism as a methodology for analyzing the aesthetic in the culture of the Silver Age had the most noticeable impact on the domestic and European spiritual cultures by trying to express the deep experiences of a person as a person. The existential orientation of Russian symbolism is still in demand today not only in historical and philosophical terms, but also in practical terms to preserve domestic traditional value guidelines.

Keywords: philosophy of symbolism, myth, symbol, sign, religious consciousness, culture of the Silver Age, traditional Russian values

For citation: Kovalenko N.G. The theory of symbolism as the basis of philosophical thought of the culture of the Silver Age. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(3):148–158. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-14

Символ, по авторитетнейшему словарю Кондакова, многозначен, а его содержание есть «условный чувственно-воспринимаемый объект, вещественный, письменный или звуковой сигнал, которым человек обозначает какие-либо понятие (идею, мысль), предмет, действие или событие. Сама форма символа, как правило, не имеет сходства (подобия) с тем предметом, который символ представляет, на который символ указывает»¹. Процесс символизации

исторически охватывает широкий круг феноменов, наполняет их скрытыми значениями и имеет глубокие корни, уходящие в историю человечества. Философы-антропологи утверждают, что практика использования символов возникла одновременно с появлением человека, с формированием собственно человеческого в индивиде наряду с утверждением в его сознании таких духовных ценностей, как взаимопомощь и альтруизм, братство и соборность, солидарность и коллективность, что становятся ценностными ориентирами современного российского общества, практикующего волонтерское движение [1–3].

Социальный психолог Л. С. Выготский считает, что в процессе практической деятельности человека развивалось его психическое отражение, что привело к формированию потребности в коммуникативном означивании, в становлении феномена речи. Это, в свою очередь, способствовало возникновению символического мышления [4, 5]. Идея означивания или ознаменования как фактора языка, выдвинутая писателем-символистом Серебряного века В. Ивановым, стала тем синкретическим началом, которое обозначало потребность в символизации [6, с. 143–170; 180–196]. Для Иванова истинный символизм есть символизм реалистический, который, как пишет современный литературовед, «ищет в вещах знак их онтологической ценности и связи» [7]. Об этом сам Иванов писал, что «истинный символизм не отрывается от Земли; он хочет сочетать корни и звезды и вырастает звездным цветком из близких, родимых корней. Он не подменяет вещей и, говоря о море, понимает земное море» [8, с. 85].

Означивание как проблема языкового характера была одной из ведущих в творчестве символиста Иванова. Он говорил о том, что в древности жречество обладало способностью к тайным языкам с их символическими обозначениями, которые выражали истину о мире, о сущности вещей. Однако современные символисты с их узкоутилитарными потребностями обедняют язык, а это означает потерю связи человека и его языка с высшим миром. Восстановление этих утраченных связей, считал Иванов, и есть важнейшая задача современного означивания как фактора речи.

История идей символизма уже отчетливо видна в таких начальных формах духовной культуры, как мифы и религиозные учения. Эти культуросозидающие системы используют символы для передачи глубоких смыслов и духовных истин, отражая таким образом сложные концепции и идеи, концептуализируя традиционные духовные ценности [9–11]. Конец XIX – начало XX в. характеризовался возросшим вниманием российских исследователей к символизму в контексте анализа мифологии и религии. В этот период многие философы и теоретики художественно-эстетической культуры начали активно исследовать значение символики, ее роль в выражении скрытых смыслов и глубоких идей, лежащих в основе культурных и духовных традиций, включающих в себя и религиозно-мистические. Такие работы внесли значительный вклад в понимание механизмов функционирования мифа и религиозного сознания, раскрывая богатство символического языка и его влияние на формирование русских духовных ценностей в их традиционных смыслах. Особенно это заметно в трудах выдающегося отечественного философа и деятеля культуры Серебряного века А. Ф. Лосева [12, с. 65–75].

Для философии Лосева мифы – это сложные картины, соединяющие бытие и небытие, отражающие мудрость запредельного мира. По Лосеву, миф – это своего рода чудо, имя, возвращенное в смысл и идею, созерцаемая картина сущности и ее судеб в ином бытии [13–16]. Философ углубленно исследовал диалектику мифа, сосредоточивая внимание на взаимосвязях понятий схемы, аллегории и символа. В своих трудах он подчеркивал, что миф «не является исключительно схемой или аллегорией, но изначально представляет собой символ». По его мнению, символичность мифа позволяет включать в себя элементы схематизма, аллегорий и более сложных символических уровней [17, с. 62]. Миф, указывал Лосев, обладает семантической формой выражения и представляет собой систему знаков и символов. Он является наслоением историй, преданий, обстоятельств и фантазий. В мифологическом повествовании процессы духовного преобразования часто передаются через метафоры. Примером этому, отмечал Лосев в своих трудах об античности, служит космогония Гесиода, где транс-

формация Хаоса из неопределенного состояния в оформленное вещество символизирует начальное движение от хаотичности к организованности. Вечная пустота, лишенная формы, постепенно обретает структуру, наполняется знаками, богами и метафоричными сопоставлениями, становясь таким образом символом – приобретая символическую природу и преобразуясь в нечто осмысленное. Проблема Хаоса, или Энтропии, стала одной из основополагающих в науке конца XX столетия, когда вопрос самоорганизации как феномена природного и общественного состояний приобрел форму учения синергетики [18, с. 38–46].

В культурной сфере любое явление имеет потенциал стать символом, обретающим глубокий смысл. Именно эта особенность способствует возникновению различных мировоззренческих систем, каждая из которых воспринимает действительность через собственные уникальные символы и образы. Особо значимую роль, как мы отмечаем на примере творчества Лосева, здесь играют метафоры как первые примеры символического характера – они занимают центральное место в формировании мифов и служат невидимой основой для возникновения и эволюции мифологического восприятия реальности. Об этом впоследствии писал С. С. Аверинцев, который в своих трудах утверждал, что символ взял на себя социальные и коммуникативные функции мифа, продолжив его традицию взаимодействия с обществом [19, с. 156]. Аверинцев подчеркивает, что на этапе мифологического восприятия мира существует неразрывная связь между символической формой и ее содержанием. Тем не менее, указывал он, по мере исторического развития и усложнения процессов символизации символы постепенно обособляются, приобретая систематизированный характер и превращаясь в самостоятельные явления, образуя своеобразную философию символического.

Исторически переход от мифологического мышления к религиозному был сопряжен с развитием религиозной символики, которая трансформировала веру в стройную систему взаимосвязанных символов. Это стало средством выражения сакральных истин и способствовало формированию целостной картины мира, основанной на священных образах и ритуалах [20, с. 247]. В мировых религиях сложившиеся системы символов легли в основу универсальных мировоззренческих конструкций. Переход от простого обозначения явлений через символы к процессу символизации стал важным этапом эволюции символизма, открывающим новые горизонты интерпретации реальности и формирования духовного опыта. Если в мифах символы были отдельными элементами мыслительной деятельности, то в религии они стали ведущим содержанием богослужебной практики и догматики. Божественное творение в христианской трактовке, например, как выражение сущности Творца невозможно описать рациональными терминами, и лишь символ может намекнуть на его непостижимую сущность и величие. Точка зрения Т. Б. Захарян заключается в том, что верующий приписывает черты абсолютного всем элементам религиозного символа: самому символу, символизируемому божеству, а также процессу символического действия (например, обряду или ритуалу) [21, с. 20].

По мере перехода от символизации к символизму, который сопутствует развитию мифологии, религии и философии, символ постепенно становится основным понятием. Формируется самостоятельная философия символизма, где он подвергается систематическому осмыслению и обретает теоретико-методологические трактовки. Можно провести параллель с герменевтикой, которая исторически начиналась с аллегорий и в XIX столетии приобрела форму философской герменевтики [22]. Философия, будучи размышлением о самом процессе мышления, невозможна без рассуждений и аргументов, однако она не лишена метафоричности и наличия образных представлений. Образцы философского дискурса мы находим в античной философии Сократа и диалогах Платона [23], а символы бытия в виде природных стихий – в философии досократиков, например, огонь у Гераклита Эфесского. Огонь как символическое определение первоосновы космоса у Гераклита, образ его архэ, обладает способностью к сгущению и разрешению, что делает его началом всех вещей и их конечной целью [24, с. 134–140].

Философия Платона знаменует собой важный этап в развитии символизма. Его концепция мира Идей, представляющих собой сущностное ядро всех вещей, воплощает суть античного символизма. Вещи преходящи, тогда как идеи вечны. Как подчеркивает А. Ф. Лосев,

у Платона возникает эйдологизм – это не просто интуитивное восприятие материального мира и не теоретизирование о нем, а диалектическое понимание его сущности. М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский, исследуя вклад Платона в теорию познания, его гносеологию, указывают на то, что у греческого философа идеи функционируют не как простые знаки, а как полновесные символы сознания. Поэтому Платон рассматривал вещи не как обозначения идей в уме человека, а скорее, как знаки, указывающие на сами идеи [25, с. 94]. Идеи Платона, формирующие особый абсолютный мир истины, служат прообразами вещей и остаются недоступными для человеческого сознания и процесса познания. А вместе с тем возникают условия для постепенного сближения природной среды и символического пространства культуры, что способствует частичному объединению земного и сверхъестественного миров.

Абсолютное тождество символизма проявляется в культуре и вероучении христианства. Здесь, как отмечает С. С. Аверинцев, формируется «глубокий символизм» и «дидактический аллегоризм». Религиозная философия и религиозно-философский символизм становятся основой европейской, а затем и отечественной духовной культуры. По мнению Аверинцева, «глубокий символизм» предполагает многослойность значения символа, который отражает идею всеобщей гармонии и единства космоса и человеческой природы. «Дидактический аллегоризм» же представляет собой давний метод закрепления смысла в культуре [26].

Как известно, русская духовная культура пережила один из своих важнейших этапов в Серебряном веке, который оказал значительное влияние как на развитие теории символа, так и на его художественное воплощение. Культура этого периода обогатила феномен символизма самобытностью, художественностью и эмоциональной насыщенностью. Поэты-символисты, среди которых выделяется Андрей Белый, использовали символику для выражения самых насущных вопросов мировоззрения. В своей философской работе «Символизм как миропонимание» Белый предложил сложную и многогранную теорию символизма, добавив к ней иерархию символических видов искусства. Он решительно отвергал мнение, будто символизм – всего лишь одна из множества доктрин, настаивая на том, что символизм – это особый путь постижения мира. Белый утверждал, что символы позволяют проникнуть в глубинные проявления Вселенной и раскрыть загадки человеческой жизни. В своем труде он определяет символ так: «Процесс психологического словообразования включает три этапа:

- 1) этап эпитета, характеризующийся приписыванием определений объекту;
- 2) этап сравнения, когда эпитеты начинают вызывать ассоциации с новыми предметами;
- 3) этап аллюзии, или символизма, на котором происходит столкновение двух объектов, рождающее новое понятие, которое не содержится ни в одном из сравниваемых элементов. Именно на этой последней стадии формируется символ – неделимая целостность, обладающая уникальным смыслом» [20, с. 140–141].

Как мы отмечали, теоретик символизма эпохи Серебряного века Вячеслав Иванов исследовал символизм на примере современной ему литературы, а также анализировал его проявления в религиозном искусстве и изучал природу слова, утрату им живости и эмоциональности. Развивая идеи Андрея Белого, Иванов обращался к античному дионисийству и христианству, объединяя их в символическую религию. По его мнению, символ выступает как знак или предвестие, обладающее тайной многозначностью и множеством смыслов. Он уподобляет символ солнечному лучу, пронизывающему разные уровни бытия и сознания, обозначая в каждом из них особые сущности и выполняя специфические функции. Иванов утверждает, что символ – это многозначный знак, порождающий дискуссии и разнообразные толкования. Символ выступает своего рода средоточием противоречивых смыслов, словно световой луч, который преломляется и отражается, проходя через различные уровни человеческого сознания. В точках соприкосновения символа с этими уровнями он превращается в знамение – многогранное проявление смысла, наполненное глубокой семантической насыщенностью [9, с. 57]. Историк русской философии Николай Онуфриевич Лосский, характеризуя теорию символического Иванова, подчеркивает, что для него символы есть те тонкие намеки на скрытые стороны действительности, которые невозможно адекватно выразить обычными средствами языка. Символы здесь являются основой для создания мифов, посредством которых выражается глубокая истина, не подвластная рациональному языку [27, с. 389].

Николай Александрович Бердяев как философ-персоналист, отстаивая приоритет духовного мира человека в его поисках нового религиозного сознания (неохристианства), отмечал, что символическое восприятие мира в традициях культуры Серебряного века является единственным подлинно глубоким способом осознать и почувствовать тайну существования и глубину бытия. Он указывал, что наша земная, повседневная человеческая жизнь обретает смысл только тогда, когда она освящается символически [28, с. 51].

Поэты-символисты Гиппиус, Белый, Иванов, писатель-теоретик Дмитрий Мережковский дополняли свои литературные произведения теоретическими размышлениями о символизме. Они рассматривали символ как неразложимое единство (А. Белый), как многосмысленный иероглиф (В. Иванов) и предлагали другие интерпретации. Творчество русских символистов рубежа XIX–XX вв. как явление художественной культуры стало значимым этапом в развитии философии символизма. Оно оставило значительный след как в деятельности последующих школ неосимволизма, где символизм развивался через сочетание аналитического подхода к категории символа с художественной символизацией, так и в современных ему философских течениях, таких как экзистенциализм и философия жизни. Например, французский философ Поль Рикер синтезировал принципы феноменологии с экзистенциализмом и персонализмом, и в своих исследованиях символа и символического испытывал определенное влияние работ Вячеслава Иванова [29, 30]. В рамках своей герменевтической концепции символов Рикер утверждает:

«1. Символ остается непроницаемым и непрозрачным, поскольку он дан через аналогию, основанную на буквальном значении, которое придает ему одновременно конкретные истоки и материальную весомость.

2. Символ оказывается зависимым от многообразия языков и культур, и в этом смысле остается произвольным: почему именно такие, а не иные символы используются?

3. Символы стимулируют размышления исключительно через интерпретацию, которая всегда сложна и неоднозначна» [31, с. 393]. Символ, по Рикеру, это некая тайна и многозначность, но при этом он, как истинный символ, связан с жизнью и материальной весомостью. Это очень близко к характеристике символизма как «истинного символизма» Вячеслава Иванова.

В развитии философии символизма важную роль сыграли работы отца Павла Флоренского, А. Ф. Лосева, М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского. Флоренский исследовал происхождение имен и феномен иконописи, выделяя символические аспекты этих проявлений духовной деятельности. Он понимал символ как «живое органичное единство», где отображаемый объект и само отображение, символизирующий элемент и символизируемый предмет сливаются воедино, образуя неразделимое целое [32, с. 178]. Павел Александрович Флоренский рассматривал символ как ключевое понятие в постижении Имени Божьего, связывая его с религиозными представлениями об Абсолюте. Символ, согласно его определению, выходит за пределы своего непосредственного значения, приобретая смысл, значительно превосходящий его собственное существование. Энергетика символа тесно переплетена с энергетикой той высшей ценности, которую он воплощает, и посредством этой связи передает ее в воспринимаемом мире [33, с. 287].

Именно Алексей Федорович Лосев, по нашему убеждению, создал наиболее всесторонне разработанную философию символизма. Он изучал логос, миф и человеческую культуру в целом сквозь призму символического. Лосев воспринимал символ как целостное единство противоположностей и интерпретировал его через ряд философских категорий: Первоединое – Эйдос – Миф – Символ – Личность – Энергия сущности – Имя – Природа – Культура. Для Лосева символ – явление многогранное, поэтому он не ограничивался одним определением, единой дефиницией. Русский философ признавал знаковую природу символа, но видел в нем нечто большее, чем простой знак или художественный образ, что было наиболее привлекательным для творцов культуры Серебряного века. Для Лосева символ был феноменом объективной реальности, охватывающим все, что характерно для абстрактного мышления: четкое деление и противопоставление элементов действительности, их слияние в единое синтетическое целое, обобщение накопленного опыта и преобразование воспринятой реальности в общие закономерности.

Лосев определил девять основных аспектов, раскрывающих структуру символа в его теории. По Лосеву, символ вещи есть ее внутренний смысл; он выражает обобщенный образ вещи, обогащая ее внутренним смыслом и закономерностью, но при этом сохраняет ее уникальную, опытную конкретность. Символ вещи – это упорядоченная структура, заданная общим принципом ее смыслового построения, но не замкнутая в себе, а наполненная множеством индивидуальных проявлений, связанных с ней. Наконец, символ вещи – это ее знак, не статичный и безжизненный, а динамично порождающий множество структур и выражающий идею в ее абстрактной, согласованной форме [17, с. 272].

В своем труде «Проблема символа и реалистическое искусство» [34], опубликованном в 1976 г., Лосев глубоко проанализировал структуру символа, акцентируя внимание на его многогранности и взаимосвязи с другими понятиями философского дискурса. Он определил ключевые составляющие структуры символа:

- **предметный образ и глубинный смысл** выступают как две неразрывно связанные составляющие: смысл не может существовать без образа, так как теряет свою проявленность, а образ без смысла распадается на отдельные элементы;

- **закономерная упорядоченность**: символ представляет собой общий принцип смыслового построения, является моделью вещи;

- **семантический континуум**: отношения между тем, что обозначает символ, и тем, как он это делает, обладают бесконечными вариациями оттенков и интерпретаций, при этом сохраняя неизменные элементы заданной структуры [35, 36].

Труду «Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке», авторами которого являются Мераб Мамардашвили и Александр Пятигорский, принадлежит значительная роль в развитии современной философии символического. Исследователи проанализировали структуры и модели сознания, а также показали, как взаимодействие символических и природных языковых систем формирует особенности различных культур. Мамардашвили и Пятигорский разработали принципы взаимоотношений между символом и сознанием, рассматривая символ не как отражение предметов и явлений, а как основу и итог сознательной деятельности. С точки зрения ученых, «за символом в смысле конкретности сознания на самом деле ничего не стоит, и когда идет речь о подсознательном, то это свидетельствует только о том, что нам неизвестен механизм обратной декодировки символов сознания» [25, с. 100]. Философы полагали, что мир символов представляет собой пространство, позволяющее одновременно проводить глубокий анализ разнообразных идеологических компонентов любой культуры. Тем самым символизм утверждался как метод исследования культурных явлений, а сам символ превращался в инструмент для их понимания. Философия символизма, таким образом, по своему теоретико-методологическому значению превращается в методологию постижения духовной культуры, сопоставимой, как мы отмечали, с философской герменевтикой.

Исследовав генезис символического на примере историко-культурного феномена русского Серебряного века, мы приходим к следующим выводам.

Во-первых, исторически основу теории и практики символизма заложили древние опыты символизации и накопление значимости работы с символами. Эти практики нашли отражение в таких мощных мировоззренческих системах, как мифология и религия, которые стали исторически первыми формами духовной культуры человечества. Символическое было предпосылкой человеческого мышления в целом. Истоки символизма как теории уходят корнями в эпоху зарождения философской рефлексии, когда человек начал осознанно задумываться над сущностью окружающего мира и пытался выразить свои идеи через абстрактные образы. Метафора, таким образом, стала одной из ступенек на этом пути феномена символического. Можно выделить две ключевые стадии теоретического символизма: философско-мифологическую и религиозно-философскую. На первой стадии символизм впервые подвергся философскому осмыслению, а на второй вошел в философско-теологические концепции отцов христианской Церкви. Это свидетельствует о постепенном переходе символизма из области архаичных форм сознания в сферу рациональной философии.

Во-вторых, на отечественной почве особое значение приобрел философский символизм, который нашел отражение в теории символизма эпохи Серебряного века. Он стремился выразить глубинные переживания личности, используя образы и аллегории, чтобы создать особую атмосферу поиска им нового религиозного сознания или, по Бердяеву, «неохристианства». Особенно это было значимо для символического направления (Гиппиус, Белый, Иванов и др.). Символическое для деятелей Серебряного века в целом стало методом культурного освоения и творческой активности в духовной сфере. Русские философы восприняли символ как инструмент для постижения сущности бытия, предлагая оригинальные трактовки символического восприятия реальности через мифологию и религию. Работы таких выдающихся мыслителей, как Алексей Лосев, отец Павел Флоренский, Николай Бердяев и Мераб Мамардашвили, внесли значительный вклад в понимание роли символа в духовной жизни общества. В формировании философии символизма особая роль принадлежит изысканиям Лосева в области диалектики мифа, философии имяславия и истории античной философии в области эстетики.

Список литературы

1. Безвластие: реалья или утопия? Анархистские идеи переустройства общества : коллективная монография / науч. ред. П. И. Талеров. СПб. : Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, 2025. 588 с. EDN: [UECEAQ](#)
2. Апология безвластия: Анархистская альтернатива решения социально-политических проблем / науч. ред. П. И. Талеров. СПб. : Русская христианская гуманитарная академия, 2022. 428 с. EDN: [BUGQWY](#)
3. Арефьев М. А., Давыденкова А. Г., Василенкова А. А. Феномен волонтерства как отражение традиционной ценности взаимопомощи и поддержки (к 100-летию ухода из жизни П. А. Кропоткина) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2021. Т. 21, № 3 (55). С. 262–272. doi: [10.15507/2078-9823.55.021.202103.262-272](#) EDN: [VALKSZ](#)
4. Выготский Л. С. Мышление и речь. М. : АСТ, 2024. 572 с.
5. Выготский Л. С. Психология искусства. М. : АСТ, 2017. 496 с. EDN: [ZSLDNJ](#).
6. Иванов В. И. Родное и вселенское / сост., вступ. ст. и примеч. В. М. Толмачева. М. : Республика, 1994. 427 с.
7. Минералова И. Г. Русская литература Серебряного века. Поэтика символизма. М. : Флинта, 2009. 272 с. EDN: [SUSTEZ](#)
8. От символизма до «Октября» / сост. Н. Л. Бродский, Н. П. Сидоров. М. : Новая Москва, 1924. 303 с.
9. Мириманов В. Б. Искусство и миф : центральный образ картины мира : монография. М. : Согласие, 1997. 327 с. EDN: [SBFEON](#)
10. Погодин А. Л. Боги и герои Эллады. М. : Вече, 2024. 343.
11. Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия / сост. Б. С. Ерасов. М. : Аспект пресс, 1999. 555 с.
12. Коваленко Н. Г. Символический подход к проблеме мифотворчества в философии А. Ф. Лосева (к 130-летию со дня рождения) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Т. 10, № 3А. С. 65–75. doi: [10.34670/AR.2021.82.72.008](#) EDN: [YROIZU](#)
13. Лосев А. Ф. Самое само. М. : ЭКСМО-Пресс, 1999. 1022 с.
14. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф: труды по языкознанию. М. : Изд-во МГУ, 1982. 480 с.
15. Лосев А. Ф. Философия имени. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2016. 672 с.
16. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М. : Академический Проект, 2008. 303 с.
17. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура / авт. вступ. ст. А. А. Тахо-Годи. М. : Политиздат, 1991. 525 с.
18. О роли социальной синергетики в познании современного мира / М. В. Ненашева, А. В. Макулин, Н. М. Теребихин, В. В. Демяшина // Общество: философия, история, культура. 2025. № 2 (130). С. 38–46. doi: [10.24158/fik.2025.2.4](#) EDN: [DFRZGR](#)
19. Аверинцев С. С. София-Логос. Киев : Дух і Літера, 2001. 460 с. EDN: [YUFYWG](#)
20. Белый А. Символизм как миропонимание / авт. вступ. ст. и примеч. Л. Сугай. М. : Республика, 1994. 528 с.
21. Захарян Т. Б. Сакральный символ в языке религии : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13. Екатеринбург, 2006. 25 с.

22. Шлейермахер Ф. Герменевтика / пер. с нем. А. Л. Вольского ; науч. ред. Н. О. Гучинская. СПб. : Европейский Дом, 2004. 241 с. EDN: [RWKBOP](#)
23. Платон. Государство. Диалоги. Апология Сократа. М. : Эксмо, 2024. 733 с.
24. Романенко Ю. М. Современность мифа или миф современности // Россия – историко-культурные константы и перспективы развития детства : сб. науч. тр. XXX Междунар. конф. (г. Санкт-Петербург, 17–18 апреля 2024 г.). Санкт-Петербург : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2024. С. 134–140. EDN: [JEPYSP](#)
25. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М., Сенокосов Ю. П. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с. EDN: [SUMCJX](#)
26. Аверинцев С. С. Слово Божие и слово человеческое. Римские речи. М. : Никея, 2023. 395 с.
27. Лосский Н. О. История русской философии. М. : Сов. писатель, 1991. 478 с.
28. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М. : Республика, 1994. 480 с. EDN: [TJMLWL](#)
29. Иванова А. И. О роли религиозного символа в изучении сущности человека: Поль // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2023. № 1 (217). С. 17–23. doi: [10.18522/2687-0770-2023-1-17-23](https://doi.org/10.18522/2687-0770-2023-1-17-23) EDN: [HEPKIT](#)
30. Медведев Н. В. Герменевтическая философия Поля Рикера // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 10 (114). С. 252–256. EDN: [PJIRTB](#)
31. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М. : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2002. 624 с.
32. Флоренский П. А. Сочинения : в 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1994. 797 с.
33. Флоренский П. А. Сочинения : в 2 т. Т. 2: У водоразделов мысли. М. : Правда, 1990. 448 с.
34. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М. : Искусство, 1995. 320 с.
35. Коваленко Н. Г. Проблемы «символа» и «символизма» в философии А. Ф. Лосева // Молодые ученые в научном обеспечении сельского хозяйства на современном этапе : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых Северо-Западного федерального округа (г. Санкт-Петербург, Пушкин, 18–21 ноября 2003 г.). Ч. 2. Санкт-Петербург, Пушкин : Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 2004. С. 180–183. EDN: [TDLEFM](#)
36. Коваленко Н. Г. Символ, символическое мышление и символизм в культуре // Актуальные вопросы философии, культурологии, социологии и политологии : сб. ст. / под ред. М. В. Москалева. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 2007. С. 126–139. EDN: [VNRUFS](#)

References

1. Talerov P.I. (ed.). *Bezvlastie: realiya ili utopiya? Anarkhistskie idei pereustroystva obshchestva: kollektivnaya monografiya = Anarchy: reality or utopia? Anarchist ideas for reorganizing society: a collective monograph*. Saint Petersburg: Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya im. F.M. Dostoevskogo, 2025:588. (In Russ.)
2. Talerov P.I. (ed.). *Apologiya bezvlastiya: Anarkhistskaya al'ternativa resheniya sotsial'no-politicheskikh problem = Apology of anarchy: An anarchist alternative to solving socio-political problems*. Saint Petersburg: Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya, 2022:428. (In Russ.)
3. Aref'ev M.A., Davydenkova A.G., Vasilenkova A.A. The phenomenon of volunteerism as a reflection of the traditional value of mutual assistance and support (on the 100th anniversary of the death of P.A. Kropotkin) // *Gumanitariy: aktual'nye problemy gumanitarnoy nauki i obrazovaniya = Humanitarian: current issues in humanities and education*. 2021;21(3):262–272. (In Russ.). doi: [10.15507/2078-9823.55.021.202103.262-272](https://doi.org/10.15507/2078-9823.55.021.202103.262-272)
4. Vygot'skiy L.S. *Myshlenie i rech' = Thinking and speech*. Moscow: AST, 2024:572. (In Russ.)
5. Vygot'skiy L.S. *Psikhologiya iskusstva = Psychology of Art*. Moscow: AST, 2017:496. (In Russ.)
6. Ivanov V.I. *Rodnoe i vselenskoe = Native and universal*. Moscow: Respublika, 1994:427. (In Russ.)
7. Mineralova I.G. *Russkaya literatura Serebryanogo veka. Poetika simvolizma = Russian literature of the Silver Age. Poetics of Symbolism*. Moscow: Flinta, 2009:272. (In Russ.)
8. N.L. Brodskiy, Sidorov N.P. (comp.). *Ot simvolizma do «Oktyabrya» = From symbolism to October revolution*. Moscow: Novaya Moskva, 1924:303. (In Russ.)
9. Mirimanov V.B. *Iskusstvo i mif: tsentral'nyy obraz kartiny mira: monografiya = Art and myth: the central image of the world picture: monograph*. Moscow: Soglasie, 1997:327. (In Russ.)
10. Pogodin A.L. *Bogi i geroi Ellady = Gods and heroes of Hellas*. Moscow: Veche, 2024:343. (In Russ.)

11. Erasov B.S. (comp.). *Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsiy: khrestomatiya = Comparative study of civilizations: a reader*. Moscow: Aspekt press, 1999:555. (In Russ.)
12. Kovalenko N.G. Symbolic approach to the problem of myth-making in the philosophy of A.F. Losev (on the 130th anniversary of his birth). *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke = Context and reflection: philosophy about the world and man*. 2021;10(3A):65–75. (In Russ.). doi: [10.34670/AR.2021.82.72.008](https://doi.org/10.34670/AR.2021.82.72.008)
13. Losev A.F. *Samoe samo = The very self*. Moscow: EKSMO-Press, 1999:1022. (In Russ.)
14. Losev A.F. *Znak. Simvol. Mif: trudy po yazykoznaniyu = Sign. Symbol. Myth: works on linguistics*. Moscow: Izd-vo MGU, 1982:480. (In Russ.)
15. Losev A.F. *Filosofiya imeni = Philosophy of the name*. Saint Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko, 2016:672. (In Russ.)
16. Losev A.F. *Dialektika mifa = Dialectics of myth*. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2008:303. (In Russ.)
17. Losev A.F. *Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura = Philosophy. Mythology. Culture*. Moscow: Politizdat, 1991:525. (In Russ.)
18. Nenasheva M.V., Makulin A.V., Terebikhin N.M., Demyashina V.V. On the role of social synergetics in understanding the modern world. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: philosophy, history, culture*. 2025;(2):38–46. (In Russ.). doi: [10.24158/fik.2025.2.4](https://doi.org/10.24158/fik.2025.2.4)
19. Averintsev S.S. *Sofiya-Logos = Sophia-Logos*. Kiev: Dukh i Litera, 2001:460.
20. Belyy A. *Simvolizm kak miroponimanie = Symbolism as a worldview*. Moscow: Respublika, 1994:528. (In Russ.)
21. Zakharyan T.B. Sacred symbol in the language of religion: PhD abstract. Ekaterinburg, 2006:25. (In Russ.)
22. Shleyermakher F. *Germenevtika = Hermeneutics*. Translated from German by A.L. Volsky; scientific editor N.O. Guchinskaya. Saint Petersburg: Evropeyskiy Dom, 2004:241. (In Russ.)
23. Platon. *Gosudarstvo. Dialogi. Apologiya Sokrata = State. Dialogues. Apology of Socrates*. Moscow: Eksmo, 2024:733. (In Russ.)
24. Romanenko Yu.M. The modernity of myth or the myth of modernity. *Rossiya – istoriko-kul'turnye konstanty i perspektivy razvitiya detstva: sb. nauch. tr. XXX Mezhdunar. konf. (g. Sankt-Peterburg, 17–18 aprelya 2024 g.) = Russia is historical and cultural constants and prospects for the development of childhood: proceedings of the XXX International Conference (St. Petersburg, April 17–18, 2024)*. Saint Petersburg: POLITEKh-PRESS, 2024:134–140. (In Russ.)
25. Mamardashvili M.K., Pyatigorskiy A.M., Senokosov Yu.P. *Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simvolike i yazyke = Symbol and consciousness. metaphysical reflections on consciousness, symbolism and language*. Moscow: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1997:224. (In Russ.)
26. Averintsev S.S. *Slovo Bozhie i slovo chelovecheskoe. Rimskie rechi = The Word of God and the Word of Man. Roman Speeches*. Moscow: Nikeya, 2023:395. (In Russ.)
27. Losskiy N.O. *Istoriya russkoy filosofii = History of Russian philosophy*. Moscow: Sov. pisatel', 1991:478. (In Russ.)
28. Berdyaev N.A. *Filosofiya svobodnogo dukkha = Philosophy of free spirit*. Moscow: Respublika, 1994:480. (In Russ.)
29. Ivanova A.I. On the role of religious symbol in the study of human essence: Paul. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. North Caucasian region. Social sciences*. 2023;(1):17–23. (In Russ.). doi: [10.18522/2687-0770-2023-1-17-23](https://doi.org/10.18522/2687-0770-2023-1-17-23)
30. Medvedev N.V. The Hermeneutic Philosophy of Paul Ricoeur. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Bulletin. Series: Humanities*. 2012;(10):252–256. (In Russ.)
31. Riker P. *Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germenevtike = Conflict of interpretations. Essays on Hermeneutics*. Moscow: KANON-press-Ts: Kuchkovo pole, 2002:624. (In Russ.)
32. Florenskiy P.A. *Sochineniya: v 4 t. T. 1 = Essays in 4 volumes. Volume 1*. Moscow: Mysl', 1994:797. (In Russ.)
33. Florenskiy P.A. *Sochineniya: v 2 t. T. 2: U vodorazdelov mysli istiny = Essays in 2 volumes. Volume 2: at the watersheds of thought are truths*. Moscow: Pravda, 1990:448. (In Russ.)
34. Losev A.F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo = The problem of symbol and realistic art*. Moscow: Iskusstvo, 1995:320. (In Russ.)
35. Kovalenko N.G. Problems of "symbol" and "symbolism" in the philosophy of A.F. Losev. *Molodye uchenye v nauchnom obespechenii sel'skogo khozyaystva na sovremennom etape: sb. nauch. tr. Vse-ros. nauch.-prakt. konf. molodykh uchenykh Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga (g. Sankt-Peterburg,*

Pushkin, 18–21 noyabrya 2003 g.). Ch. 2. = *Young scientists in scientific education of rural economy in the modern era: proceedings of the All-Russian scientific-practical conference of young people of the North-Western federal district (St. Petersburg, Pushkin, November 18–21, 2003). Part 2.* Saint Petersburg, Pushkin: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet, 2004:180–183. (In Russ.)

36. Kovalenko N.G. Symbol, symbolic thinking and symbolism in culture. *Aktual'nye voprosy filosofii, kul'turologii, sotsiologii i politologii: sb. st. = Current issues in philosophy, cultural studies, sociology and political science: proceedings.* Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet, 2007:126–139. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Н. Г. Коваленко – кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков и культуры речи, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 196601, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 2. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5397-316X>

N.G. Kovalenko – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Culture of Speech, St. Petersburg State Agrarian University, 2 Petersburg Highway street, St. Petersburg, Pushkin, 196601. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5397-316X>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /

The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 07.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 22.06.2025

Принята к публикации / Accepted 30.07.2025

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья

УДК 1(091)

EDN: WCWCCB

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-15

ПРИНЦИП НАРОДНОСТИ В НАУКЕ В ТРУДАХ СЛАВЯНОФИЛОВ

Ольга Александровна Мартынова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

martoa@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность исследуемой проблемы связана с рядом факторов: обострением проблемы социальной значимости науки и ее роли в реализации национальных интересов, проблемой роли субъекта научного познания, переосмыслением роли национального мировоззрения. Цель работы – анализ и систематизация взглядов славянофилов на народность и ее роль в научном познании. *Материалы и методы.* Источниковой базой исследования являются труды А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, П. В. Киреевского, К. С. Аксакова, Ю. Ф. Самарина. Основной метод исследования – системный и комплексный анализ текстов. *Результаты.* Прослежены теоретические истоки принципа народности в русской науке и философии начала XIX в., выделены аспекты народности как свойства познающего субъекта, обозначена эмпирическая основа изучения славянофилами свойств русского народа, выявлены признаки русского мировоззрения, выделяемые славянофилами. *Выводы.* Народность в науке начала и середины XIX в. была обусловлена экономическими, политическими, а также духовными причинами, являясь, с одной стороны, общеевропейской тенденцией, с другой – национальным явлением. Славянофилы считали народность как свойством познающей мысли, так и предметом изучения. Народность как свойство познающей мысли придает национальный колорит любому знанию, его способам достижения и результатам, помогает рассмотреть объект с определенного ракурса, зависящего от культурных традиций, в которых вырос познающий субъект. Это идет вразрез с объективностью как принципом науки, но укладывается в современную славянофилам тенденцию субъективизации познания. В изучении народности мыслители ссылались на эмпирические факты и философские построения. В своих теориях они исходили из национального понимания диалектической методики и романтической науки: онтологизма, синтеза различных видов знания, социальной значимости науки. Понимание народности они считали важным условием развития знания и улучшения жизни общества.

Ключевые слова: наука, романтизм, славянофильство, онтологизм, народность, народность в науке, менталитет, национальное мировоззрение, русское мировоззрение

Для цитирования: Мартынова О. А. Принцип народности в науке в трудах славянофилов // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 3. С. 159–170. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-15 EDN: WCWCCB

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

THE PRINCIPLE OF NATIONALITY IN SCIENCE IN THE WRITINGS OF THE SLAVOPHILES

Olga A. Martynova

Penza State University, Penza, Russia

martoa@mail.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the problem under study is related to a number of factors: the aggravation of the problem of the social significance of science and its role in the realization of national interests, the problem of the role of the subject of scientific knowledge, rethinking the role of national worldview. The purpose of the work is to analyze and systematize the views of Slavophiles on nationality and its role in scientific knowledge. *Materials and methods.* The source base of the work is the works of A.S. Khomyakov, I.V. Kireevsky, P.V. Kireevsky, K.S. Aksakov, Yu.F. Samarin. The main research method is a systematic and comprehensive text analysis. *Results.* Russian philosophy and science traced the theoretical origins of the principle of nationality in Russian science and philosophy of the early 19th century, highlighted aspects of nationality as properties of a cognizing subject, outlined the empirical basis for the study of the properties of the Russian people by Slavophiles, identified the signs of the Russian worldview, highlighted by the Slavophiles. *Conclusions.* Nationality in science at the beginning and middle of the 19th century was determined by both economic, political, and spiritual reasons, being, on the one hand, a pan-European trend, on the other – a national phenomenon. Slavophiles considered nationality to be both a property of cognitive thought and a subject of study. Nationality, as a property of cognitive thought, gives a national flavor to any knowledge, its methods of achievement and results, helps to consider an object from a certain angle, depending on the cultural traditions in which the cognitive subject grew up. This goes against objectivity as a principle of science, but fits into the modern trend of subjectivization of knowledge by Slavophiles. In the study of nationality, thinkers referred to empirical facts and philosophical constructions. In their theories, they proceeded from a national understanding of dialectical methodology and romantic science: ontologism, synthesis of various types of knowledge, and the social significance of science. They considered the understanding of nationality to be an important condition for the development of knowledge and the improvement of society.

Keywords: science, Romanticism, Slavophilism, ontologism, nationality, nationality in science, mentality, national worldview, Russian worldview

For citation: Martynova O.A. The principle of nationality in science in the writings of the Slavophiles. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(3):159–170. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-15

Славянофильская наука и принцип народности в ней развивались в определенных культурных и исторических условиях. С одной стороны, они были частью общеевропейской тенденции. В конце XVIII – начале XIX в. наряду с универсально-позитивистским формировалось романтическое направление в науке. К этому времени стало ясно, что науки, изучающие человека, требуют особой методики [1, с. 420]. И. Кант и его последователи подняли вопрос активности субъекта познания, Фр. Шеллинг и Г. Гегель разработали диалектическую методику, немецкие романтики использовали в своих стихах исторические сюжеты, Ф. де Шатобриан, О. Тьерри, Фр. Гизо изучали историю своего народа, Г. Гуго и Фр.-К. Савиньи искали истоки существующих законов. XIX в. называют веком истории, из чего видно, насколько среди ученых был силен интерес к истории, традициям и культуре общества. Многогранность

и динамичность общества и вовлеченность исследователя породили такие особенности науки, как изучение прошлого с целью объяснения настоящего и будущего, что часто приводило к произвольному отбору фактов и стремлению «подправить» прошлое, намерение передать не столько факты, сколько дух и атмосферу эпохи, чему способствовало сращивание научных знаний с художественными и религиозными [2, с. 36–40]. В силу экономических и политических причин для данной эпохи характерен расцвет национальных государств, а революционные и военные потрясения поставили вопрос о роли личности и народа в истории. Поэтому для гуманитарных наук характерен интерес к национальным особенностям и их влиянию на политические события.

С другой стороны, формированию и развитию принципа народности способствовал ряд внутренних факторов. Война 1812 г. и последовавшие за ней политические события подвели итог многолетнего «перехода культуры на прием», начатого реформами Петра I. Вопреки расхожему стереотипу, славянофилы понимали необходимость этих реформ и отмечали их положительные последствия. Так, Ю. Ф. Самарин называл прием европейской культуры «школой, сквозь которую мы должны были пройти» [3, с. 542]. Однако именно славянофилы первыми увидели цену, которую Россия за это заплатила, – разрыв элиты и народа, забвение образованными людьми собственной духовной культуры. Поэтому наука воспринималась как нечто глубоко чуждое народу, а русский народ считался неспособным к познанию. Н. А. Елагин вспоминал: «...в высшем обществе, воспитанном на французский лад, неверие считалось признаком либеральности, а православие едва ли не служило синонимом невежества» [4, с. 106].

Таким образом, новейшие тенденции европейской мысли – противопоставление свободного человека детерминированной природе, соединение фактов с эстетикой и науки с религией, интерес к истории, внимание к народной стихии – были созвучны с задачами, стоящими перед русской мыслью: формированием государственной идеологии, поиском национальной идентичности, привлечением внимания к научным и философским проблемам. Славянофилы переосмыслили европейский опыт и создали на его основе национальную мысль. Они, по словам Н. А. Бердяева, «были теми русскими людьми, которые стали мыслить самостоятельно, которые оказались на высоте европейской культуры, которые не только усвоили себе европейски-всемирную культуру, но и пытались в ней творчески участвовать»¹. Серьезную роль в формировании их взглядов сыграл принцип народности.

В своем толковании истины и пути ее достижения славянофилы исходили из ряда установок. В первую очередь это онтологизм – познавательная установка, исходящая из реальности или необходимости «бытийственного», целостного вхождения познающего человека в существующее в целях подлинного его познания. Он выражается в вере в существование абсолютной истины. «Истина – не временщик и от времени не зависит, – писал К. С. Аксаков, имея в виду, очевидно, истины и ценности христианские. – Что мне за дело, что такая-то идея теперь торжествует. О ее ложности и неложности сужу я на основании требований истины независимой» [5, с. 459]. Еще одна сторона онтологизма – единство субъекта и объекта познания. Славянофилы подхватили развивающиеся со времен И. Канта мысли об активности субъекта познания и о необходимости особой методики в гуманитарных науках, где субъект совпадает с объектом. Познание для них – не просто получение информации, но и преобразование объекта, и работа субъекта над собой. Так, изучая историю своей страны, народ может разрешить проблемы настоящего и улучшить свое будущее. Поэтому цель исторических исследований – поиск в истории истоков и смысла современной жизни.

Еще одна установка, на которой славянофилы строили свои теории, – цельное знание. Для постижения истины субъекту нужен синтез всех его познавательных способностей. Для А. С. Хомякова это рассудок, воля и вера. Для Ю. Ф. Самарина – разум, воля и любовь. И. В. Киреевский говорит о естественном и верующем разуме, проходящем три стадии –

¹ Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков // Предание : сайт. URL: <https://predanie.ru/book/69674-aleksey-stepanovich-homyakov/#/toc7> (дата обращения: 13.05.2025).

«чина»: рассудок, чувства и веру. Из этих способностей только рассудок дает объективное знание, к которому стремится наука. Другие же познавательные способности требуют развитых личностных качеств, воспитанных в том числе народом, к которому принадлежит познающий. Всякий акт познания, по Ю. Ф. Самарину, отражает в себе не только свойства объекта, но и свойства познающего субъекта – в первую очередь его «народность», т.е. особый склад ума и способ воззрения на предметы, воспитанные в условиях определенной среды и определенной культурной традиции. Целное знание включает не только науку, но и другие виды познания: обыденное, художественное, религиозное. Эта мысль тоже взята из европейской романтической науки, призывавшей объединить факты и законы красоты, однако в силу того, что в России наука не имела длительной истории и сформировавшихся традиций, славянофилы, с одной стороны, понимают разницу и границы между ними, с другой – не видят препятствий к их взаимопроникновению или мирному сосуществованию. Так, И. В. Киреевский говорит, что православная церковь никогда не преследует ученого за открытия, идущие вразрез с догматикой, у ученого, в свою очередь, возникает желание не опровергнуть церковные догматы, а согласовать с ними новые знания, поэтому развитие науки не может уничтожить веру и не является поводом для сомнения в откровении. Поэтому «главный характер верующего мышления заключается в стремлении собрать все отдельные части души в одну силу, отыскать то внутреннее средоточие бытия, где разум и воля, и чувство, и совесть, и прекрасное, и истинное, и удивительное, и желанное, и справедливое, и милосердное, и весь объем ума сливается в одно живое единство, и таким образом восстанавливается существенная личность человека в ее первоизданной неделимости»¹.

С помощью принципа цельности знания обосновывается и принцип народности. Так, желая показать роль национального начала в науке, Ю. Ф. Самарин вспоминает, что искусство (например, поэзия) совсем недавно тоже считалось выражением объективных законов красоты, одинаковых для всех поэтов и читателей. В настоящее время, продолжает мыслитель, все поняли односторонность этого подхода, мешающую понять красоту произведения. Так, «не создал бы "Божественной комедии" Данте, если б он не был итальянцем и католиком... что Гёте был одним из полнейших проявлений германского духа. Наконец, со времени появления между нами Гоголя, мы уразумели, что он сам как художник своеобразен и велик именно потому, что его воспитала Россия, а не другая народная среда» [3, с. 429]. Почти идентичные мысли высказывает и К. С. Аксаков, приводя в пример Гомера и У. Шекспира. Отдавая дань романтической традиции, часть своих исторических произведений А. С. Хомяков пишет в стихах. Из этого видно, что между наукой и искусством не делается принципиальной разницы, они видятся как элементы единого истинного знания. Славянофилы, таким образом, становятся яркими выразителями особенности русской мысли, которую позже отметит В. Шубарт: «Теология и антропология, религиозная философия и историческая наука для него [русского философа] не противоречат друг другу, а рассматривают с противоположных сторон один и тот же предмет» [6, с. 125].

Еще одна основа теории славянофилов – соборное единство познающих, в котором «нет различия между грамотеем и невеждою, церковником и мирянином, мужчиною и женщиною, государем и подданным, господином и рабом; где, когда это нужно, по усмотрению Божию, отрок получает дар видения, младенцу дается слово премудрости, безграмотный пастух обличает и опровергает ересь своего ученого епископа, дабы все были едино в свободном единстве живой веры, которое есть проявление Духа Божия» [7, с. 96]. Так в философии славянофилов преломляется мысль о коллективном субъекте познания, высказанная немецкими философами. Свой вклад с соборную истину вносит не только каждый человек, но и каждый народ. Люди и народы существуют в соборном единстве человечества как органы в организме. Из этого следуют выводы русских мыслителей о принципе народности. Во-первых, опыт и его осознание у каждого народа уникальны, поэтому нет никаких оснований полагать, что один народ развит выше другого и имеет право навязывать свой собственный

¹ Киреевский И. В. О верующем разуме // Азбука веры : сайт. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Kireevskij/overuyushem-razume/#source (дата обращения: 13.05.2025).

путь другим народам. Так, вывод об отсутствии у России истории и прогресса может показаться справедливым, если подходить к российской истории с тех же позиций, что и к европейской; однако, если отбросить уверенность в европейском пути развития как единственно правильном, становится ясно, что не каждая культура обязана переживать те же события и процессы, которые пережила Европа. «Есть один закон, по коему образуется человечество, – но в каждом народе ход сего образования изменяется вследствие разных внешних обстоятельств» [8, с. 1], – отмечал М. П. Погодин. Этот вывод впоследствии лег в основу теории культурно-исторических типов, разработанной Н. Я. Данилевским: «Общечеловеческого не только нет в действительности, но и желать быть им – значит желать довольствоваться общим местом, бесцветностью, отсутствием оригинальности – одним словом, довольствоваться невозможной неполнотой. Иное дело – всечеловеческое... оно и состоит только из совокупности всего народного, во всех местах и временах существующего и имеющего существовать; оно несовместимо и неосуществимо в какой бы то ни было одной народности» [9, с. 149]. Во-вторых, через понимание других народов можно лучше узнать о своем. Так, историю и современное состояние России славянофилы анализировали через ее сопоставление с Европой, долгое время игравшей для них роль «другого». В-третьих, народ только тогда может внести вклад в мировую сокровищницу знаний, когда отказывается от бездумного повторения чужих достижений и решается стать самим собой.

Таким образом, народность важна в науке (в особенности в тех отраслях, что изучают человека как культурная традиция, в рамках которой воспитывается и творит каждый отдельный ученый, и как уникальный опыт и ракурс рассмотрения, вносящий вклад в копилку знаний человечества. Принцип народности – цель и средство познания, включающего синтез науки, искусства, религии, житейского опыта. Понимание своей народности не только приближает народ и человечество к истине, но и помогает сделать жизнь лучше.

Итак, субъект сам выбирает объект познания, методы исследования и ракурс рассмотрения проблемы. Народность присуща каждому человеку, как и личностные качества. Поэтому национальность и культура ученого напрямую влияют на цели и ход научного познания, а также на его результаты. «Оттого-то, хотя Италия сделала много для науки, хотя немало сделала и Франция (особенно в науках опыта), хотя бесконечны заслуги Англии и Германии; но во всех этих странах наука является с иным значением, в ином виде и со своим бытовым характером», – писал А. С. Хомяков [10].

Для того, чтобы национальная наука (и каждый ученый, как ее представитель) смогла внести ощутимый вклад в поиск абсолютной истины, она должна действовать от лица своего народа и в его интересах. Факты, необходимые для исследования, анализа и практического применения, стоит брать из народной жизни. Славянофилы видят эту тенденцию в европейской науке. Так, по словам Ю. Ф. Самарина, «учение физиократов, раскрывших участие производительных сил земли в образовании народного богатства, должно было возникнуть во Франции, а меркантильная школа – в Англии» [3, с. 435]. По мнению А. С. Хомякова, российская наука не справляется с этим, работая с европейскими материалами. Например, «в сравнительных таблицах питательности, издаваемых в России, найдешь сарачинское пшено и едва ли не саго, а не найдешь гречихи, которой питается почти вся Россия» [10]. Не только материалы для исследования, но и задачи науки должны отражать нужды народа и соответствовать национальным интересам: изучать строительство не только летних, но и зимних дорог; «агрономы наши толкуют о гуано и Либиховых компостах и не могли придумать, что барда, весьма часто пропадающая даром при сильных винокурениях, могла бы служить весьма сильным и полезным удобрением» [10]. В этих рассуждениях игнорируется тот факт, что выбор материала для исследования – вопрос скорее не этнической принадлежности, а места жительства ученого, однако проблема социального заказа в науке и служба ее национальным интересам выделена достаточно четко и остается актуальной по сей день. Славянофилы сами собрали большое количество материала, позволяющего изучать жизнь и нужды русского народа.

Таким образом, народность проявляется даже в естественных науках. В гуманитарном познании это усугубляется непосредственным участием субъекта в изучаемых событиях либо в их отголосках. Подтверждением этого Ю. Ф. Самарин считает факт, что «открытия в области механики, естественных наук и усовершенствования в материальном быту принимаются просто и бесспорно. Но не так легко обходится дело при усвоении лучшей доли умственного наследства» [3, с. 431]. Это проявляется в следующем. Славянофилы в лучших традициях романтической науки полагали, что в гуманитарном познании серьезную роль играют иррациональные (или, скорее, сверхрациональные) способности – интуиция, воля, воображение, вера. Русские мыслители не говорят напрямую о методах «вживания» и «вчувствования», однако о неполноте рассудочного познания они рассуждали довольно много. Эти способности формируют определенную картину мира, культуру, в которой народности принадлежит важное место. Так, Ю. Ф. Самарин был уверен: «русскому... дух нашей истории, мотивы нашей поэзии, весь ход и все настроение народной жизни откроется яснее и полнее, чем французу, хотя бы последний овладел вполне русским языком и такою массою материалов, какою никогда не располагал ни один русский ученый» [3, с. 435].

При изучении человека и общества к изучению и анализу фактов примешивается ракурс рассмотрения проблемы и точка зрения на нее. Так, изучая историю Реформации, Ю. Ф. Самарин делится выводами: «Боссюет, католик и француз,.. смотрел на Реформацию как на уклонение человеческого разума от нормального пути и объяснял ее вторжением страсти и произвола в область вечной, общечеловеческой истины. Немецкие и английские историки, протестанты по вероисповеданию или по образованию, смотрят на то же явление как на блистательную победу, одержанную духовною свободою человека над ограниченностью средневекового религиозного сознания» [3, с. 429]. Эта особенность приводит к двойным последствиям. С одной стороны, исследователь, вовлеченный в процесс, который он изучает, сможет разглядеть больше его нюансов. В указанном примере католик сможет описать и осмыслить «психологические условия, вызвавшие явления западного католицизма» [3, с. 433], протестант же проанализирует и объяснит «двигательную силу, смысл и дух Реформации» [3, с. 434]. С другой стороны, находясь внутри процесса, ученый видит его однобоко, а значит недостаточно полно. Для полной и более объективной картины нужен взгляд со стороны, от того, «кто не участвовал в борьбе, не заразился возбужденными ею страстями и, по возвышенности своей точки зрения, стоит над сторонами, ведущими между собою спор» [3, с. 436]. Продолжая рассуждения об исследовании Реформации, Ю. Ф. Самарин предполагает, что объективный взгляд на данный процесс может обеспечить православный ученый. Здесь славянофилы точно подметили сложности, с которыми сталкивается наука в стремлении сохранить объективность знания. Однако вместо того, чтобы бороться с проявлениями субъективности ученого, способными исказить научную истину, мыслители предлагают принять эту субъективность и усугубить ее, добавив к научному познанию элементы обыденного, художественного и религиозного. Подобное понимание, с одной стороны, способствует выявлению факторов развития науки (признавая влияние экономики и политики на научные открытия, основное внимание славянофилы все же обращали на духовную жизнь и менталитет народа), с другой – подталкивает науку к зависимости от этих факторов, что может сделать ее орудием идеологии. Впрочем, эту особенность отмечали и сами славянофилы, не считая ее пороком. К. С. Аксаков, говоря об исторических трудах, четко разграничивал два их типа: историю, состоящую в хронологически последовательном и документально точном изложении фактов, и историческое исследование, главная цель которого – поиск в истории истоков и смысла современной жизни. К. С. Аксаков и его единомышленники полагали, что поиск истоков явлений современности и понимание национальных интересов – первоочередная задача для современной им науки. Об этом говорит и Н. М. Громов: «Славянофилы были тенденциозны, это нельзя отрицать, но настолько, насколько тенденциозны любые первопроходцы, основатели новых учений, несущие в себе энергию порыва» [11, с. 127].

Народность определяет не только факты, на которых основывается изучение объекта, но и методику научного познания. Среди славянофилов укрепилось мнение, что «французы, по особенному складу своего ума, были, по преимуществу, призваны раскрыть процесс постижения путем опыта, исчерпать процесс образования понятий из ощущений, передаваемых путем внешних чувств; а Гегель... высвободил, уяснил и облек в наукообразную форму те понятия, которые лежали как элементы в народном сознании» [3, с. 435]; английская наука «никогда не умела ещё отделять законов факта от его случайностей», а немецкая «довела себя до состояния чисто аналитической машины, утратившей всякое живое сознание фактов» [10]. Наблюдения эти в целом правдивы, однако несколько поверхностны. С достижениями естественных наук, базирующихся на механистическом материализме и опирающихся на данные наблюдений и экспериментов, славянофилы были знакомы по трудам французских просветителей, а методику наук о человеке взяли у немецких классиков. Однако выводы о преимущественной склонности французов к эмпирическим, а немцев к рациональным методикам были сделаны на основании современных данных, с которыми русские мыслители ознакомились, не углубляясь в историю европейской науки. Также мыслители были уверены, что для науки всех европейских народов характерна общая черта – односторонность. Сосредоточение на одном виде познания – научном – и на одной группе методов, делает знание неполным, а достижение истины невозможным. Именно Россия, изучив и переосмыслив опыт Запада, может создать цельное знание и приблизиться к абсолютной истине. Эта возможность обусловлена особенностями русского народа, изучению которых славянофилы уделили пристальное внимание.

«Народность есть личность народа. Точно так же, как человек не может без личности, так и народ без народности. Личность не только не мешает, но она одна и дает возможность понять вполне и свободно другого человека, другие личности. Так точно и народность одна дает возможность народу понять другие народности» [5, с. 199]. Эти слова К. С. Аксакова очень точно характеризуют славянофильскую позицию по вопросу национальных особенностей и их роли в жизни человека и народа. Особенности национальных характеров были важнейшим предметом их изучения, а поиск собственной народной идентичности – главной целью познания. В своих трудах мыслители подмечали особенности мировоззрения европейских народов. Так, Ю. Ф. Самарин в «Письмах из Риги» делился наблюдениями за местными немцами, сравнивая их с другими европейскими народами: «Англичане и французы гордятся своими подвигами, своими законами, своими победами, и потому, если другой народ на всех этих поприщах сравнивается с ними, они, может быть, и не полюбят его, но, по крайней мере, в состоянии будут признать его себе равным или достойным соперником. Немец же доволен тем, что он немец; более ничего не нужно для его славы, и это одно в его глазах ставит его выше всех племен. Немцем же, кто не имел счастья родиться им, никто не делается» [3, с. 540]. А. С. Хомяков отмечает, что именно в силу своего национального менталитета, основанного на жажде материальной выгоды, евреи не смогли разглядеть Спасителя в нищем странствующем проповеднике Иисусе. В отличие от большинства своих современников славянофилы не строили иллюзий о вхождении России в семью европейских народов. Все славянофилы полагают, что европейские народы уже постигли свою идентичность и потому «хлопочут не о народном воззрении, а об истине», и потому во многом берут за образец европейский путь рассмотрения народности, состоящий в изучении истории, фольклора и традиций своего народа.

Славянофилы собрали большое количество материала для изучения русского народа, его истории и мировоззрения. Показателен пример П. В. Киреевского, который «с палкою в руке и котомкой на плечах отправился странствовать пешком по нашим селам и деревням... неутомимо собирая народные песни, пословицы, сказанья, изучая народный быт и нравы, стараясь разглядеть и понять обломки давно прошедшей народной русской жизни» по Новгородскому, Валдайскому, Деминскому и Осташковскому уездам, а также «от Чудского

озера до Волыни и Сурожа, от литовского Берестья до Вязьмы и под Можайск»¹. Его увлечение, ставшее делом жизни и заложившее основу этнографических экспедиций, со временем разделили многие просвещенные дворяне. Н. М. Языков привозил песни из Симбирской и Оренбургской губерний, А. С. Пушкин пополнял коллекцию псковскими песнями, Н. В. Гоголь привез в Москву и Петербург народное творчество Малороссии, А. В. Кольцов – песни Воронежской губернии, С. П. Шевырев – Саратовской, К. Д. Кавелин – Тульской и Нижегородской, В. И. Даль – Приуралья, И. Я. Якушкин – Костромской, Тверской, Тульской, Калужской и Орловской. В результате было собрано более тысячи песен (опубликованы, к сожалению, далеко не все). К. С. Аксаков на основе сохранившихся фрагментов песен, сказок и исторических текстов практически воссоздал весь известный на данный момент эпос о богатырях эпохи князя Владимира. И. В. и Н. П. Киреевские опубликовали в журнале «Москвитин», а впоследствии издали отдельной книгой работу митрополита Макария «Жития схиигумена Паисия Величковского» (прототипа старца Зосимы в «Братьях Карамазовых»). С 1847 г. под руководством старца Макария до его кончины в 1860 г. при непосредственном участии супругов Киреевских в Оптиной пустыни было издано шестнадцать книг на русском и древнеславянском языках. Впоследствии И. В. Киреевский продолжил труды своего первого духовного наставника иеромонаха Филарета (Пуляшкина), готовившего к печати славянское «Добротолюбие» – собранные старцем Паисием творения святых отцов.

Еще один объект изучения славянофилов – русский язык. Изучение его, как и сбор древнего фольклора, был для них своеобразной формой «хождения в народ» и попыткой воссоединения народа и элиты. Славянофилы справедливо считали язык воплощением народного мировоззрения и исторического опыта. Изучая русскую грамматику, К. С. Аксаков, а также В. И. Даль, М. Н. Катков, Н. П. Некрасов, Н. И. Богородицкий, а еще раньше – И. Фатер и А.-В. Таппе (большинство из них не были славянофилами, однако сходство мыслей говорит о том, что последние, с одной стороны, опирались на научные труды, а с другой – нашли последователей среди ученых), полагали, что к ней не применимы германские правила, а потому методика изучения русского языка должна быть разработана заново. В центре внимания данных исследователей были времена глагола, а точнее, по их убеждению, их фактическое отсутствие. «Русский глагол управляется с категориею времени совершенно самостоятельно и вовсе не похоже на глаголы других языков. Если мы вздумаем искать времен, известных нам из иностранных грамматик, – мы останемся неудовлетворенными. В самом деле, прежде всего поражает нас то, что прошедшего времени в нашем языке нет вовсе. Русский язык не считает действия прошедшего за действие, – пишет К. С. Аксаков. – Будущее принимает такой вид, что будущим назвать его нельзя. ...формы глагола, часто употребляемые для выражения будущего, не могут называться формами будущего времени, ибо часто употребляются и в прошедшем и в настоящем»². Б. Н. Гаспаров справедливо полагает, что славянофилы и близкие им ученые, сосредоточившись на изучении глагола, не уделяют внимания другим частям речи, что сужает круг их исследований и обедняет выводы [12, с. 36]. Однако нельзя забывать, что лингвистика как наука в те времена делала первые шаги, не могла сразу охватить широкий круг проблем и потому сконцентрировалась на вопросах, лежащих на поверхности, и общих определениях предмета и метода.

Также славянофилы знамениты трудами по русской истории. По словам К. С. Аксакова, главным недостатком трудов старшего поколения было полное невнимание к национальным особенностям русского народа и его истории. Даже русские историки, бывшие, несомненно, патриотами, по его мнению, изображали русскую историю так, что в ней русского, собственно, ничего не было видно. Говоря о России, они стремились не объяснить различия России и Европы, а сгладить их, что не соответствовало фактам. Славянофилы изучали

¹ Половцов А. А. Русский биографический словарь. Т. 8 (Киреевский, Петр Васильевич) // Азбука веры : сайт. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/russkij-biograficheskij-slovar-tom-8/1081> (дата обращения: 13.05.2025).

² Аксаков К. С. О русских глаголах // Lib.ru/Классика : сайт. URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_k_s/text_1855_o_russkih_glagolah-1.shtml (дата обращения: 13.05.2025).

знаменитых личностей, внесших вклад в русскую историю, таких как Иван Грозный, Ермак, Лжедмитрий I, Борис Годунов, Петр I, М. В. Ломоносов, Стефан Яворский, Феофан Прокопович, Паисий Величковский; ключевые события истории России: призвание варягов, Смуту, реформы Ивана Грозного и Петра I; явления, формирующие на протяжении истории русскую идентичность: историю православной церкви, западную экспансию и т.д.

Богатейший материал для изучения народности давала славянофилам и повседневная жизнь России. А. С. Хомяков, С. Т. Аксаков, П. В. Киреевский были хозяйствующими помещиками, знавшими правила и быт крестьян. И. В. Киреевский служил смотрителем Белевского уездного училища, Ю. Ф. Самарин был чиновником Министерства внутренних дел (занимался организацией управления и самоуправления курляндских и эстляндских земель), А. И. Кошелев служил в департаменте духовных дел иностранных вероисповеданий, а затем – предводителем дворянства Сапожковского уезда Рязанской губернии, М. Н. Погодин преподавал в Московском университете. Все они достаточно подробно описывали быт крестьян, мещан и дворянства, выделяли острые социальные проблемы (массовую неграмотность, пьянство, неэффективное управление хозяйством, бюрократию), характеризовали межнациональные отношения на окраинах (в частности, писали о притеснениях русских со стороны прибалтийского дворянства, ориентированного на немецкую культуру).

Собирая и перерабатывая материал о русской истории и культуре, славянофилы опирались в том числе и на современных им ученых. П. В. Киреевский сотрудничал с польским этнографом З. Доленга-Ходаковским и малороссийским фольклористом М. А. Максимовичем, а также с московскими профессорами И. М. Снегиревым и А. Ф. Мерзляковым. К. С. Аксаков, исследуя русский глагол, отмечает лингвистические исследования М. В. Ломоносова и А. Х. Востокова. В своих исторических работах славянофилы часто ссылались на труды И. Г. Байера, Г. Ф. Миллера, Л. А. Шлецера, М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина, а также современных им мыслителей – Т. Н. Грановского, С. М. Соловьева, М. Н. Погодина. В поиске основ русской культуры И. В. Киреевский опирается на работы Фр. Гизо.

Справедливо ли упрекать славянофилов в намеренном замалчивании и искажении фактов? З. А. Каменский занимает по этому вопросу достаточно жесткую позицию. Многие исследователи творчества мыслителей отмечают, что в поисках национальных особенностей русского народа и особого пути развития России они часто идеализируют российскую историю и современность и игнорируют факты, указывающие на их несовершенства. Так, отмечая отсутствие песен о периоде «монголо-татарских разрушений»¹ и положительный образ Ивана Грозного в народном творчестве, П. В. Киреевский не упоминает о протестных мотивах, звучащих в русских песнях. Говоря о крестьянской общине и православной церкви, мыслители отмечают их положительные черты, практически не упоминая о недостатках или списывая эти недостатки на стороннее вмешательство. Многие современники и исследователи (среди них В. С. Соловьев) отмечали, что основоположники славянофильства указывали на реальные недостатки Западной Европы, а взамен предлагали идеальное устройство России (можно даже сказать, что они противопоставляли «плохую» Европу «хорошей» России). Признавая тенденциозный отбор фактов славянофилами, стоит отметить, что этому есть ряд объяснений. Во-первых, как отмечал К. С. Аксаков, малое количество и слабая изученность источников, а также недоработанная методика гуманитарного исследования делают невозможным на данный момент всестороннее и объективное знание. Во-вторых, сам принцип народности, которого придерживались славянофилы, в основе своей не предполагает объективности. Не только каждый человек, но и каждый народ смотрит на действительность с определенного ракурса сквозь призму определенного опыта, поэтому знание, независимое от субъекта, – такая же химера, как «человек вообще» и «гражданин мира». В-третьих, цельное знание, к которому стремились славянофилы, не предполагает принципиального разграничения научного знания с обыденным, художественным и религиозным. Поэтому объек-

¹ Половцов А. А. Русский биографический словарь. Т. 8 (Киреевский, Петр Васильевич) // Азбука веры : сайт. URL: <http://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/russkij-biograficheskij-slovar-tom-8/1081> (дата обращения: 13.05.2025).

тивность знания в глазах славянофилов не являлась непреложной ценностью. В-четвертых, поставив перед собой задачу выявить особенности русского народа и особый путь России, они закономерно сосредоточились на фактах, которые эти особенности подчеркивают. Наконец, стоит отметить, что, отбирая факты, которые «имеют лишь значение оправдания задним числом принятого взгляда» [13, с. 69], философы обращались с данным материалом очень аккуратно, не допуская искажения информации, сравнивая источники и принимая во внимание их происхождение. Поэтому, не будучи в полном смысле учеными, они все же не были и проповедниками антинаучного знания, тем более что гуманитарные науки того времени делали первые шаги и еще не освободились полностью от художественных элементов и субъективности.

Славянофилы не разработали собственные методики познания, однако в своих исследованиях и поисках активно пользовались известными на тот момент и используемыми в гуманитарных науках методами. Среди них можно выделить сбор информации при помощи наблюдения (сюда можно отнести как наблюдения окружающей жизни, так и сбор фольклора в прообразе экспедиции, изучение языка и диалектов), сравнение и описание данных (так, П. В. Киреевский, обрабатывая собранные песни, создавал так называемый сводный текст, выбирая из имеющихся вариантов один в качестве основного и дополняя его отдельными строчками или отдельными словосочетаниями из других вариантов, обязательно оговаривая при этом каждое изменение и указывая его источник) [14, с. 49], системный и комплексный анализ информации, аналогию (славянофилы часто проводили ее, сравнивая русскую жизнь с западной), идеализацию (они часто оперировали общими понятиями «крестьянская община», «православная церковь», «Европа» и др.), восхождение от абстрактного к конкретному (метод этот в те времена еще не был детально разработан, но именно его, по сути, использовали мыслители-славянофилы, занимаясь делом своей жизни, – наполняли конкретным содержанием абстрактное понятие – «русский народ»).

На основании собранной информации и провозглашенных установок славянофилы выделяют некоторые признаки русского мировоззрения. П. В. Киреевский в результате наблюдений за крестьянами делает вывод: «Едва ли есть в мире народ певучее русского. Во всех почти минутах жизни русского крестьянина, и одиноких, и общественных, участвует песня; почти все свои труды, и земледельческие, и ремесленные, он сопровождает песнею. Он поет, когда ему весело, поет, когда ему грустно. Когда общее дело или общая забава соединяет многих, – песня раздается звучным хором; за одиноким трудом или раздумьем, ее мелодия, полная души, переливается одиноко» [14, с. 51]. Исследуя временные характеристики русского глагола, анализируя их размытость, смешение прошлого, будущего и настоящего времени, К. С. Аксаков делает вывод о такой черте русского характера, как приоритет внутреннего над внешним, содержания над формой, сущности над деталями. Для русского человека важно не время совершения действия, а его суть и факт его совершения. Изучая историю, славянофилы отмечают миролюбие русского народа. Подтверждением этого они считали факт (опровергнутый современной наукой, но считавшийся достоверным в XIX в.), что даже государственную власть как источник легитимного насилия славяне призывали извне. На протяжении всей своей истории Россия, по словам А. С. Хомякова, «воевала только вынужденно» [15, с. 56], спасаясь от набегов татар на востоке и юге и от немецкой и польской экспансии на западе. Продолжением миролюбия русского народа мыслители считают его терпимость, как религиозную, так и светскую, способность признавать преимущества других народов и учиться у них новому. В подтверждение этой черты они приводят множество исторических фактов: допущение влияния католического вероучения в Киево-Могилянской академии из-за необходимости привлечения ученых; легализацию ордена иезуитов и учреждение Белорусской католической епархии Екатериной II из-за желания населения западных губерний сохранить свою церковь и свой образ жизни; многочисленные потакания российского правительства остзейским дворянам и купцам, постоянно требующим уступок на основании документов, часто противоречащих друг другу. Еще одной особенностью русского мировоззрения мыслители считают преданность родной земле. Ю. Ф. Самарин, выражая общую для

славянофилов позицию по поводу происхождения крепостного права, так характеризует этот процесс и эту особенность: «У нас помещик занял землю, которую правительство назначило ему в кормление; земля же была нераздельна с личностью земледельца; она была издревле крепка ему... право помещика, обусловленное служебными обязанностями и потому подкрепленное правительственною силою, перетянуло и распространилось, вследствие причин, независимых от чьей-либо воли, от земли на земледельца, который, к счастью, предпочел утратить свободу, чем землю, и не дал себя оторвать от нее» [3, с. 510]. Также неотъемлемой чертой русского мировоззрения славянофилы считали коллективизм, соборное единство людей. Подтверждение этого мыслители видели в «демократичности» русской жизни и сознания (К. С. Аксаков, пересказывая былины, заостряет внимание на социальном составе служащих при князе Владимире: «...и Ставр, богатый боярин, и Алеша, сын попа, и Иван, сын гостя (купца), и наконец Илья Муромец, крестьянин» [5, с. 76]), совещательных традициях (они приводят много фактов, подтверждающих существование совещательных органов – вече в Древней Руси и Земского Собора в Московской России) и длительном и эффективном существовании общины. Именно эти особенности делают русский народ способным осуществить мировое единство народов и сыграть свою уникальную роль в мировой истории и постижении истины.

Список литературы

1. Гайдено П. П. История новоевропейской философии и ее связи с наукой. М. : Пер Сэ, 2000. 456 с. EDN: [SJPGER](#)
2. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и интуиция: наследие романтиков. М. : ГУ ВШЭ, 2003. 50 с.
3. Самарин Ю. Ф. Православие и народность / сост., предисл. и коммент. Э. В. Захарова ; отв. ред. О. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2008. 720 с.
4. Можарова М. А. «У нас есть отечество»: братья Иван и Петр Киреевские о России // Русско-Византийский вестник. 2022. № 2 (9). С. 99–124. doi: [10.47132/2588-0276_2022_2_99](https://doi.org/10.47132/2588-0276_2022_2_99) EDN: [QBJDRQ](#)
5. Аксаков К. С. Государство и народ. М. : Институт русской цивилизации, 2009. 608 с. EDN: [QWUUKV](#)
6. Шубарт Ф. Европа и душа Востока / пер. с нем. М. В. Назарова, З. Г. Антипенко. М. : Русская идея, 2003. 495 с. EDN: [QOCCQT](#)
7. Хомяков А. С. Сущность западного христианства. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры Г. Лоранси. Монреаль : Изд-во Русской православной церкви за границей, 1974. 208 с.
8. Погодин М. Н. Исторические афоризмы. М. : Университетская типография, 1836. 128 с.
9. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / сост. Н. Саркитова. М. : Терра-Книжный клуб, 2008. 816 с. EDN: [QPKOVN](#)
10. Хомяков А. С. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. В 3 т. Т. 1: Статьи и заметки разнородного содержания. М. : Тип. Лебедева, 1878. 768 с.
11. Громов М. Н. Славянофильство: историософский аспект // История философии. 1999. № 4. с. 125–134.
12. Гаспаров Б. М. Лингвистика национального самосознания (Значение споров 1860–1870 гг. о природе русской грамматики в истории философской и филологической мысли) // Логос. 1999. № 4 (14). С. 48–67.
13. Каменский З. А. Философия славянофилов. Иван Киреевский и Алексей Хомяков : монография. СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2003. 536 с. EDN: [QWEZWP](#)
14. Юдина В. И. Дело всей жизни... К истории песенного собрания Петра Киреевского // Вестник славянских культур. 2022. № 63. С. 44–54. doi: [10.37816/2073-9567-2022-63-44-54](https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-44-54) EDN: [BNDFCL](#)
15. Хомяков А. С. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова : в 3 т. Т. 3: Записки о всемирной истории. М. : Унив. тип. (М. Катков), 1882. 540 с.

References

1. Gaydenko P.P. *Istoriya novoevropeyskoy filosofii i ee svyazi s naukoy* = *History of modern European philosophy and its connections with science*. Moscow: Per Se, 2000:456. (In Russ.)

2. Savel'eva I.M., Poletaev A.V. *Istoriya i intuitsiya: nasledie romantikov = History and intuition: the heritage of the romantics*. Moscow: GU VShE, 2003:50. (In Russ.)
3. Samarin Yu.F. *Pravoslavie i narodnost' = Orthodoxy and nationality*. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, 2008:720. (In Russ.)
4. Mozharova M.A. "We have a fatherland": brothers Ivan and Peter Kireevsky about Russia. *Russko-Vizantiyskiy vestnik = Russian-Byzantine Herald*. 2022;(2):99–124. (In Russ.). doi: [10.47132/2588-0276_2022_2_99](https://doi.org/10.47132/2588-0276_2022_2_99)
5. Aksakov K.S. *Gosudarstvo i narod = State and people*. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, 2009:608. (In Russ.)
6. Shubart F. *Evropa i dusha Vostoka = Europe and the soul of the East*. Translated from German by M.V. Nazarova and Z.G. Antipenko. Moscow: Russkaya ideya, 2003:495. (In Russ.)
7. Khomyakov A.S. *Sushchnost' zapadnogo khristianstva. Neskol'ko slov pravoslavnogo khristianina o zapadnykh veroisповедaniyakh. Po povodu broshyury G. Loransi = The essence of Western Christianity. A few words from an Orthodox Christian on Western faiths. Concerning the brochure by G. Lauryency*. Monreal': Izd-vo Russkoy pravoslavnoy tserkvi za granitse, 1974:208. (In Russ.)
8. Pogodin M.N. *Istoricheskie aforizmy = Historical aphorisms*. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1836:128. (In Russ.)
9. Danilevskiy N.Ya. *Rossiya i Evropa = Russia and Europe*. Moscow: Terra-Knizhnyy klub, 2008:816. (In Russ.)
10. Khomyakov A.S. *Polnoe sobranie sochineniy Aleksey Stepanovicha Khomyakova: v 3 t. T. 1: Stat'i i zametki raznorodnogo soderzhaniya = Complete works of Aleksei Khomyakov: in 3 volumes. Vol. 1: Articles and notes of various content*. Moscow: Tip. Lebedeva, 1878:768. (In Russ.)
11. Gromov M.N. Slavophilism: historiosophical aspect. *Istoriya filosofii = History of philosophy*. 1999;(4):125–134. (In Russ.)
12. Gasparov B.M. Linguistics of national self-awareness (The significance of the debates of the 1860s–1870s about the nature of Russian grammar in the history of philosophical and philological thought). *Logos = Logos*. 1999;(4):48–67. (In Russ.)
13. Kamenskiy Z.A. *Filosofiya slavyanofilov. Ivan Kireevskiy i Aleksey Khomyakov: monografiya = Philosophy of the Slavophiles. Ivan Kireevsky and Aleksei Khomyakov: monograph*. Saint Petersburg: Izd-vo Rus. Khristian. gumanit. in-ta, 2003:536. (In Russ.)
14. Yudina V.I. The work of a lifetime... On the history of the song collection of Pyotr Kireevsky. *Vestnik slavyanskikh kul'tur = Herald of Slavic cultures*. 2022;(63):44–54. (In Russ.). doi: [10.37816/2073-9567-2022-63-44-54](https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-44-54)
15. Khomyakov A.S. *Polnoe sobranie sochineniy Aleksey Stepanovicha Khomyakova: v 3 t. T. 3: Zapiski o vseмирной istorii = Complete works of Aleksei Khomyakov: in 3 volumes. Vol. 3: Notes on world history*. Moscow: Univ. tip. (M. Katkov), 1882:540. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

О. А. Мартынова – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1328-823X>

O.A. Martynova – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Communications, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1328-823X>

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests**

Поступила в редакцию / Received 19.05.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.06.2025

Принята к публикации / Accepted 30.07.2025

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Научная статья

УДК 177.9

EDN: BMOUDR

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-16

К ВОПРОСУ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В ЦИФРОВОМ МИРЕ. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД

Василий Владимирович Белкин

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

consigliori2003@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В связи со стремительно ворвавшейся в повседневность массовой цифровизацией возникает необходимость осмысления особенностей формирования правосознания в новой цифровой среде, а также особенностей восприятия индивидами виртуального пространства как специфической среды правовых отношений. С одной стороны, все более значимой становится правовое регулирование цифрового пространства, с другой – традиционные отрасли права все активнее подвергаются цифровизации в той или иной степени. В данной связи такая извечная проблема, как правовой нигилизм, приобретает специфические черты. Целью настоящей статьи является выявление особенностей проявления феномена правового нигилизма в контексте цифровизации. *Материалы и методы.* Методологической основой исследования является философская концепция исторического процесса, базирующаяся на диалектике родовой и индивидуальной сущности человека. Используются методы сравнительного анализа и критического осмысления существующей практики правового регулирования. *Результаты.* Рассмотрены формирование правосознания и нигилистическое отношение к праву, обусловленные спецификой цифрового пространства. Делается вывод о том, что правовой нигилизм в цифровом пространстве имеет существенные особенности в силу обусловленного машинной логикой, принципиально иного характера взаимодействий субъектов. Отмечаются характерные черты деформации правосознания в цифровой среде ввиду своеобразия отчуждения человека в виртуальном мире, что является основанием формирования специфических форм правового нигилизма. Указывается на опасность утраты индивидами возможности осмысленного целеполагания в правовом пространстве оцифрованных правовых систем. *Выводы.* Сделаны выводы о том, что в цифровом мире все предыдущие формы отчуждения родовой сущности человека, возможно, будут включены в цифровую его форму. Обращено внимание на необходимость разработки новых подходов к правовому воспитанию и цифровой социализации, прежде всего детей и молодежи. Подчеркнуты опасность дегуманизации права в цифровой среде, необходимость разработки более гибких и эффективных механизмов правового регулирования, учитывающих особенности современной цифровой среды.

Ключевые слова: правовой нигилизм, информационное пространство, информационное общество, родовая сущность, отчуждение

Для цитирования: Белкин В. В. К вопросу об отдельных аспектах проблемы правового нигилизма в цифровом мире. Социально-философский взгляд // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 3. С. 171–180. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-16 EDN: BMOUDR

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

Original article

ON THE QUESTION OF CERTAIN ASPECTS OF THE PROBLEM OF LEGAL NIHILISM IN THE DIGITAL WORLD. SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT

Vasily V. Belkin

Perm State National Research University, Perm, Russia

consigliori2003@mail.ru

Abstract. *Background.* In connection with the mass digitalization that has rapidly burst into everyday life, there is a need to comprehend the peculiarities of the formation of legal consciousness in the new digital environment, as well as the peculiarities of individuals' perception of virtual space as a specific environment of legal relations. On the one hand, the legal regulation of digital space is becoming more and more important, on the other hand, traditional branches of law are increasingly exposed to digitalization to a greater or lesser extent. In this regard, such a perennial problem as legal nihilism acquires specific features. The purpose of this article is to identify the peculiarities of the phenomenon of legal nihilism in the context of digitalization. *Materials and methods.* The methodological basis of the study is the philosophical concept of the historical process, based on the dialectics of the generic and individual essence of man. Methods of comparative analysis, and critical thinking of the existing practice of legal regulation are used. *Results.* The features of the formation of legal consciousness and a nihilistic attitude to law, due to the specifics of the digital space, are considered. It is concluded that legal nihilism in the digital space has significant features due to the fundamentally different nature of interactions between subjects due to machine logic. The features of the deformation of legal consciousness in the digital environment are noted, due to the peculiarity of human alienation in the virtual world, which is the basis for the formation of specific forms of legal nihilism. The danger of individuals losing the ability to meaningfully set goals in the legal space of digitized legal systems is indicated. *Conclusions.* Conclusions are made that in the digital world all previous forms of alienation of the generic essence of a person may be included in its digital form. Attention is drawn to the need to develop new approaches to legal education and digital socialization, especially for children and young people. The danger of dehumanization of law in the digital environment, the need to develop more flexible and effective mechanisms of legal regulation that take into account the features of the modern digital environment are emphasized.

Keywords: legal nihilism, information space, information society, generic essence, alienation

For citation: Belkin V.V. On the question of certain aspects of the problem of legal nihilism in the digital world. Social and philosophical aspect. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(3):171–180. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-16

В нашу жизнь стремительно ворвалась массовая цифровизация, которая вывела технологическое развитие на новый, поистине революционный уровень. Интеллектуальные системы преобразили не только наш повседневный быт, но и базовые алгоритмы человеческого существования, изменив наши привычки, приоритеты и даже мировоззренческие ориентиры. С одной стороны, все более значимой становится правовое регулирование цифрового пространства, с другой – традиционные отрасли права все активней подвергаются цифровизации в той или иной степени. В данной связи такая извечная проблема, как правовой нигилизм, приобретает специфические черты. Анализ правового нигилизма в цифровом пространстве на методологической основе отчуждения родовой человеческой сущности с неизбежно-

стью приводит нас к феномену цифрового отчуждения и своеобразию его черт. Особое место в механике отчуждения нового цифрового типа занимают «цифровые платформы» – мощные инструменты, определяющие поведение миллионов людей. Необходимо задаться вопросом о том, как формируется новая идентичность в цифровом мире, где стремление оставить свой след в сети становится доминирующей целью, независимо от ценностного содержания.

С начала XXI в. в силу взрывного развития телекоммуникационных социальных технологий была сформирована принципиально новая среда жизнедеятельности человека – социальные сети и социальные платформы. Уникальность социальных платформ в том, что они обеспечивают, во-первых, предсказуемость, а во-вторых, управляемость жизнедеятельности индивидов без каких-либо дополнительных «приводных ремней» в виде организаций и денег [1, с. 90]. Принудительное приобщение индивидов к более активному включению в пространство цифрового мира даст возможность отказаться в дальнейшем от рыночных отношений, денег и заменит их нерыночной и некапиталистической распределительной системой, о которой уже давно пишут некоторые зарубежные авторы [2–4]. Поведение людей, погруженных в информационный кокон социальных платформ, становится во многом детерминировано получаемыми из них же персонифицированной информацией и эмоциями, которые в своей совокупности оказываются способны влиять на принятие индивидом социально значимых, в том числе юридических, решений, т.е. формировать личность человека, его мировоззрение и правосознание.

Широко обсуждается феномен киберсоциализации или интернет-социализации, в результате, с раннего возраста формируются типизированные личности индивидов, ассоциирующих себя с теми или иными персонажами игр или аватарами соцсетей. Отсюда феномены цифрового аутизма и размывание идентичности [5, 6]. Мы наблюдаем переход от цивилизации текстовой культуры и системного мышления к цивилизации визуальных образов, где не так важны аналитические способности и системный подход. Кроме того, важнейшим моментом представляется то, что в пространстве киберобщения аватары оказываются легко взаимозаменяемыми. С помощью технологии искусственного интеллекта, полностью освоившего устойчивые обороты, способы построения фраз и предложений, лексику индивида, возможно даже воскресить в Сети умершего субъекта, что, наверняка, останется незамеченным его контрагентами. Любой индивид теряет свою неповторимость и оказывается заменен в цифровом мире, что открывает путь для превращения уникальных человеческих атрибутов в безликий товар, предмет анонимного рыночного обмена. В связи с тенденцией потери индивидами своей человеческой уникальности, качественной определенности, обменянной на количественно однородные сигналы информационных сетей, не удивительно, что и бесцельность человеческой жизни становится убеждением многих. Возможно, поэтому всерьез обсуждается вопрос целесообразности сделать субъектами права нечеловеческие сущности [7] – искусственный интеллект, андроидов, а в перспективе киборгов и химер, которые смогут даже участвовать в различных электоральных процедурах, но, главное, этот шаг поможет увеличить количество потребителей.

Активность людей в виртуальном пространстве фиксируется, анализируется с помощью машинных технологий и становится объектом капитализации, т.е. отчуждается, определяется [8] и, обретая самостоятельное существование, возвращается к индивиду в виде контента, формирующего сферу его целеполагания в определенных, четко заданных направлениях¹. Такая тенденция углубляет и цементирует социальную сегментацию. Пользователи социальных платформ оказываются заключенными в так называемые «информационные пузыри» или «капсулы», создаваемые самими социальными сетями (платформами). Эти «пузыри» формируются благодаря алгоритмам рекомендаций, которые предлагают пользователям контент, схожий с тем, который они даже мимолетно одобрили своим к нему вниманием. Таким образом, создается замкнутый цикл обратной связи, приводящий к тому, что пользова-

¹ Ашманов И. Цифровое пространство как поле боя // Ашманов и партнеры : сайт. URL: <https://www.ashmanov.com/education/articles/igor-ashmanov-tsifrovoye-prostranstvo-kak-pole-boya/> (дата обращения: 23.03.2025).

тели потребляют все более однотипный контент, что ведет к еще большей изоляции и, соответственно, отчуждению как отдельного человека, так и целых групп. Эта изоляция делает пользователей не просто уязвимыми, а практически беззащитными перед манипуляцией, поскольку их восприятие реальности оказывается ограниченным и односторонним. Иными словами, виртуальный двойник противопоставляется живому индивиду, порождая новые формы отчуждения и, соответственно, дегуманизации. Цифровые алгоритмы не только латентно задают правила и ритм жизни, но и с помощью технологии *deepfake* подменяют живых людей. Ключевым моментом представляется то, что человек вынужден выстраивать свою жизнедеятельность по меркам правил и алгоритмов, созданных на основе машинной логики, а не этики, правил, законов, созданных людьми и для людей, подчинение и следование которым, или же протест, он выбирает сознательно. Человек начинает терять саму возможность активного противостояния и несогласия с принудительными правилами опосредованных машинным кодом взаимодействий [9, с. 63]. При несогласии с предложенными вариантами (а иногда и без них) индивид просто оказывается «за бортом» всего пространства цифровой коммуникации. Другими словами, социальные платформы, шире – социальные сети, служат инструментом тотального, опосредованного киберсистемами «производства согласия» [10, с. 50] с предлагаемыми решениями, что неизбежно сокращает пространство для выражения индивидуальности, возможной критики, протеста, полемики. Более того, некоторые авторы отмечают, что не в ближайшем будущем, а в настоящем «главным делом человека становится уже не производство и потребление благ, но производство (в основном бессознательное) цифровых следов, служащих уникальным сырьем для обучения главного фактора современного развития – искусственных интеллектов» [1, с. 90]. Отрадно сознавать, что люди в такой системе все-таки оказываются необходимы, поскольку именно сама жизнедеятельность человека, вне какой-либо ее моральной или правовой оценки, сама по себе, сведенная к производству уникального, максимально разнообразного цифрового следа, станет общественной ценностью. «Главной ценностью человека стало его внимание, а главным средством обмена информатизированной экономики – не обмен благ на деньги, а обмен внимания на эмоции» [1, с. 91].

В качестве отступления представляется важным отметить, что в мире цифровых платформ планируется элиминация всей личной собственности на потребительские товары, о чем восторженно сообщила в своих восьми предсказаниях экоактивистка из Дании Ида Аукен: «Мне ничего не принадлежит. У меня нет машины. У меня нет дома. У меня нет ни бытовой техники, ни одежды»¹.

На современном этапе развития мы наблюдаем завершение периода глобализации в форме вестернизации и постепенное разделение мира и мирового рынка на макрорегионы. Как предполагается, эти регионы будут конкурировать между собой в эффективности, в том числе и посредством искусственных интеллектов, обучающихся за счет разнообразия цифровых следов пользователей подконтрольных (искусственным интеллектам) цифровых платформ². Государство в новых условиях начинает плавно трансформироваться в цифровое государство и, скорее всего, станет сродни одной из формирующихся цифровых платформ, в которой, как представляется, будут сконцентрированы его базовые внутренние функции, прежде всего социальные. Уже на практике внедряется принятие с помощью искусственного интеллекта решений управленческого характера не только в финансовой, технологической, но и правовой сфере [11], что неизбежно породит новые риски социального, этического и прежде всего юридического характера [12]. Фактически имеет место перекалывание волевых решений, непосредственно связанных с жизнью и судьбой человека, на машинные алгоритмы, что указывает на «отчуждение живого интеллекта в пользу технически опосредованного» [9, с. 64]. Если юри-

¹ 8 predictions for the world in 2030 // World Economic Forum : website. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/11/8-predictions-for-the-world-in-2030/> (дата обращения: 23.03.2025).

² Делягин М. Г. «Цифровой след» личности – новый смысл существования человечества и некоторые следствия этого // Свободная Мысль : сайт. URL: <http://www.svom.info/entry/1091-cifrovoy-sled-lichnosti-novyjsmysl-sushestvovaniya/> (дата обращения: 23.03.2025).

дические нормы и правоприменительная практика всегда имеют конкретного автора, субъекта решения, то алгоритмы и инфраструктура цифрового государства становятся во многом обезличенными, что, несомненно, ослабляет связь индивида с другими людьми, обществом и государством. Уважение к праву, конкретному закону так или иначе связано с субъектом законодательства, атрибутом которого является способность издавать общеобязательные правила поведения и охранять их соблюдение принудительно.

Представляется возможной ситуация, когда цифровое отчуждение окажется потенциально способным объять, поглотить и переварить все предыдущие формы отчуждения родовых сущностных сил человека. Так, в классическом капитализме капитал представляет собой отчужденный от рабочих абстрактный труд, опредмеченные сущностные силы индивидов, сконцентрированные на одном, меньшем по численности, полюсе общества и противостоящие другой, больше его части. На базе экономической формы отчуждения существовали иные его виды: государство представляет собой политическую форму отчуждения родовой сущности человека, а духовная и идеологическая формы, обслуживая его, функционировали на множестве уровней и проявлялись в социальной реальности в виде формальных и неформальных объединений и организаций гражданского общества. В цифровом же пространстве институты привычного для нас общества и государства станут приложениями. Индивиды окажутся лишенными личной собственности, будут иметь лишь записи машинного кода, формирующие их о текущем статусе. При таких обстоятельствах возможно предположить, что останется только одна форма отчуждения сущностных сил индивидов – цифровая, вбирающая в себя остальные. Возникает вопрос о роли права, морали и других человеческих ценностей в ситуации тотального цифрового отчуждения.

Вопрос об этике цифрового мира активно обсуждается как зарубежными, так и отечественными исследователями. Так, Яна Мишич (Yana Mišić) указывает на то, что этика технологий уже сформировалась как бы сама собой [13]. Некоторые отмечают ценностную нейтральность технологии и цифрового мира, говоря, что ценностные доминанты не меняются в виртуальном пространстве и в конечном итоге решение принимает человек, а технология является лишь инструментом [14]. В этой связи Т. Г. Лушкевич, исследуя феномен цифрового отчуждения, приходит к выводу, что сетевые взаимодействия, подменяя реальные, живые человеческие связи, формируют некую особую «информационную систему ценностей» [15]. Если цифровая реальность представляет собой особый мир, живущий по своим дигитальным законам, то и у акторов такого мира в качестве этического «исходного кода», осознают они это или нет, должна присутствовать некая система специфических информационных ценностей. Какое же место право занимает и будет занимать в иерархии информационных, цифровых ценностей?

Как отмечается [16], в нынешней академической дискуссии относительно цифровой этики превалирует мнение, емко сформулированное А. А. Ивановым: «...никакого специального понятия цифровой этики не нужно, – это обычная этика, только в цифровой сфере» [17, с. 71]. Очевидно, что с такой позицией, да еще и поддержанной научным сообществом, трудно поспорить, однако до определенного момента. Необходимо поставить вопрос о том, каким же образом цифровая реальность изменит субъектов морального и правового выбора, что и необходимо установить.

А. А. Иванов в том же докладе, описывая тенденцию машинизации правовых норм, выражающуюся в автоматизации принятия правоприменительных решений, справедливо указывает на то, что не все правовые нормы и институты могут быть оцифрованы. Нормы высокого уровня, основополагающие нормы-принципы и нормы, слишком абстрактные, основывающиеся на метаюридических источниках, не поддаются машинной логике, поэтому цифровую форму обретут, прежде всего, нормы, регулирующие простые, примитивные отношения. Например, хорошо всем знакомые автоматические постановления по фактам нарушения правил дорожного движения. В этой связи система права разделяется на ядро и периферию, где «ядро – это и есть то, что станет новой цифровой гуманностью, то, что должно остаться у людей как показатель их собственной ценности в новых условиях» [17, с. 73].

Представляется, что сложно сформулированные, возможно нерациональные, не поддающиеся формальной машинной логике правовые нормы являются не проблемой, как думают некоторые адепты цифровизации. Они выступают принципиально человеческими, человеко-размерными без какой-либо положительной или отрицательной окраски. В данном контексте ползучий процесс машинизации правовых норм следует рассмотреть как еще один шаг на пути дегуманизации. Линия разлома пролегает в возможности полной цифровизации всех правовых норм, в эпоху ускоряющихся темпов цифрового отчуждения массы индивидов такая ситуация грозит возможной потерей не формальной, а сущностной правосубъектности значимой части индивидов.

Как известно из теории права, формальная и сущностная правосубъектность – это два аспекта, характеризующие правовое положение субъекта в системе правоотношений. Они отражают разные уровни признания лица субъектом права и его способности участвовать в этих отношениях. Формальная правосубъектность связана с признанием за субъектом статуса участника правовых отношений. Она включает в себя две составляющие: правоспособность (это возможность иметь субъективные права и обязанности) и дееспособность (способность своими действиями приобретать и осуществлять права, а также исполнять обязанности). Таким образом, формальная правосубъектность определяет юридическое признание субъекта как носителя прав и обязанностей, но она не всегда отражает реальную способность субъекта действовать в рамках этих прав и обязанностей. Сущностная (материальная) правосубъектность касается фактической возможности субъекта реализовать свои права и выполнять обязанности. Она зависит от множества факторов, включая реальное наличие ресурсов (социальных, финансовых, материальных, интеллектуальных) для осуществления своих прав и исполнения обязанностей; фактическую способность понимать значение своих действий и предвидеть их последствия; внешние по отношению к субъекту социальные и экономические условия, влияющие на возможность реализации прав и выполнения обязанностей. Таким образом, разница между формальной и сущностной правосубъектностью заключается в том, что формальная правосубъектность фиксирует юридические рамки участия субъекта в правовых отношениях, предоставляя ему статус обладателя прав и обязанного лица, а сущностная правосубъектность отражает реальную возможность субъекта использовать эти права и исполнять обязанности, учитывая внешние факторы и личные качества.

Представляется закономерным, что в мире цифровых платформ лишь у меньшей части индивидов, относящейся к определенным стратам общества (имеющим доступ к привилегированному положению в цифровом пространстве), будет насущная необходимость пользоваться неоцифрованной частью ядра правовой системы, составляющей остаточный гуманизм. Тенденция при этом уже сейчас направлена на сокращение объема неоцифрованного ядра правовой системы по мере усиления способностей искусственного интеллекта. Представляется, что большая часть людей, продавая свое время и активность за эмоции и подвергаясь манипуляциям, частично утратят способность к осмысленному и самостоятельному, ответственному целеполаганию.

Складывается ситуация, когда уже не сословное, классовое, экономически обусловленное материальное положение, а именно интеллектуальные, эмоциональные, волевые качества индивидов могут оказаться недостаточными, чтобы быть субъектами права. Такая ситуация внешне схожа с несоответствием субъективных прав и реальных потребностей индивидов в классическом капитализме. Так, еще в ранних работах К. Маркс подметил такую особенность правового оформления буржуазных общественных отношений: «Выработанный людьми закон дал собственникам право пользоваться и злоупотреблять своей собственностью, т.е. делать все, что им угодно, с любыми объектами труда... Закон отнюдь не обязывает их всегда и вовремя предоставлять работу тем, кто не имеет собственности, или выплачивать им всегда достаточную заработную плату и т.д.» [18]. В этой связи социологи Сол Пиччиотто и Роберт Файн, раскрывая механизмы функционирования правовой системы, в частности Великобритании, отмечали, что центральная проблема, связанная с ролью права в классовом обществе, – это видимость его автономии и нейтральности: «В буржуазном праве

субъективное право на труд признается не как право миллионов безработных, а как право штрейкбрехера или не состоящего в профсоюзе рабочего. Нет никакого права на достойное жилье, но есть право беспрепятственно владеть своим жилищем, будь то лачуга или дворец. Другие социальные права, такие как право на здоровье, не признаются в качестве юридически гарантированных и зависят от превратностей государственного обеспечения»¹. В сфере электронных взаимоотношений создается схожая иллюзия, будто в цифровом мире, обусловленном машинной логикой систем коммуникации, отсутствует какая-либо ценностная составляющая, однако вектор развития информационных технологий однозначно указывает на сокращение пространства нерациональных, абстрактных, но при этом подлинно человеческих отношений, да и гуманизма как такового. Пространство свободы и, как ни странно, социального прогресса (для некоторой части индивидов) неминуемо сокращается. «Появление права является одним из признаков, характеризующих человеческие сообщества, существующие в рамках истории, так как свидетельствует о появлении человеческих индивидуумов, обладающих определенной социальной свободой: возможностью действовать, осуществляя сознательный выбор того или иного поведения на основе социально признанных норм должного» [19, с. 230]. Представляется, что с утратой возможности сознательного выбора правового поведения право перестает быть маркером социального прогресса, каким оно было с момента своего возникновения, описывая, с одной стороны, сферу должного, а с другой – потенциал для раскрытия сущностных сил человека.

Таким образом, индивиды, направляемые машинным кодом автоматизированных взаимодействий, находятся в ситуации исчезновения своей социальной свободы, фактически самоустраиваются от своей самости, лишаются или лишают сами себя тяжелой ноши *решения*. Правосознание индивидов сжимается вместе со свободой. В такой ситуации нигилизм по отношению к праву оказывается во многом просто невозможен, так как, чтобы негативно относиться к праву либо не признавать его ценность, нужно обладать хоть каким-то правосознанием, основанным на самостоятельном рациональном мышлении, рефлексии права. В мире цифрового отчуждения для большей части индивидов элиминируется пространство права, поскольку они теряют свою социальную и духовную силу. Только люди, способные, в самом широком смысле, проецировать свою социальную силу, оказываются достойными иметь права и исполнять обязанности, «принимать решения со знанием дела» [20, с. 69], что и является маркером способности реализовывать свободу воли. Описываемая ситуация, очевидно, несводима к часто встречающемуся упрощенному – «просветительскому» взгляду на правовой нигилизм, сводящему его причины к правовой неразвитости субъектов права, наличию серьезных пробелов в правовом образовании и воспитании. Проблематика переселения человечества «из вселенной Гуттенберга во вселенную Цукерберга» предполагает куда более фундаментальные изменения как самих индивидов, так и их отношений.

Следует отдельно отметить, что правовой нигилизм в данной ситуации часто выражается не в пренебрежении к праву как ценности или конкретным законам, а в бездумном соглашательстве с предложенными вариантами поведения (спасибо тестовой системе в образовании), которые предоставляются субъекту правоотношения как в цифровом, так и в реальном мире.

Такая пассивная форма правового нигилизма исследовалась правоведами [21, с. 193]. Если с активным пренебрежением законом ситуация понятна, то в пассивной покорности без критического анализа скрывается существенная вредность для общества. Человек слепо следует установленным нормам, не задумываясь об их правомерности или целесообразности. Этот тип правового нигилизма примечателен тем, что внешне он может казаться законопослушанием, однако на самом деле это форма отказа от критического восприятия права. В этой связи представляется уместным сослаться на И. Канта, который утверждал, что «понятие пассивный гражданин кажется противоречащим дефиниции понятия гражданин вообще» [22].

В результате, проживающие в своих цифровых «пузырях», формирующихся благодаря алгоритмам рекомендаций, индивиды приучаются к априорному цифровому конформизму –

¹ Пиччиотто С., Файн Р. О марксистской критике права // Критика права : сайт. URL: http://kritikaprava.org/library/93/o_marksistskoj_kritike_prava (дата обращения: 23.03.2025).

автоматическому принятию и подчинению определенным цифровым стандартам или нормам без критического анализа. С другой же стороны – работает холодная машинная логика применения норм и правил автоматизированной системы права, имманентно стремящейся минимизировать объем ее остающегося человекообразного ядра. Стираются границы человеческого и машинного. Переход от текстового контента к визуальному указывает на изменения в способах восприятия информации обществом, что приводит к снижению аналитических способностей и системного мышления у индивидов, погруженных в свой информационный кокон.

С учетом обозначенных тенденций может оказаться, что в формирующемся цифровом мире многие люди могут потерять саму возможность иметь целостное правосознание и выражать нигилистические идеи. Право быть человеком в обществе, где применение правовых норм осуществляется людьми и для людей, станет предметом социальной борьбы. Кроме того, представляется необходимым создание механизмов, защищающих людей от бездумного формализма электронных систем, особое внимание необходимо уделять бесконтрольным процессам цифровой социализации, прежде всего детей и молодежи.

Список литературы

1. Делягин М. Г. Общество социальных платформ и цифровых следов: новые аспекты старых проблем // Многополярная глобализация и Россия : сб. тр. VIII Междунар. науч.-практ. конф. памяти А. Ю. Архипова (г. Ростов-на-Дону – Таганрог, 20–22 мая 2021 г.). Ростов н/Д. : Южный федеральный университет, 2021. С. 89–94. EDN: JGJDDP
2. Attali J. Une brève histoire de l'avenir. Paris : Fayard, 2006. 422 p.
3. Attali J. Demain, qui gouvernera le monde? Paris : Fayard, 2011. 418 p.
4. Schwab K., Malleret T. COVID-19: the Great Reset. World Economic Forum Publishing, 2020. 110 p. URL: <http://reparti.free.fr/schwab2020.pdf>
5. Щеглов И. А. Киберсоциализация как предмет социально-философского осмысления // Гуманитарный вестник. 2019. № 5 (79). С. 4. doi: [10.18698/2306-8477-2019-5-625](https://doi.org/10.18698/2306-8477-2019-5-625) EDN: YQXTOK
6. Плешаков В. А. Основы религиозного воспитания в контексте киберсоциализации человека // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4, Педагогика. Психология. 2013. № 4 (31). С. 9–17. EDN: RVBGYZ
7. Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48. doi: [10.17323/2072-8166.2018.4.24.48](https://doi.org/10.17323/2072-8166.2018.4.24.48) EDN: PVWZMM
8. Срничек Н. Капитализм платформ : монография / пер. с англ. М. Добряковой. М. : Высшая школа экономики, 2019. 128 с. EDN: VRPYEZ
9. Зарубина Н. Н. Тенденции дегуманизации в цифровом обществе: к обоснованию гуманистического подхода к технологическому развитию // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 4. С. 60–70. doi: [10.18384/2310-7227-2021-4-60-70](https://doi.org/10.18384/2310-7227-2021-4-60-70) EDN: KLBWBM
10. Herman E., Chomsky N. Manufacturing Consent: the Political Economy of the Mass Media. New York : Pantheon Books, 1988. 412 p.
11. Шананин В. А. Применение систем искусственного интеллекта в судебной практике // Юридическая наука. 2022. № 11. С. 143–147. EDN: MCLDGC
12. Емелин В. А. От неолуддизма к трансгуманизму: сингулярность и вертикальный прогресс или утрата идентичности? // Философия науки и техники. 2018. Т. 23, № 1. С. 103–115. EDN: XOSFYT
13. Mišić J. Ethics and governance in the digital age // European View. 2021. Vol. 20 (2). P. 175–181.
14. Pitt J. C. "Guns Don't Kill, People Kill"; Values in and/or Around Technologies // The moral status of technical artefacts. Philosophy of engineering and technology / ed. by P. Kroes, P.-P. Verbeek. Berlin : Springer, 2014. P. 89–102. doi: [10.1007/978-94-007-7914-3_6](https://doi.org/10.1007/978-94-007-7914-3_6)
15. Лешкевич Т. Г. Феномен цифрового отчуждения // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе : сб. тр. II Всерос. науч. конф. (г. Нижний Новгород, 29 ноября – 1 декабря 2019 г.). Н. Новгород : Красная ласточка, 2019. С. 137–139. doi: [10.24411/9999-036A-2019-00051](https://doi.org/10.24411/9999-036A-2019-00051) EDN: BTVVVH

16. Сунами А. Н. Этика «цифрового общества»: новый конфликт или новый баланс // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39, № 3. С. 544–556. doi: [10.21638/spbu17.2023.311](https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.311) EDN: [TSTAGD](#)
17. Иванов А. А. Цифровая этика и право // Закон. 2021. № 4. С. 67–73. doi: [10.37239/0869-4400-2021-16-4-67-73](https://doi.org/10.37239/0869-4400-2021-16-4-67-73) EDN: [FDEBLD](#)
18. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. М. : Прогресс, 1981. 216 с.
19. Поляков А. В. Правогенез // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 5 (238). С. 216–234. EDN: [TLRDIV](#)
20. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 30 т. Т. 14: Июль 1857 – ноябрь 1860. М. : Госполитиздат, 1959. 897 с.
21. Букина Е. Е. Философское осмысление форм правового отчуждения: правовой нигилизм, правовой фетишизм, правовой инфантилизм // Философия, социология, право: традиции и перспективы : сб. науч. тр. Всерос. науч. конф., посвященной 30-летию Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск, 19–20 ноября 2020 г.). Новосибирск : Офсет, 2020. С. 191–196. doi: [10.47850/S.2020.1.55](https://doi.org/10.47850/S.2020.1.55) EDN: [YGLEDN](#)
22. Кант И. Метафизика нравов / пер. с нем., примеч. С. Я. Шейнман-Топштейн и Ц. Г. Арзаканьяна. М. : Мир книг : Литература, 2007. 399 с. EDN: [QWPBOB](#)

References

1. Delyagin M.G. Society of social platforms and digital tracks: new aspects of old problems. *Mnogopolyarnaya globalizatsiya i Rossiya: sb. tr. VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. pamyati A.Yu. Arkhipova (g. Rostov-na-Donu – Taganrog, 20–22 maya 2021 g.) = Multipolar globalization in Russia: proceedings of VII International scientific and practical conference dedicated to A.Yu. Arkhipov (Rostov-on-Don – Taganrog, 20 – 22 May, 2021)*. Rostov n/Don: Yuzhnyy federal'nyy universitet, 2021:89–94. (In Russ.)
2. Attali J. *Unebrève histoire del'avenir*. Paris: Fayard, 2006:422.
3. Attali J. *Demain, qui gouvernera le monde?* Paris: Fayard, 2011:418.
4. Schwab K., Malleret T. *COVID-19: the Great Reset*. World Economic Forum Publishing, 2020:110. Available at: <http://reparti.free.fr/schwab2020.pdf>
5. Shcheglov I.A. Cybersocialization as a subject of social and philosophical thinking. *Gumanitarnyy vestnik = Humanitarian bulletin*. 2019;(5):4. (In Russ.). doi: [10.18698/2306-8477-2019-5-625](https://doi.org/10.18698/2306-8477-2019-5-625)
6. Pleshakov V.A. Foundations of religious upbringing in the context of cybersocialization of a person. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4, Pedagogika. Psikhologiya = Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University. Series 4, Pedagogy. Psychology*. 2013;(4):9–17. (In Russ.)
7. Gadzhiev G.A., Voynikanis E.A. Can a robot be a subject of law? (search for legal forms for regulating digital economics). *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of Higher School of Economics*. 2018;(4):24–48. (In Russ.). doi: [10.17323/2072-8166.2018.4.24.48](https://doi.org/10.17323/2072-8166.2018.4.24.48)
8. Srnichek N. *Kapitalizm platform: monografiya = Platform capitalism: monograph*. Translated from English by M. Dobryakova. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki, 2019:128. (In Russ.)
9. Zarubina N.N. Trends of dehumanization in digital society: to justifying humanistic approach to technological development. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki = Bulletin of Moscow State Regional University: Series: Philosophical sciences*. 2021;(4):60–70. (In Russ.). doi: [10.18384/2310-7227-2021-4-60-70](https://doi.org/10.18384/2310-7227-2021-4-60-70)
10. Herman E., Chomsky N. *Manufacturing Consent: the Political Economy of the Mass Media*. New York: Pantheon Books, 1988:412.
11. Shananin V.A. Applying artificial intelligence systems in court practice. *Yuridicheskaya nauka = Legal science*. 2022;(11):143–147. (In Russ.)
12. Emelin V.A. From Neo-Luddism to Transhumanism: singularity and vertical progress or loss of identity? *Filosofiya nauki i tekhniki = Philosophy of science and engineering*. 2018;23(1):103–115. (In Russ.)
13. Mišis J. Ethics and governance in the digital age. *European View*. 2021;20(2):175–181
14. Pitt J.C. “Guns Don’t Kill, People Kill”; Values in and/or Around Technologies. *The moral status of technical artefacts. Philosophy of engineering and technology*. Berlin: Springer, 2014:89–102. doi: [10.1007/978-94-007-7914-3_6](https://doi.org/10.1007/978-94-007-7914-3_6)
15. Leshkevich T.G. Phenomenon of digital alienation. *Revolutsiya i evolyutsiya: modeli razvitiya v nauke, kul'ture, obshchestve: sb. tr. II Vseros. nauch. konf. (g. Nizhniy Novgorod, 29 noyabrya – 1 dekabrya 2019 g.) = Revolution and evolution: the model of development in science, culture, society: proceedings*

of II All-Russian scientific conference (Nizhniy Novgorod, 29 November – 1 December, 2019). Nizhniy Novgorod: Krasnaya lastochka, 2019:137–139. (In Russ.). doi: [10.24411/9999-036A-2019-00051](https://doi.org/10.24411/9999-036A-2019-00051)

16. Sunami A.N. Ethics of “digital society”: new conflict or new balance. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* = *Bulletin of Saint-Petersburg University: Philosophy and conflictology*. 2023;39(3):544–556. (In Russ.). doi: [10.21638/spbu17.2023.311](https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.311)

17. Ivanov A.A. Digital ethics and law. *Zakon* = *Law*. 2021;(4):67–73. (In Russ.). doi: [10.37239/0869-4400-2021-16-4-67-73](https://doi.org/10.37239/0869-4400-2021-16-4-67-73)

18. Marks K. *Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 g.* = *Economic and philosophical manuscripts of 1844*. Moscow: Progress, 1981:216. (In Russ.)

19. Polyakov A.V. Genesis of law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie* = *University proceedings. Legal sciences*. 2001;(5):216–234. (In Russ.)

20. Marks K., Engel's F. *Sochineniya: v 30 t. T. 14: Iyul' 1857 – noyabr' 1860* = *Essays in 30 volumes. Vol. 14: July 1857 – November 1860*. Moscow: Gospolitizdat, 1959:897. (In Russ.)

21. Bukina E.E. Philosophical understanding of the forms of legal alienation: legal nihilism, legal fetishism, legal infantilism. *Filosofiya, sotsiologiya, pravo: traditsii i perspektivy: sb. nauch. tr. Vseros. nauch. konf., posvyashch. 30-letiyu Instituta filosofii i prava SO RAN (g. Novosibirsk, 19–20 noyabrya 2020 g.)* = *Philosophy, sociology, law: traditions and perspectives: proceedings of All-Russian scientific conference dedicated to 30th anniversary of the Institute of Philosophy and Law of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, 19–20 November, 2020)*. Novosibirsk: Ofset, 2020:191–196. (In Russ.). doi: [10.47850/S.2020.1.55](https://doi.org/10.47850/S.2020.1.55)

22. Kant I. *Metafizika нравов* = *Metaphysics of morals*. Translated from German, notes by S.Ya. Sheinman-Topstein, Ts.G. Arzakanyan. Moscow: Mir knig: Literatura, 2007:399. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

В. В. Белкин – ассистент кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7293-9728>

V.V. Belkin – Assistant of the Department of Philosophy, Perm State National Research University, 15 Bukireva street, Perm, 614990. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7293-9728>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /

The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 02.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 30.06.2025

Принята к публикации / Accepted 30.07.2025